

АГЕНТСТВО МОРСКОГО ПРАВА

ISSN 2619-1644

***ОКЕАНСКИЙ
МЕНЕДЖМЕНТ***

Выпуск 1(19) 2023

Научно-практический журнал

Санкт-Петербург

Научно-практический журнал «Океанский менеджмент»

Научно-практический журнал «Океанский Менеджмент» - печатное издание, публикующее статьи российских и зарубежных ученых, по управлению морским транспортом и портовому обслуживанию; международному праву, морскому праву и иностранному законодательству в сфере обеспечения деятельности морского транспорта и морской ресурсодобывающей деятельности.

Журнал адресован преподавателям, аспирантам, докторантам, работникам морской транспортной отрасли и практическим работникам, деятельность которых связана с обеспечением морепользования.

Выходит ежеквартально в бумажной и в электронной версиях.

Электронную версию журнала можно прочитать на сайтах ООО «АМП» (www.oceanlaw.ru) и научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (www.cyberleninka.ru).

Журнал индексируется в системе РИНЦ (ID: 67324).

Учредитель: ООО «Агентство морского права»

Адрес: 190121 Санкт-Петербург, Калинин переулок, д.4, лит. А

Тел/факс: (812) 495-13-91

E-mail: mla@oceanlaw.ru

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ТУ78-01944 от 25.10.2016

Контакты редакции

Почтовый адрес: 190121 Санкт-Петербург, Калинин переулок, д.4, лит. А

Тел/факс: (812) 495-13-91

E-mail: journal@oceanlaw.ru

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор - СКАРИДОВ АЛЕКСАНДР СТАНИСЛАВОВИЧ, доктор юридических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования, заведующий кафедрой «Международного и морского права» Государственного университета морского и речного флота имени адмирала С.О. Макарова. Директор Агентства морского права.

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ:

Бевеликова Нелли Михайловна, кандидат юридических наук, доцент кафедры «Международного и морского права» Государственного университета морского и речного флота имени адмирала С.О. Макарова.

Евсикова Елена Витальевна, кандидат юридических наук, ученое звание доцента по специальности «Административное право, Административный процесс»; доцент кафедры административного и финансового права, начальник отдела по организации научной и редакционно-издательской деятельности Крымского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», Заслуженный юрист Республики Крым.

Коваль Владимир Николаевич, Директор Юридического института Севастопольского государственного университета, доктор юридических наук, председатель Совета севастопольского регионального отделения Ассоциация юристов России, Заслуженный юрист Украины, Заслуженный юрист Республики Крым. *Заместитель главного редактора.*

Макаров Александр Данилович, доктор экономических наук, доктор юридических наук, профессор, академик МАНЭБ, АВН, НОАН, АПВЭиФ, Заслуженный деятель науки и образования, Основатель научной школы РАЕ.

Мордвинова Татьяна Борисовна, заместитель директора «Агентства Морского права» по научным и образовательным программам. Старший преподаватель кафедры «Международного и морского права» Государственного университета морского и речного флота имени адмирала С.О. Макарова. *Ответственный секретарь.*

Пастухова Лариса Викторовна, кандидат юридических наук, ученое звание доцента по кафедре международного права; доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Крымского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия».

Ручкина Гульнара Флюровна, доктор юридических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, федеральный эксперт Рособнадзора Министерства образования и науки РФ, декан юридического факультета, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации.

Трифоновна Кристина Васаконна, кандидат юридических наук, ученое звание доцента по специальности «Трудовое право; право социального обеспечения»; доцент кафедры гражданского права, доцент кафедры административного и финансового права Крымского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия».

Чернядьева Наталья Алексеевна, доктор юридических наук, доцент. Профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Крымского филиала Российского государственного университета правосудия.

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи публикуются в авторской редакции.

Ответственность за содержание и достоверность сведений, представленных в материалах, возлагается на авторов.

Вступительная статья	4
Чернядьева Н.А. Модель ООН в Крыму. Практика изучения международно-правовой защиты прав человека	6
Хмиль И.В. Конференция «Модель ООН» как механизм образовательных технологий и общественной дипломатии: крымский опыт	8
СЕКЦИЯ I. Совет Безопасности ООН: «Киберконсенсус: на пути к поддержанию мира и цифровой безопасности»	
Боровкова А.О. Республика Кения: взгляд на правовое обеспечение безопасности в цифровой среде	12
Кандаурова М.А. К вопросу о правовой позиции США в сфере национальной и международной кибербезопасности	15
Миткевич В.Н. Правовое обеспечение кибербезопасности в Великобритании	19
Сеитмедиева И.Р. Обеспечение кибербезопасности во Французской республике. Национальный и международный правовые аспекты	22
СЕКЦИЯ II. Генеральная Ассамблея ООН. «Нематериальное культурное наследие – живое наследие человечества»	
Чернядьева А.С. Роль Генеральной Ассамблеи ООН в охране нематериального культурного наследия	26
Бессельман И.В. Конвенция ЮНЕСКО от 17.10.2003 – основополагающий международно-правовой документ по охране объектов нематериального культурного наследия	31
Блинов Д.Р. Критерий «возраста» и его значение в правовом регулировании нематериального культурного наследия: опыт Германии	35
Зубкова В.А. Правовая защита нематериального культурного наследия в ОАЭ	38
Ковалишина К.В. Проблема сохранения нематериального культурного наследия в республике Индия	41
Куртумерова Л.А. Правовая защита нематериального культурного наследия Республики Корея	46
Симинюк А.Э. К вопросу о сохранении нематериального культурного наследия Мексики, как живого наследия человечества	45
СЕКЦИЯ III. Шестой комитет Генеральной Ассамблеи ООН: «Запрещение бактериологического оружия: проблемы международного контроля»	
Абу Аль-Вафа А.М. Усовершенствование механизма контроля за соблюдением КБТО 1972 года	52
Гасанова Т.И. Участие РФ в международно-правовом сотрудничестве по запрещению бактериологического оружия	55
Гевак Е.В. Запрещение бактериологического оружия: опыт международно-правового сотрудничества КНР	58
Миронов А.А. Запрещение бактериологического оружия –позиция республики Польша	60
СЕКЦИЯ IV. Управление по наркотикам и преступности: «Защита прав человека в условиях оборота наркотиков»	
Чипеев П.А. Управление ООН по наркотикам и преступности, как важнейший механизм в международной борьбе с наркотической эпидемией	63
Аблаева М.Р. Защита прав человека в условиях незаконного оборота наркотиков в исламском эмирате Афганистан = Protection of human rights in the context of drugtrafficking in the islamic emirate of Afghanistan	65
Костовинская Е.Н. «Защита прав человека в контексте незаконного оборота наркотиков в Норвегии» = Protection of human rights in the context of drug trafficking in Norway	68
Джемилева Г.Л. Международно-правовые меры противодействия незаконному обороту наркотиков = International legal countermeasures against drug trafficking	70
Куртумерова Л.А. Защита прав человека в условиях оборота наркотиков. Опыт Ганы. = Protection of human rights in the conditions of drug traffic. Ghana experience	72

**СЕКЦИЯ V. «Первые шаги в науке». Статьи студентов – лауреатов конференции,
обучающихся по программам среднего профессионального образования**

Бровко К.Р. Охрана объектов нематериального культурного наследия: правовой опыт королевства Саудовской Аравии	75
Дудышев Д.А. Охрана нематериального культурного наследия: правовой опыт Китайской Народной Республики	78
Исмаилова С.Р., Халилова Л.Э. Защита прав человека в условиях наркотического оборота в Италии	80
Звилинская В.М. Историко-правовые аспекты противодействия незаконному обороту наркотических средств в Таиланде	83

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Уважаемые читатели!

Складывается добрая традиция научно-образовательного сотрудничества научно-практического журнала «Океанский Менеджмент» с Крымским филиалом Российского государственного университета правосудия (КрФ «РГУП»), позволяющая расширить научные горизонты исследований и создающая условия для более интересных, полезных изысканий молодых ученых в сфере международного и национального права.

Данный выпуск журнала полностью посвящен результатам IV Всероссийской, с международным участием, научно-практической конференции студентов и школьников «Модель ООН в Крыму», которая была организована и проведена 21 – 23 октября 2022 г. совместно Черноморской ассоциацией международного сотрудничества и КрФ «РГУП» при финансовой поддержке Государственного комитета молодежной политики Республики Крым.

Конференция показала действительно всероссийский масштаб и охватила участников из 13 субъектов РФ: от Иркутска до Санкт-Петербурга, от Сыктывкара до Симферополя и Севастополя. Впервые в нашей конференции приняли очное участие студенты из нового региона России – Донецкой Народной Республики. Всего в мероприятии приняли участие более 300 человек.

В ходе Конференции студенты и учащиеся старших классов воспроизводили работу органов Организации Объединенных Наций, играли роль делегатов, представляющих различные страны, пытались разрешить реальные мировые проблемы в соответствии с политическим курсом и позицией представляемых ими государств.

Семь секций Конференции включали работу органов ООН – Совет Безопасности, Генеральная Ассамблея, Управление по наркотикам и преступности, шестой комитет Генеральной Ассамблеи. Для каждого органа предусматривалась своя повестка:

- Генеральная Ассамблея ООН: «Нематериальное культурное наследие – живое наследие человечества». ГА ООН вела работу на двух секциях – на русском и французском языках.
- Совет Безопасности ООН: «Киберконсенсус: на пути к поддержанию мира и цифровой безопасности».
- Шестой комитет Генеральной Ассамблеи ООН: «Запрещение бактериологического оружия: проблемы международного контроля».
- Управление по наркотикам и преступности: «Защита прав человека в условиях оборота наркотиков». УНП вело работу на английском языке

На Конференции работали две специальные секции «Модель ООН Junior» – для учащихся 9-11 классов средних школ и для студентов, обучающиеся по программам среднего профессионального образования. Для них было предложено смоделировать работу ГА ООН по заявленной повестке.

В настоящем выпуске журнала представлены научные статьи, подготовленные студентами – руководителями проекта «Модель ООН», а также участниками, ставшими лауреатами конференции. В целом, содержание данного номера представляется интересным и отражающим актуальные вопросы международного права.

С уважением,

Чернядзева Наталья Алексеевна

Д.ю.н, доцент, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Крымский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», г. Симферополь

МОДЕЛЬ ООН В КРЫМУ. ПРАКТИКА ИЗУЧЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Аннотация: В статье дается характеристика проекту «Модель ООН в Крыму» как практической методике изучения международно-правовой защиты прав человека студентами и учениками – старшеклассниками. В частности, рассматриваются основные этапы реализации проекта, показаны особенности процесса моделирования работы органов ООН.

Ключевые слова: Модель ООН, Модель ООН в Крыму, общественная дипломатия, научно-практическая конференция, международное сотрудничество.

MODEL UN IN CRIMEA. THE PRACTICE OF STUDYING THE INTERNATIONAL LEGAL PROTECTION OF HUMAN RIGHTS

Annotation: The article characterizes the project "Model UN in Crimea" as a practical method for studying the international legal protection of human rights by students and high school students. In particular, the main stages of the project implementation are considered, the features of the process of modeling the work of UN bodies are shown.

Key words: Model UN, Model UN in Crimea, public diplomacy, scientific and practical conference, international cooperation.

В этом году уже в четвертый раз была проведена Всероссийская с международным участием научно-практическая конференция студентов и старшеклассников «Модель ООН в Крыму». Организаторами конференции выступили Крымский филиал Российского государственного университета правосудия (КрФ «РГУП») и крупнейшая в Крыму общественная организация, имеющая внушительный опыт в сфере общественной дипломатии – Черноморская ассоциация международного сотрудничества. Финансовую поддержку проекту оказывал Государственный комитет молодежной политики Республики Крым как победителю первом конкурсе в 2022 году на предоставление субсидий (грантов) некоммерческим организациям с целью поддержки молодежных проектов, реализации проектов в сфере патриотического воспитания и волонтерской деятельности.[1]

Проект «Модель ООН в Крыму» органично вписался в актуальную для настоящего времени повестку патриотического воспитания и волонтерской деятельности. Он ориентирован на патриотическое воспитание, формирование межнационального и межконфессионального уважения; формирование единой команды школьников старших классов, студентов, магистрантов; изучение международного права, механизмов защиты прав человека; создание условий для интеграции обучающихся Крыма в мировую научно-образовательную среду; формирование умений принимать на себя роль дипломата, дискутировать на глобальные темы и совместными усилиями приходить к общему решению.

Целесообразность проведения таких конференций – ролевых игр по вопросам работы ООН, обуславливается задачей подготовки специалистов, которые в ближайшем будущем смогут обеспечить возможность нашему государству конструктивно взаимодействовать и работать на международно-правовых площадках. Осознаем, что абсолютное большинство студентов-участников таких конференций не свяжут свою профессиональную жизнь с международными организациями. Но знакомство и практическое «включение» в их деятельность способствует формированию собственного осознанного отношения к сложным вопросам мирового политико-правового процесса. Такие конференции позволяют учащимся лучше понять структуру, логику принятия решений в международных организациях.

В ходе проведения Модели ООН участники получают возможность не только весело поиграть в «вершителей мировых судеб», но и на практике почувствовать механизмы и тактики убеждения, приемы лоббирования, хитросплетения системы принятия решений и формирования ценностных основ демократии и гражданского общества. Заявленный формат ориентирован на одновременное включение участников как в практическую деятельность (подготовка и защита позиции страны по вопросу повестки), так и участие в научно-теоретической работе, заключающейся в поиске информации, ее анализе и подготовке к выступлению и дискуссии.

Оба направления органично сочетаются в участии в нормотворческой работе участников (подготовка и принятие резолюции по вопросу повестки).

Опыт проведения Моделей (MUN) распространился по всему миру — от Великобритании и Франции до Китая и Египта. Одним из основных мест их проведения в Европе стала Европейская международная Модель ООН в Гааге (TEIMUN). Это самая старая конференция Модели ООН в континентальной Европе, проводимая с 1986 года. Международный Университет Международных отношений (МГИМО) с 1990 года реализует проект «Московская международная

модель ООН». В настоящее время конференция «Модель ООН» проходит во всех регионах РФ. За прошедшие 30 лет уже несколько поколений студентов попробовали и оценили методическую ценность Модели ООН. [2]

Крымский вариант MUN имеет региональные особенности, отличающие от иных подобных конференций.

Так, наш проект – один из немногих в России, который создан и функционирует именно как студенческая инициатива. Все технические вопросы решают сами ребята и преподаватели, которые готовы помогать им во внеучебное время.

«Модель ООН в Крыму» – это не только научно-практическая конференция, но масштабный научно-образовательный проект, включающий, в том числе, серию выездных мероприятий в средние школы и учреждения среднего профессионального образования.

Сложившаяся геополитическая обстановка республики Крым определяет особые задачи проекта, связанные с созданием дополнительных условий для интеграции Крыма в мировой политико-правовой процесс (в том числе выработка дополнительного канала реализации идеи общественной дипломатии), для более близкого знакомства крымской молодежи с современными актуальными направлениями международно-правового сотрудничества. Важной задачей считается формирование межнационального и межконфессионального уважения и взаимопонимания.

В фокусе внимания проекта «Модель ООН в Крыму» находится именно научная и образовательно-воспитательная, а не развлекательно-игровая составляющая. Привлечение старшеклассников (9-11 классы) и студентов СПО в качестве участников проекта создает широкие профориентационные возможности для выбора будущей профессии.

Еще одной важной специфической чертой «Модели ООН в Крыму» является привлечение внушительного числа волонтеров. Команда проекта уже системно, в течение последних нескольких лет, составляет более 40 человек, которые обеспечивают поездки по школам и колледжам, техническое и информационное сопровождение, руководство отдельными секциями конференции. Отдельно следует обратить внимание на влияние «Модели ООН в Крыму» на достижение воспитательных задач. За счет многоуровневой ротации участников, сохранения досье и преемственности «поколений моделистов» авторский коллектив индивидуально определяет роли для каждого участника. Таким образом, вчерашний студент-дебютант завтра оказывается на ответственной игровой должности. Участие в организаторском звене формирует ответственное отношение к мероприятию и, как следствие, становится условием для укрепления лояльности как к своей стране, так и к своему коллективу. Понимание ответственности, острое желание проявить себя и работать успешно, подталкивает участников к самостоятельному изучению тем повестки дня, к соблюдению правил поведения и следованию кодекса взаимоуважения.

В этом году в ходе реализации проекта была апробирована комбинированная форма: организаторы проекта с привлечением волонтеров проводили семинары/тренинги среди старшеклассников, студентов СПО в ходе которых в игровой форме происходило знакомство с ООН, как универсальной организацией, обеспечивающей сотрудничество государств по широкому спектру вопросов и проводилось смоделированное заседание Совета по правам человека ООН по актуальной мировой проблеме, связанной с обеспечением и защитой прав человека (сентябрь-октябрь 2022 г.). Таким образом студенты СПО и школьники на практике знакомились с методами международно-правовой работы ООН, с реальными позициями различных государств по правозащитной проблематике. Также школьникам и студентам СПО предоставляется возможность, с учебно-методической поддержкой организаторов и волонтеров, стать участниками конференции «Модель ООН Junior» (специальные выделенные секции для школьников и студентов колледжей в конференции «Модель ООН в Крыму».

Вторым этапом проекта стало проведение круглого стола «Будущее международного права», с участием ведущих ученых Российского государственного университета правосудия, Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (14 октября 2022 г.). В ходе круглого стола студенты Крымского филиала «РГУП» (более 180 человек) имели возможность задать профессорам – отечественным экспертам по международному праву *любые* вопросы по актуальной международно-правовой повестке и получить на них развернутые ответы. Специальные доклады профессоров С.А. Трофимова и О.К. Шевченко о природе и соотношении принципов международного права, презентация сборника статей «Принципы права народов на самоопределение, невмешательства во внутренние дела и уважение территориальной целостности государств в современном мире» по материалам международной научно-практической конференции под руководством Постоянного Представителя Республики Крым при Президенте Российской Федерации Г.Л. Мурадова (февраль 2022 г) [3], несомненно, украсили и обогатили содержание круглого стола.

Итоговым, завершающим этапом проекта стала IV Всероссийская с международным участием научно-практическая конференция студентов и школьников в форме ролевой игры «Модель ООН в Крыму», которая прошла 21-23 октября 2022 года. Её участники – делегаты, наблюдатели, председатели и эксперты – выступали в роли официальных представителей стран-

членов ООН и международных организаций, которые приехали на конференцию для обсуждения повестки дня. На Модели делегаты выражают не личную точку зрения, а официальную позицию представляемой ими страны. Цель каждого комитета — принять резолюцию по вопросу на повестке дня. Первый день работы Конференции - 21.10.2022, транслировался на канале ВК (https://vk.com/video-56606648_456239552). Только в период работы конференции, с 21 по 23 октября 2022 г., слушателями конференции на канале ВК стали более 6 тысяч человек.

Научные исследования в сфере моделирования деятельности международных организаций – одно из направлений изучения современной науки международного права. [4, с. 55] Методика моделирования (выделение наиболее значимых компонентов и исследование их возможностей в среде, максимально приближенной к реальной), является весьма перспективной.

В современных непростых геополитических условиях представляется особенно важным не утратить доктринальную и практическую ценность концепции уважения прав человека в международном и национальном правовом пространстве. По словам Президента РФ В.В. Путина права человека – это высший национальный приоритет: «...Этим приоритетом определяются все положения обновленной Конституции о защите семьи, о важнейшей роли родителей в воспитании детей, об укреплении социальных гарантий, развитии экономики, образования и культуры». [5] Правильное понимание прав человека, выработка компетенций по их добросовестному применению в жизни – это главная цель проекта «Модель ООН в Крыму». Все доклады участников посвящены актуальным вопросам защиты прав человека в национальном и международном праве.

Благодаря поддержке Заместителя Председателя Совета министров Республики Крым – Постоянного Представителя Республики Крым при Президенте РФ Г.Л. Мурадова заключительное пленарное заседание конференции прошло 23 октября 2022 г. в значимом историческом месте, где было принято решение о создании Организации Объединенных Наций в ходе Ялтинской конференции 4-11 февраля 1945 года – в Ливадийском дворце (Ялта).

В этом выпуске журнала собраны статьи победителей и лауреатов конференции, подготовленные на основе докладов. Думается, что читатели, после знакомства с содержанием статей, согласятся с тем, что все работы действительно написаны на качественном научном уровне, отражают большую проделанную работу и подтверждают лауреатский статус их авторов.

Пристатейный библиографический список:

1. Проекты. Модель ООН в Крыму. [Электронный ресурс] URL: <https://крым.гранты.рф/public/application/item?id=f127af2b-becc-4b49-af02-5d55029f87e3>
2. Российская ассоциация содействия ООН. United Nations Association of Russia [Электронный ресурс] URL: https://una.ru/una_model
3. Принципы права народов на самоопределение, невмешательства во внутренние дела и уважения территориальной целостности государств в современном мире. Крымский опыт. Материалы международной научно-практической конференции (Москва, МГИМО МИД России, 15 февраля 2022 года) 2022. 306 с.
4. Акимов А. В. Методология моделирования международных отношений // Документ. Архив. История. Современность. 2007. № 7. С. 53-74
5. Послание Президента Российской Федерации от 21.04.2021 г. [Электронный ресурс] URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/46794>

Хмиль И.В.

Магистрант 2года обучения
Крымский филиал ФГБОУВО «РГУП»

Научный руководитель: Чернядьева Н.А., д.ю.н, доцент,
профессор кафедры государственно-правовых дисциплин
Крымский филиал ФГБОУВО «РГУП»

КОНФЕРЕНЦИЯ «МОДЕЛЬ ООН» КАК МЕХАНИЗМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ДИПЛОМАТИИ: КРЫМСКИЙ ОПЫТ

Аннотация: В работе исследуются вопросы развития общественной дипломатии среди молодежи. Рассмотрены основные преимущества такого механизма как моделирование работы органов Организации Объединенных Наций (далее – ООН) для создания новых каналов общественной дипломатии. Автором проведен анализ основных, применяемых при моделировании работы органов ООН образовательных технологий, позволяющих сформировать средства общественной дипломатии в кругу молодежи. Также автором раскрыт опыт проведения Модели ООН в Республике Крым, показано применение новых образовательных технологий в процессе реализации проекта. В завершении исследования автором сформулированы выводы относительно роли конференции «Модель ООН в Крыму» в общественной дипломатии, в целях включения полуострова в международные процессы.

Ключевые слова: общественная дипломатия, образовательные технологии, Модель ООН, Модель ООН в Крыму, международное сотрудничество.

CONFERENCE "MODEL UN" AS A MECHANISM OF EDUCATIONAL TECHNOLOGIES AND PUBLIC DIPLOMACY: CRIMEAN EXPERIENCE

Abstract: The paper examines the issues of the development of public diplomacy among young people. The main advantages of such a mechanism as modeling the work of United Nations bodies (hereinafter referred to as the UN) to create new channels of public diplomacy are considered. The author analyzes the main educational technologies used in modeling the work of UN bodies, which allow to form the means of public diplomacy among young people. The author also reveals the experience of the UN Model in the Republic of Crimea, shows the use of new educational technologies in the process of project implementation. At the end of the study, the author formulated conclusions regarding the role of the UN Model in Crimea for the inclusion of the peninsula in international processes using public diplomacy mechanisms.

Keyword: public diplomacy, educational technologies, Model UN, Model UN in Crimea, international cooperation.

Современная ситуация на международной арене требует усиления деятельности не только государственных институтов, но и такого инструмента мягкой силы (*soft power*), как общественная дипломатия. Значимость общественной дипломатии, как ресурса достижения внешнеполитических целей и правильного позиционирования государства на мировой площадке обуславливает актуальность рассмотрения ее механизмов в практике моделирования работы органов ООН. Еще большую актуальность темы подчеркивает рассмотрение работы конференции «Модель ООН» (далее – Модель ООН), как механизма общественной дипломатии, на примере крымского опыта, учитывая геополитическую специфику Крыма.

Общественная дипломатия, как указывают Е.Ф. Парубочная, Н.В. Пискунов, путем подключения к государственным усилиям различных неправительственных организаций, представителей экспертного и академического сообщества, деятелей культуры и иных общественных деятелей способствует укреплению взаимопонимания между странами и народами, продвижению интересов государства, выработке основных решений по многочисленным проблемам международной повестки дня [1, с.200]. При помощи механизмов общественной дипломатии осуществляется распространение государственной культуры, национальных ценностей, что содействует реализации политики *soft power*, направленной на диалог в международных отношениях.

В свою очередь, одним из средств политики *soft power*, по мнению М.М. Лебедевой, Ж.Фора, А.В. Долинского является образование [2, с.159; 3; 4, с.56]. Обеспечение права на всеобщее и качественное образование включена в качестве одной из целей Устойчивого развития ООН [5]. Вместе с тем, образование позволяет знакомить, обучать и распространять среди молодых людей цели, идеи и основные направления деятельности ООН.

В этом аспекте представляется, что Модель ООН - это один из эффективных механизмов как обучения (в том числе международному публичному праву, сравнительному правоведению), так и общественной дипломатии. Этот вывод основан на следующих аргументах:

- Модель ООН позволяет, используя сравнительно-правовой метод, изучить интересы различных государств, их географию, культуру, традиции, национальную политику и законодательство;

- в процессе подготовки, участники изучают современную международную ситуацию, международно-правовые документы относительно повестке, основные направления деятельности, структуру ООН [6, с.233];

- Модель ООН также сочетает в себе различные образовательные и педагогические технологии: а) информационные технологии дистанционного участия; б) игровая технология – тренинговая и управленческая игра, позволяющая создать игровую модель, распределить ролевые позиции и т.д.; в) проблемно-развивающая технология – создание научной проблемной ситуации с целью поиска вариантов ее решения – формирование актуальной международной повестки дня и предложений от имени государств по ее решению, принятие резолюции) [7, с.29-30].

Роль Модели ООН в развитии общественной дипломатии можно рассмотреть с двух аспектов:

1. развитие образования при помощи современных и нестандартных технологий, что соответствует Целям устойчивого развития;

2. формирование и популяризация образа ООН, ее ценностей и идеалов [6, с.234].

Выработка каналов общественной дипломатии особенно для Крымского полуострова является актуальной ввиду сложного политического положения полуострова. Именно проведение Модели ООН в Крыму, на территории принятия решения о создании ООН, способствует формированию таких каналов, а также включению Крыма в мировые политико-правовые процессы.

В сентябре-октябре 2022 года Черноморской Ассоциацией Международного Сотрудничества совместно с Государственным комитетом молодежной политики Республики Крым, Крымским филиалом ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»

был реализован масштабный проект «Модель ООН в Крыму». Реализация проекта предусматривала несколько этапов.

Первый этап (сентябрь 2022 года) включал проведение цикла интерактивных образовательных занятий «Модель ООН Junior», охвативший более 3 000 учащихся 9-11 классов из 32 школ и 8 учреждений, осуществляющих образовательную деятельность по программам среднего профессионального образования (далее – учреждения СПО) на территории 9 районов Крымского полуострова. Интерактивные занятия предусматривали формат межличностного общения студентов университета и учащихся школ, учреждений СПО, в ходе которого, происходило знакомство с историей и деятельностью ООН. Такой формат позволяет использовать традиционные образовательные технологии как беседа, рассказ, информационные технологии, так и индивидуальные технологии «двустороннего обучения» в трансформированном виде [8 с.79]. Сущность такого «двустороннего обучения» заключается в совместной деятельности как преподавания, в рассматриваемом случае работы с классом, группой обучающихся, преподнесение им информации, так и учения. То есть студент, являющийся субъектом обучения, временно принимая на себя роль преподавателя, самостоятельно изучает материал для его дальнейшей передачи. Кроме того, рассматриваемый формат расширяет возможности общественной дипломатии посредством включения большего количества молодых людей к разрешению современных международных вопросов. Особенно стоит подчеркнуть отклик обучающихся как со стороны студентов к проведению таких мероприятий (участие приняло более 30 студентов), так и со стороны школьников и учащихся учреждений СПО.

Второй этап – 21-23 октября 2022 года проведение IV Всероссийской с международным участием научно-практической конференции студентов и школьников «Модель ООН в Крыму». Участие в конференции приняло более 300 участников из 18 ВУЗов, 3 учреждений СПО, 10 школ. Проведение конференции предусматривало моделирование нескольких секций (Генеральная Ассамблея, Совет Безопасности, Управление по наркотикам и преступности) по актуальным проблемам современности. Кроме того, работа секций предусматривала три языка: русский, английский и французский, что позволяло применить технологии «мультилингвального образования» [9, с.110]. При проведении конференции также широко использовались дистанционные образовательные технологии, что предоставило возможность принять участие студентам из других регионов России. Также в конференции приняли участие иностранные студенты (как в русскоязычных секциях, так и в *специальной специ* на французском языке). Это способствовало ознакомлению с аутентичными позициями представляемых государств и иностранным языком. Заключительное пленарное заседание конференции состоялось в ГАУК «Ливадийский дворец-музей» - символическом месте для ООН, где в 1945 году на Ялтинской конференции было принято окончательное решение о ее создании [10, с.25].

Таким образом, формат конференции и применяемые в ходе ее проведения различные образовательные технологии позволили:

1. расширить субъектный круг каналов общественной дипломатии, включая в него как студентов ВУЗов, так и учреждений СПО и школ;
2. исследовать историю создания, структуру и деятельность ООН, проанализировать международно-правовые акты;
3. изучить и на своем опыте испробовать роль делегата представляемого государства, отстаивая его идеи;
4. ознакомиться с представителями иностранных государств, их историей, культурой и политико-правовой позицией;
5. путем диалога находить пути для достижения консенсуса для разрешения международной проблемы.

Все вышеперечисленное способствует развитию общественной дипломатии в среде молодых людей, формированию чувства патриотизма и уважения к представителям иных государств, ориентацию на диалог в международных отношениях при наличии противоположной позиции.

Подведем итоги:

Во-первых, общественная дипломатия является инструментом, «мягкой силы» (*soft power*) для реализации идей и продвижения интересов государства, его позиционирования, а также содействию международного взаимопонимания.

Во-вторых, одним из механизмов общественной дипломатии является образование. При этом, наиболее эффективным методом для обучения общественной дипломатии является моделирование работы ООН.

В-третьих, Модель ООН позволяет применить различные образовательные технологии, направленные как на теоретическое изучение истории, целей, принципов, идей, структуры и направлений деятельности ООН, международно-правовых актов, международной ситуации по повестке, так и практическое изучение в процессе работы особенностей каждого государства.

В-четвертых, опыт «Модели ООН в Крыму» (октябрь 2022 года) показал:

- а) востребованность среди обучающихся подобных мероприятий;
- б) возможность широкого применения новых образовательных технологий;
- в) положительный опыт участия иностранных студентов, что позволило ознакомиться с аутентичной позицией представляемых государств, а также общению на иностранных языках;
- г) развитие каналов общественной дипломатии среди молодых людей – студентов и школьников, вовлечение их в разрешение современных глобальных проблем, обучение взаимоуважению между государствами, достижению консенсуса при помощи «мягкой силы» и переговоров.

Библиографический список:

1. Парубочная Е.Ф., Пискунов Н.В. Общественная дипломатия как инструмент реализации российской «мягкой силы». // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2018. Т.23. №6. С.197-207.
2. Лебедева М.М., Фор Ж. Высшее образование как потенциал «мягкой силы» России. // Вестник МГИМО Университета. 2009. №2 (15). С. 157-161.
3. Долинский К.П. Что такое общественная дипломатия и зачем она нужна России? // Российский совет по международным делам. 2012. // [Электронный ресурс] URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/cto-takoe-obshchestvennaya-diplomatiya-i-zachem-ona-nuzhna-/?ysclid=lb2qzynmt2512563603>
4. Долинский А.В. Образовательные обмены в публичной дипломатии: российский и зарубежный опыт. // Вестник МГИМО Университета. 2014. №2 (35). С. 56-62.
5. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 25 сентября 2015 года «Преобразование нашего мира: Повестка для в области устойчивого развития на период до 2030 года». Принята на 70-й сессии ООН, 21 октября 2015 года. // [Электронный ресурс] URL: https://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/70/1&Lang=R
6. Бардашевич-Шалыга В.Л., Качицкая К.С. Моделирование ООН, как средство обучения молодежи общественной дипломатии. // Русский язык как средство коммуникации в современном интернациональном пространстве: материалы Международной научно-практической конференции, Минск, 26-27 ноября 2015 года. – Минск: РИВШ. С. 232-234.
7. Морковкин В.В., Сидоров С.В. «Модель ООН» как игровая форма обучения на уроках обществознания. // The childhood, adolescence and youth in a context of scientific knowledge. 2019. С. 27-33.
8. Кряклина Т.Ф. Новые технологии обучения и их роль в образовательном процессе. // Экономика. Профессия. Бизнес. 2016. С.77-82.
9. Малых Л.М. К вопросу о содержании понятия «мультилингвальное обучение» в российской системе образования. // Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т.31. Вып.1. С.108-119.
10. Чернядьева Н.А. Ялтинская конференция и становление современного международного права. // Крым – неотъемлемая часть России: государственно-правовая история и современность (к 5-летию референдума о независимости Крыма; 75-летию освобождения Крыма от немецко-фашистских оккупантов; к 165-летию начала иностранной интервенции в Крыму): Материалы международно научно-практической конференции 10 сентября 2019, г.Симферополь. – М: «РГУП», 2020. С. 23-31.

СЕКЦИЯ I.

Совет Безопасности ООН: «Киберконсенсус: на пути к поддержанию мира и цифровой безопасности»**Боровкова А.О.**

Студентка 3 курса бакалавриата

ОП «Право» факультета права НИУ ВШЭ г. Москва

Научный руководитель: Русинова В.Н., д.ю.н., профессор,
руководитель департамента международного права НИУ ВШЭ**РЕСПУБЛИКА КЕНИЯ: ВЗГЛЯД НА ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ**

Аннотация: в статье рассматриваются основные проблемы кибербезопасности в Республике Кения, их национальное и международно-правовое регулирование. Приведена статистика, демонстрирующая подверженность государства киберугрозам. Предложены способы решения проблемы цифрового разрыва между сельскими и городскими районами в Республике Кения. Применен международно-правовой принцип невмешательства как в личную жизнь, так и во внутренние дела государства. Обозначены текущие достижения Республики Кения по урегулированию информационной безопасности в стране.

Ключевые слова: Республика Кения, цифровизация, кибербезопасность, кибератака, распространение фейков, сельское население, принцип невмешательства.

REPUBLIC OF KENYA: PERSPECTIVE ON LEGAL SECURITY IN THE DIGITAL ENVIRONMENT

Abstract: the article is focused on the main problems of cybersecurity in the Republic of Kenya, their national and international legal regulation. Furthermore, the article presents statistics that demonstrate the vulnerability of the state to cyber threats. The article proposes the ways of solving the problem of the digital divide between rural and urban areas in the Republic of Kenya with the application of international legal principle of non-interference both in private life and in the internal affairs of the state. Additionally, the article outlines current achievements of the Republic of Kenya on the regulation of information security in the country.

Keywords: Republic of Kenya, digitalization, cybersecurity, cyberattack, spread of fakes, rural population, the principle of non-interference.

Безопасность всего мирового сообщества в цифровой среде обретает все большую значимость в условиях масштабнейших кибератак. Запрет на произвольное вмешательство в личную жизнь, установленный ст. 12 Всеобщей декларации прав человека от 10 декабря 1948 года [1], систематически нарушается.

Республика Кения является одной из самых продвинутых в диджитализации стран. Однако с ускорением цифровизации появляются ненадежные потребительские привычки, в результате которых пользователи становятся жертвами кибератак. Мы связываем этот факт с тем, что наиболее уязвимым перед киберугрозами выступает население, проживающее в сельской местности. Согласно данным Саймона Кемпа для портала DataReportal, совокупная численность населения Кении в январе 2022 года составляла 55,60 млн человек [2]. Из них 71% проживает в сельской местности. В связи с этим мы считаем, что для государства актуальной задачей в сфере информационной безопасности является уменьшение цифрового разрыва между сельскими и городскими районами. Ключевым решением данной проблемы мы видим в создании информационных ресурсов в сельской местности для повышения осведомленности о существующих киберугрозах и способах их превенции, а также в организации просветительских мероприятий.

Согласно данным CEI (Cybersecurity Exposure Index) от 2020 г., индекс подверженности киберугрозам в Республике Кении составляет 0.548 и оценивается как средний [3]. Исследование сервиса Surfshark показало, что индекс электронной безопасности в Кении в 2022 г. снизился на 20 позиций в глобальном рейтинге из 117 стран – с 54 до 74, по сравнению с 2021 г., и стал составлять 0.36 [4]. Мы наблюдаем отрицательную динамику, что вызывает у нас обеспокоенность в связи с уязвимостью государства перед киберугрозами.

В соответствии со статистикой «Лаборатории Касперского» Кения чаще всего подвергается локальным угрозам, т. е. угрозам персональным компьютерам, через программы, написанные на языке программирования Python и обладающие типовыми характеристиками программ-червей [5]. Это связано с тем, что язык программирования Python прост в изучении, а значит он может легко использоваться в целях осуществления кибератаки любым пользователем. Современные хакеры используют язык Python для создания вирусов, из-за которых происходит утечка персональных данных. Одна из схем получения личной информации выглядит следующим образом: пользователь открывает браузер, находит веб-страницу нужного ему ресурса, в то время

как программный код, т. е. вирус, внедренный в браузер или операционную систему, перехватывает данную страницу и перемещает пользователя на искусственную страницу, меняя ее сертификат безопасности. В результате браузер не воспринимает фишинговую страницу как фальшивую, считает ее реально существующим сервером. Пользователь следует указаниям веб-страницы и вводит запрашиваемый пароль, тем самым предоставляя создателю вируса свои данные. Киберпреступники также часто применяют программы-вымогатели, которые представляют собой вредоносное программное обеспечение, блокирующее устройство или хранящиеся на нем файлы и требующее выкуп за восстановление доступа.

В связи с этим мы предлагаем несколько способов регулирования проблемы: повышение цифровой грамотности населения, усовершенствование его навыков в использовании персонального компьютера, а также мониторинг соответствующими государственными органами в сфере кибербезопасности сомнительных ссылок, публикуемых в социальных медиа. По нашему мнению, отслеживание вредоносных материалов компетентными органами не является вмешательством в личную жизнь и тайну корреспонденции, запрет на произвольное и незаконное осуществление которого закрепляет п. 1 ст. 17 Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1996 года [6], поскольку уполномоченные лица будут наблюдать лишь за ссылками и веб-сайтами, находящимися в публичном доступе.

Говоря о предпринимаемых Кенией усилиях по обеспечению безопасности в сфере ИКТ, подчеркнем, что в государстве учрежден Национальный комитет по кибербезопасности KE-CIRT/CC (NKCC), осуществляющий предупреждение и технические консультации по киберугрозам в режиме 24/7. Он состоит из органов власти в сфере управления связью и правоохранительных органов. Комитет сотрудничает по вопросам кибербезопасности с различными субъектами на национальном и международном уровнях. Среди партнеров – Управление по информационно-коммуникационным технологиям Республики Кения (ICTA), Сообщество команд реагирования на компьютерные инциденты (FIRST) и др. [7]. Кенийцы могут сообщить о кибератаке или угрозе ее совершения, а также о киберинцидентах, в которых пострадали дети, через информационный портал KE-CIRT/CC.

В п.п. 3.2.3 Третьего среднесрочного плана Республики Кения на 2018–2022 г. среди приоритетных программ сектора ИКТ (информационно-коммуникационных технологий) была выделена национальная информационная безопасность [8]. Так, национальная программа информационной безопасности должна включать следующие аспекты:

1) Повышение безопасности общей базовой сети правительства (Government Common Core Network);

2) Внедрение политик безопасности и развертывание брандмауэра (защитного экрана между глобальным интернетом и локальной компьютерной сетью организации. Он выполняет функцию проверки и фильтрации данных, поступающих из интернета, блокирует вирусы) на всех пользовательских рабочих столах;

3) Разработка и внедрение системы безопасности для облачных хранилищ;

4) Создание Научно-исследовательского института кибербезопасности.

Более того, ИКТ были определены в качестве ключевого основополагающего сектора в рамках программы развития страны Kenya Vision 2030 [9, с.9].

Реализацию обозначенных планов Национальный комитет по кибербезопасности KE-CIRT/CC (NKCC) начал с разработки Практического руководства по информационной безопасности, предназначенной для юридических лиц, граждан и правительства [10]. В ней указаны рекомендации для обеспечения кибербезопасности пользователей. Например, пользователям желательно настроить конфиденциальность, использовать надежные, уникальные пароли, проводить оценку уязвимости системы и т. д.

Национальный комитет по кибербезопасности KE-CIRT/CC ежеквартально публикует Отчеты о кибербезопасности в стране. Так, в отчете за июль-сентябрь 2022 года комитет подчеркнул значимость и целесообразность внедренного в Республике Кения NPKI (National Public Key Infrastructure), предусмотренной Kenya Vision 2030. NPKI, так называемая национальная инфраструктура открытых ключей, представляет собой систему хранения и распространения цифровых сертификатов, которые используются для проверки принадлежности онлайн-идентификации определенному юридическому или физическому лицу [11, с.7]. Это означает, что с помощью данной системы Республика Кения PKI создает основу для защиты коммуникаций и хранимой информации от несанкционированного доступа и вмешательства.

Распространение фейков, т. е. умышленное введение в заблуждение посредством ложной информации в социальных сетях и средствах массовой информации, также относится к числу рассматриваемых нами проблем обеспечения цифровой безопасности населения [12, с.27]. Одним из аспектов данной проблемы выступает влияние фейковых новостей на исход выборов, т. е. публикация провокационной информации, направленной на опорочивание чести и достоинства кандидата, его деловой репутации в глазах избирателей. На вмешательство во внутрипартийные выборы обратили внимание исследователи международной консалтинговой компании в области

коммуникаций Portland. По их данным, в апреле 2017 г. в округе Бусиа была распространена поддельная обложка издания Daily Nation, говорящая о том, что кандидат от Оранжевого демократического движения доктор Отомо перешел на сторону Джубили – ведущей политической партии Республики Кения на тот момент [13, с.5]. Авторы фейков преследовали кандидатов неоднократно, к тому же, не только с помощью печатных изданий, но и с помощью цифровых ресурсов: некачественных веб-сайтов, созданных для придания достоверности ложным новостям. На наш взгляд, население, проживающее в сельской местности, склонно доверять непроверенным источникам и, более того, не готово воспринимать информацию критически ввиду отсутствия у него соответствующих навыков, а также недостаточного мониторинга новостей со стороны государственных органов.

При правовом решении данной проблемы, на наш взгляд, нужно опираться на принцип отказа от интервенции и невмешательства во внутренние и внешние дела государств, указанный в п. «с» раздела I Декларации о недопустимости интервенции и вмешательства во внутренние дела государств от 9 декабря 1981 года: государства и народы вправе развивать без вмешательства свою систему информации и средств массовой информации и использовать свои средства информации в целях содействия своим политическим, социальным, экономическим и культурным интересам и чаяниям [14]. В п.п. 3.2.2 Третьего среднесрочного плана Республики Кения на 2018–2022 г. было обозначено, что распространение фейковых новостей, разжигание ненависти и подстрекательство являются насущной проблемой ИКТ сектора. Кибербезопасность и меры защиты от злоупотреблений в СМИ имеют определяющее значение для развития ИКТ сектора, поэтому необходимо формировать соответствующие стратегию и политику [15]. Это объясняет факт того, что в Республике Кения распространение фейковых уголовно наказуемо [16, с.77].

В Отчете о кибербезопасности за июль-сентябрь 2022 года Национальный комитет по кибербезопасности указал, что во время президентской предвыборной кампании в стране летом 2022 года резко возросло количество искаженных видео и изображений, демонстрирующих не существовавшие в реальности выступления политиков. Для предотвращения подобных инцидентов Управление связи Республики Кения усилило сотрудничество с социальными сетями для изъятия поддельных материалов, делилось с населением техническими рекомендациями по защите от киберугроз в режиме 24/7 [17, с.5].

Резюмируя вышесказанное, хотим заключить, что обозначенная нами проблема цифрового разрыва между сельским и городским населением преодолевается Республикой Кения с помощью массового информирования о доступных способах защиты от киберугроз – посредством брошюр, памяток и инструкций по информационной безопасности для физических и юридических лиц. Тем не менее, мы считаем важным продолжение просветительских мероприятий, направленных на формирование критического отношения к предлагаемой информации и осмоторительности при потреблении контента на цифровых платформах. Проблемы кибербезопасности в Республике Кения и всем мире затрагивают важный международно-правовой принцип - принцип невмешательства как в личную жизнь человека, так и во внутренние дела государства. Мы убеждены, что он должен быть воспринят международным сообществом как руководящий принцип в борьбе с киберпреступностью и обеспечении мира.

Пристатейный библиографический список:

1. Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г. [Электронный ресурс] URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml.
2. Digital 2022: Kenya. DataReportal. [Электронный ресурс] URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2022-kenya#:~:text=50.3%20percent%20of%20Kenya's%20population,percent%20lived%20in%20rural%20areas>.
3. Global cybersecurity exposure index 2020. [Электронный ресурс] URL: <https://10guards.com/ru/articles/global-cybersecurity-exposure-index-2020/>.
4. Digital Quality of Life Index 2022. Kenya. [Электронный ресурс] URL: <https://surfshark.com/dql2022?country=KE>.
5. Республика Кения. Локальные угрозы. Топ-10 обнаруженных угроз (вердиктов, выданных защитным решением) за ноябрь 2022 г. [Электронный ресурс] URL: <https://statistics.securelist.com/ru/country/kenya/on-access-scan/month>.
6. Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 года. [Электронный ресурс] URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml.
7. Официальный сайт Национального комитета по кибербезопасности Республики Кения (The National KE-CIRT/CC). [Электронный ресурс] URL: <https://ke-cirt.go.ke/>.
8. Third Medium Term Plan 2018-2022. Government of the Republic of Kenya. [Электронный ресурс] URL: <http://vision2030.go.ke/wp-content/uploads/2019/01/THIRD-MEDIUM-TERM-PLAN-2018-2022.pdf>.
9. Kenya Vision 2030. The popular version. Government of the Republic of Kenya. [Электронный ресурс] URL: <https://nairobi.aics.gov.it/wp-content/uploads/2019/01/Kenya-Vision-2030.pdf>.
10. General Information Security Best Practice Guides for Kenya. [Электронный ресурс] URL: <https://ke-cirt.go.ke/wp-content/uploads/2020/11/General-Information-Security-Best-Practice-Guides-for-Kenya-1.pdf>.
11. Cybersecurity report July - September 2022 prepared by The National KE-CIRT/CC. [Электронный ресурс] URL: <https://www.ca.go.ke/wp-content/uploads/2022/10/Cybersecurity-Sector-Report-Quarter-1-2022-2023-.pdf>.
12. Чернядьева Н.А. О международных подходах правового регулирования борьбы с кибертерроризмом // Информационное право, 2016, №2(48) С. 26-29
13. The reality of fake news in Kenya. Portland. [Электронный ресурс] URL: <https://portland-communications.com/pdf/The-Reality-of-Fake-News-in-Kenya.pdf>.
14. Декларация о недопустимости интервенции и вмешательства во внутренние дела государств от 9 декабря 1981 года. [Электронный ресурс] URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/internal_affairs_decl.shtml#a1.

15. Third Medium Term Plan 2018-2022. Government of the Republic of Kenya. [Электронный ресурс] URL: <http://vision2030.go.ke/wp-content/uploads/2019/01/THIRD-MEDIUM-TERM-PLAN-2018-2022.pdf>.
16. Муратова Н. Fake news: дезинформация в медиа: пособие. Ташкент, 2020. 104 с.
17. Cybersecurity report July - September 2022 prepared by The National KE-CIRT/CC. [Электронный ресурс] URL: <https://www.ca.go.ke/wp-content/uploads/2022/10/Cybersecurity-Sector-Report-Quarter-1-2022-2023-.pdf>

Кандаурова М.А.

студентка 2 курса бакалавриата

Крымский филиал ФГБОУВО ««РГУП»»

Научный руководитель: Чернядьева Н.А., д.ю.н, доцент,
профессор кафедры государственно-правовых дисциплин
Крымский филиал ФГБОУВО ««РГУП»»

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ ПОЗИЦИИ США В СФЕРЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ И МЕЖДУНАРОДНОЙ КИБЕРБЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация: В статье рассматриваются аспекты национальной кибербезопасности Соединенных Штатов Америки и позиция США по международно-правовым вопросам в области кибербезопасности. Анализируются основы стратегии национальной безопасности США. Показано, что стратегия предлагает развитую систему выявления киберугроз и реагирования на них, а также устранения причин нарушения кибербезопасности. Освещаются основные нормативно-правовые акты США, регулирующие эту сферу деятельности. Поднимается вопрос международно-правовой кибербезопасности и роль США в ее формировании.

Ключевые слова: США, кибербезопасность, Россия, Китай, киберпространство, международное право, информационная безопасность, национальное законодательство.

TO THE QUESTION OF THE US LEGAL POSITION IN THE SPHERE OF NATIONAL AND INTERNATIONAL CYBER SECURITY

Abstract: Aspects of the national cybersecurity of the United States of America are considered. The article examines the position of the United States on international legal issues in the field of cybersecurity. The fundamentals of the US national security strategy are analyzed. It is shown that the strategy offers an improved system for detecting cyber threats and responding to them, as well as eliminating the causes of cybersecurity violations. The main normative legal acts of the United States regulating this sphere of activity are highlighted. The question of international legal cybersecurity and the role of the United States in its formation is raised.

Keywords: USA, cybersecurity, Russia, China, cyberspace, international law, information security, national legislation.

Кибербезопасность - совокупность условий, при которых все составляющие киберпространства защищены от максимально возможного числа угроз и воздействий с нежелательными последствиями [1]. Международное сообщество проявляет серьезную заинтересованность в разработке комплексной, многосторонней системы кибербезопасности, поскольку широкое использование Интернета во всех аспектах повседневной жизни создает практически «необратимую зависимость» от его технологических преимуществ, а также в связи с тем, что концептуальные основы существующих правовых рамок с трудом поддаются адаптации к угрозам, возникающим в киберпространстве. Во многих развитых странах предпринимаются определенные шаги в направлении разработки комплексной политики информационной безопасности [2].

Так, в США кибербезопасность регулируется сложным комплексом общеприменимых федеральных законов, отраслевых федеральных законов, общеприменимых законов штатов и отраслевых законов штатов, а также норм общего права, которые эволюционировали в результате судебных решений [3]. Общеприменимые федеральные законы регулируют обмен информацией с правительством и конкретные действия, такие как компьютерный взлом или незаконный перехват электронных сообщений, в то время как другие федеральные законы диктуют особые правила, которые применимы только к определенным компаниям в критически важных секторах инфраструктуры, таких как здравоохранение и финансовые услуги [4].

Министерство внутренней безопасности США (Department of Homeland Security, DHS) в 2018 году опубликовало новую киберстратегию, которая определила действия DHS на пятилетний период [5].

«К 2023 году DHS усовершенствует национальное управление рисками кибербезопасности с помощью повышения безопасности и адаптивности государственных сетей и критической инфраструктуры, уменьшения зловредной киберактивности, улучшения ответов на киберинциденты и создания более безопасной и надежной киберэкосистемы посредством единообразных подходов со стороны правительственных агентств, твердого руководства и

крепкого партнёрства с другими федеральными и частными организациями», — описывает DHS своё видение результатов проведения стратегии в жизнь [6].

Данная стратегия национальной безопасности США содержит в себе пять «столпов» управления рисками кибербезопасности, которые являются актуальными не только для обеспечения национальной кибербезопасности США, но и для формирования международно-правового режима кибербезопасности:

1. Понимание прогрессирующей природы угроз со стороны других стран и частных лиц;
2. Защита федеральных сетей и секторов критической инфраструктуры;
3. Противодействие транснациональным криминальным хакерским группировкам;
4. Наказание государств за злонамеренные кибердействия;
5. Продвижение в глобальном масштабе лучших практик кибербезопасности.

А 12 октября 2022 г. была опубликована новая редакция Стратегии национальной безопасности США [7]. Эта Стратегия также затрагивает вопросы кибербезопасности. По словам советника по национальной безопасности Дж. Салливана, эта стратегия «исходит из предпосылки, что две стратегические проблемы - геополитическая конкуренция и общие транснациональные угрозы – взаимосвязаны» [8]. Провозглашаются основные цели: безопасность американского народа, расширение экономических возможностей и защита демократических ценностей.

Для достижения этих целей США намерены:

- Инвестировать в инструменты и рычаги американского влияния.
- Создать сильнейшую из возможных коалицию государств для коллективного влияния в целях формирования глобального стратегического пространства.
- Модернизировать и усилить армию для готовности к эпохе стратегического соперничества.

В новой Стратегии национальной безопасности США учитывается текущая геополитическая обстановка. КНР признается конкурентом США и «серьезным геополитическим вызовом». Кибербезопасности посвящен раздел «Защита киберпространства», в которой серьезное внимание уделено России, которая названа «источником нестабильности в глобальном масштабе», опасностью и угрозой, которую необходимо сдерживать.

Из всех положений Стратегии внимание привлекают следующие: в части 3 (Our Global Priorities): пункт 1 (Out-Competing China and Constraining Russia), пункт 2 (China), пункт 3 (Russia) и пункт 12 (Securing Cyberspace), где говорится о том, что:

- Существует риск атак на объекты критической информационной инфраструктуры США (как пример приведена кибератака 7 мая 2021 года на крупнейшую трубопроводную систему в США Colonial Pipeline, в которой обвиняется Россия. Случившееся, вызвало серьезный дефицит топлива. Спрос на бензин в США вырос на 14% за неделю, согласно GasBuddy, приложению, которое отслеживает цены на топливо и спрос. Губернатор Вирджинии объявил чрезвычайное положение из-за нехватки топлива. Правительства Джорджии, Северной Каролины, Флориды и других штатов также вмешались, чтобы ослабить проблемы с поставками. Агентство по охране окружающей среды выпустило экстренный отказ от топлива [9].
- В очередной раз отмечено, что всё большая цифровизация объектов КИИ делает их более уязвимыми для кибератак.
- США нацелены на создание стандартов для обеспечения безопасности объектов КИИ.
- Расширено сотрудничество с правоохранительными органами для поимки киберпреступников, а также для противодействия незаконному использованию криптовалюты.
- США будут реагировать всеми доступными государству способами на враждебные действия в киберпространстве, особенно в отношении гражданской инфраструктуры и объектов КИИ.
- США будет продолжать содействовать соблюдению одобренных Генеральной Ассамблеей ООН принципов ответственного поведения государств в киберпространстве, в которых признается, что международное право применимо как к кибер-, так и к реальному пространству [10].

Принципы ответственного поведения государств в киберпространстве, принятые консенсусом, как часть доклада Рабочей группы открытого состава ООН (РГОС) о достижениях в области информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности (12 марта 2021 г.). По мнению Дж. Э. Льюиса для достижения прогресса необходимо разработать коллективную дипломатическую стратегию в которой ответственность за злонамеренные действия в киберпространстве усилена в случаях не соблюдения стран норм соглашения, т.к. пока что возможности достижения согласия в ООН по реагированию на злонамеренные действия в киберпространстве очень ограничены. Льюис считает, что способность определить источник атаки имеет решающее значение для повышения ответственности в киберпространстве и придания смысла согласованным на международном уровне нормам. По этой причине он предлагает государству-жертве кибератаки ответить на ряд вопросов, которые являются критериями для установления источника атаки — то есть решения задачи атрибуции. Например, чьи стратегические интересы лучше всего удовлетворяются путем нарушения суверенитета посредством кибератак? Кто, судя по их публичным действиям и заявлениям, может нарушить

суверенитет государства-жертвы кибератаки? Поддерживают ли последствия этого нарушения стратегические интересы другого государства? Таким образом, чтобы принципы ответственного поведения государств в киберпространстве имели силу, необходимо определить действия, соответствующие обязательствам по международному праву и согласующиеся между союзниками [11].

США ставят себе цель, в том числе, усилить Службу кибербезопасности Министерства внутренней безопасности, уделив внимание процессу найма и развития высококвалифицированных специалистов в области кибербезопасности.

Неотъемлемой частью американской политики, является повышение осведомленности других стран о возможных рисках, а также развитие их механизмов защиты от угроз электронной среды, особенно тех, которые зарождаются внутри их собственных границ. Помощь включает: консультации по защите сетей; обучение и сертификацию специалистов по кибербезопасности; создание первичных групп быстрого реагирования и наращивание ресурсов в сетевых операционных центрах и службах безопасности центров обработки данных.

США также оказывают помощь в рамках двусторонних отношений с членами НАТО и развивающимися странами по всему миру, поскольку эти страны выразили интерес в повышении собственного уровня кибербезопасности. Так в рамках осуществления своих международно-правовых обязательств США влияет на формирования программ НАТО по кибербезопасности. В частности, обеспечивается военная кибербезопасность: защита информации о расположении складов, наименования оружия и данные военнослужащих. США оказывает НАТО поддержку и от обычных хакерских атак. В интересах совершенствования навыков личного состава киберподразделений и проведения боевого слаживания странами НАТО на регулярной основе проводятся совместные учения. Наиболее крупным из них стало «Cyber Coalition 2021», проведенное в конце 2021 года при непосредственном участии порядка тысячи специалистов киберподразделений Североатлантического альянса и стран — участниц соглашения «Партнерство ради мира» (Ирландии, Финляндии, Швейцарии и Швеции). Цель учения — повышение способности военного альянса противодействовать угрозам в киберпространстве [12].

Таким образом, на международном уровне США уделяет особое внимание оформлению международно-правового обеспечения кибербезопасности. При участии США вопросы кибербезопасности рассматриваются в том числе и в актах ООН, актах иных международных организаций, а также в актах всемирных встреч, конференций и саммитов.

Например, Конвенция Совета Европы по киберпреступлениям, принятая в 2001 г. в Будапеште [13] при активном участии США, является первым многосторонним, юридически обязательным договором, касающимся преступной деятельности в сфере информационных технологий [14].

В 2011 г. по итогам 12-го Конгресса ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию была принята Резолюция, решением которой была создана межправительственная группа экспертов, работа которой была направлена на всестороннее исследование проблем киберпреступности в мире, а также изучение мер, принимаемых странами — участницами ООН по противодействию [15]. Итогом работы данной группы экспертов стал доклад по всестороннему исследованию проблем киберпреступности, подготовленный и выпущенный в феврале 2013 г. [16].

В 2011 году представители Государственного департамента приняли участие в форуме ОБСЕ по обеспечению конфиденциальности информации и принятию мер по повышению кибербезопасности. Координатор от США по проблемам киберпространства при Государственном департаменте Кристофер М. Пейнтер является членом консультативной группы при Форуме ООН по управлению Интернетом. Вице-президент США принял участие в лондонской конференции по нормам поведения в киберпространстве. В 2012 году Соединенные Штаты участвовали в будапештской конференции по проблемам киберпространства, а также на конференции в Сеуле в октябре 2013 года [17].

Отметим то, что Представители Соединенных Штатов присутствуют практически на каждом международном форуме по кибербезопасности, как от госструктур, так и частного сектора и академических учреждений. Международный исследовательский консорциум информационной безопасности ежегодно проводит форумы в немецком городе Гармише-Партенкирхене [18]. Цели проведения форума — выявление общих подходов и позиций экспертного сообщества по следующим актуальным проблемам международной информационной безопасности: механизмы выполнения норм, принципов и правил ответственного поведения государств в ИКТ-среде; проблемы противодействия использованию ИКТ в военно-политических целях; проблемы реализации частно-государственного партнерства в области обеспечения безопасности критически важных объектов инфраструктуры общества; проблемы обеспечения «цифрового суверенитета» государств; влияние факторов ИКТ на стратегическую стабильность.

В 2015 году группе правительственных экспертов ООН (в том числе представителей РФ и США) впервые удалось согласовать «киберкодекс». Эксперты, в частности, призвали государства:

- не атаковать объекты критически важной инфраструктуры друг друга (АЭС, предприятия ТЭКа, системы управления транспортом, банки и так далее);
- не вставлять «закладки» (вредоносные программы) в производимую ими IT-продукцию и перестать «огульно» обвинять друг друга в кибератаках;
- прилагать усилия по борьбе с хакерами, осуществляющими диверсии с их территории или через нее.

Примером двустороннего международно-правового сотрудничества по вопросам кибербезопасности будет являться совместная работа США и Китая. Так, в апреле 2013 г., после продолжительных переговоров, Соединенные Штаты и Китай условились о создании рабочей группы для обсуждения вопросов кибербезопасности. Американско-китайская рабочая группа по вопросам кибербезопасности многократно встречалась в 2013-2017 гг. Основным результатом этих встреч стало то, что обе стороны решили усилить двустороннее сотрудничество в области киберпреступности и защиты сетей, в том числе путём дополнительных упражнений и занятий на рабочем уровне [19].

По словам посла США в Китае М. Бокуса, сотрудничество в области кибербезопасности будет важной частью двусторонних отношений Китая и США, и каждый совместно сделанный шаг позволит добиться большего доверия [20].

Подводя итог анализа, отметим, что на сегодняшний день существуют три основные страны в контексте разрешения проблем кибербезопасности – это Китай, Россия и Соединенные Штаты. Эти три страны постоянно участвуют в большинстве международных форумов по кибербезопасности. Примерами таких мероприятий являются лондонская, будапештская и сеулская конференции, а самая высокая прозрачность работы наблюдается в Группе правительственных экспертов ООН (ГПЭ ООН), которая встречается для обсуждения тенденций информационно-телекоммуникационной сферы в контексте международной кибербезопасности.

Пристатейный библиографический список:

1. Алпеев А. Терминология безопасности: кибербезопасность, информационная безопасность // Журнал: Вопросы кибербезопасности. 2014. №5 (8). С. 39-42 с.
2. Кибербезопасность и международное право. [Электронный ресурс] URL: <https://interlaws.ru/kiberbezopasnost-i-mezhdunarodnoe-pravo/>. Дата обращения: 25.10.2022 г.
3. Cybersecurity 2022 - USA | Global Practice Guides. [Electronic resource] URL: <https://practiceguides.chambers.com/practice-guides/cybersecurity-2022/usa>. Дата обращения: 20.10.2022 г.
4. Законодательные акты Европы и США в сфере ИТ-безопасности. [Электронный ресурс] URL: https://eos.ru/eos_delopr/eos_delopr_intesting/112/14206/. Дата обращения: 04.11.2022 г.
5. Стратегия национальной кибербезопасности соединенных штатов Америки 2018 г. [Электронный ресурс] URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2018/09/National-Cyber-Strategy.pdf>. Дата обращения: 20.10.2022 г.
6. DHS сформулировало киберстратегию США. [Электронный ресурс] URL: <https://d-russia.ru/dhs-sformulirovalokiberstrategiyu-ssha.html>. Дата обращения: 18.10.2022 г.
7. Biden-Harris Administration's National Security Strategy. [Electronic resource] URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf>. Дата обращения: 15.10.2022 г.
8. Remarks by National Security Advisor Jake Sullivan on the Biden-Harris Administration's National Security Strategy. [Electronic resource] URL: <https://nssarchive.us/wp-content/uploads/2022/10/Remarks-by-National-Security-Advisor-Jake-Sullivan-on-the-Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy--The-White-House.pdf>. Дата обращения: 20.10.2022 г.
9. Why Americans are panic buying fuel – and why you shouldn't. [Electronic resource] URL: <https://edition.cnn.com/2021/05/12/business/panic-buying-gas-colonial-pipeline/index.html>. Дата обращения: 15.10.2022 г.
10. Open-ended working group on developments in the field of information and telecommunications in the context of international security. Final Substantive Report. Doc. A/AC.290/2021/CRP.2
11. Принципы поведения государств в киберпространстве: обзор экспертного доклада. [Электронный ресурс] URL: <https://actualcomment.ru/printipy-povedeniya-gosudarstv-v-kiberprostranstve-obzor-ekspertnogo-doklada-2203021717.html>. Дата обращения: 20.10.2022 г.
12. Cyber coalition 2021 Concludes In Estonia. [Electronic resource] URL: <https://shape.nato.int/news-archive/2021/cyber-coalition-2021-concludes-in-estonia#:~:text=TALLINN%2C%20Estonia%20%2D%20NATO%20concluded%20its,3%2C%202021>. Дата обращения: 31.10.2022 г.
13. Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации ETS N 185 (Будапешт, 23 ноября 2001 г.). [Электронный ресурс] URL: https://www.europarl.europa.eu/meetdocs/2014_2019/documents/libe/dv/7_conv_budapest/7_conv_budapest_en.pdf. Дата обращения: 14.10.2022 г.
14. Кибербезопасность и международное право. [Электронный ресурс] URL: <https://interlaws.ru/kiberbezopasnost-i-mezhdunarodnoe-pravo/>. Дата обращения: 25.10.2022 г.
15. Левашова О., Витюк А. Положения Конвенции Совета Европы о кибербезопасности // Журнал: Закон и право. 2021. №11. С. 128-130.
16. Всестороннее исследование проблемы киберпреступности // Управление Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности. Проект, февраль 2013. ООН. Вена. 2013. 360 с.
17. О подходах США в области информационной безопасности. [Электронный ресурс] URL: <https://digital.report/charlzbarri-o-podhodah-ssha-i-nato-v-oblasti-mezhdunarodnoy-informatsionnoy-bezopasnosti/>. Дата обращения: 30.10.2022 г.
18. Политика в области информационной безопасности США и НАТО. [Электронный ресурс] URL: <https://www.nicbar.ru/politology/study/56-kurs-informatsionnaya-bezopasnost-v-mezhdunarodnykh-otnosheniyakh/596-tema-11-politika-v-oblasti-informatsionnoy-bezopasnosti-ssha-i-nato>. Дата обращения: 30.10.2022 г.
19. Американо-китайские отношения в киберпространстве. [Электронный ресурс] URL: https://zavtra.ru/books/amerikano-kitajskie-otnosheniya_v_kiberprostranstve. Дата обращения: 30.10.2022 г.
20. Зденек Ш. Американо-китайские отношения в киберпространстве // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. № 1 (336). 2018. С. 42-56.

Миткевич В.Н.

студентка 3 курса сокращённого бакалавриата
Крымский филиал ФГБОУВО ««РГУП»»Научный руководитель: Чернядьева Н.А., д.ю.н, доцент,
профессор кафедры государственно-правовых дисциплин
Крымский филиал ФГБОУВО ««РГУП»»

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ КИБЕРБЕЗОПАСНОСТИ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Аннотация: В настоящей статье исследуются вопросы правового регулирования и обеспечения кибербезопасности в Великобритании. Проведён анализ регулирования кибербезопасности в соответствии с национальной киберстратегией (HTML) на 2022 г. Также раскрывается вопрос о взаимодействии Великобритании с компаниями социальных сетей в целях мониторинга вмешательства и ограничения распространения дезинформации. Изложены позиции Соединённого Королевства в сфере обеспечения кибербезопасности, при этом затронуты меры, принимаемые государством в данной связи во время распространения коронавирусной инфекции. В завершении исследования сформулированы выводы относительно национального опыта в противодействии киберугрозам, иностранного вмешательства и касасемо борьбы властей с дезинформацией.

Ключевые слова: Великобритания, Интернет, кибербезопасность, национальная киберстратегия Великобритании, противодействие киберугрозам.

LEGAL PROVISION OF CYBERSECURITY IN THE UK

Abstract: This article examines the issues of legal regulation and cybersecurity in the UK. The analysis of cybersecurity regulation in accordance with the national cyber strategy (HTML) for 2022 was carried out. It also reveals the issue of the UK's interaction with social media companies in order to monitor interference and limit the spread of misinformation. The positions of the United Kingdom in the field of cybersecurity are outlined, while the measures taken by the state in this regard during the spread of coronavirus infection are touched upon. At the end of the study, conclusions were formulated regarding the national experience in countering cyber threats, foreign interference and the authorities' fight against disinformation.

Keyword: UK, Internet, cybersecurity, UK national cyber strategy, countering cyber threats.

Великобритания – это страна, которая, согласно международному Индексу кибербезопасности за 2020 г., заняла второе место в рейтинге из 193 стран мира, которые предпринимают наиболее эффективные меры Интернет-защиты [1], и это является ее поводом для гордости

Известно, что Великобритания горда тем, что, защищая демократичность в своей стране, ей удалось освободить от других обязанностей Закона о безопасности в Интернете онлайн-сервисы, которые принадлежат признанному издателю новостей, связанных с Соединённым Королевством, способствующие «демократическим политическим дебатам в Соединённом Королевстве». Кроме того, в Великобритании в 2017 г. был издан закон о цифровой экономике, достижением которого является введение требования к Интернет-провайдерам блокировать порнографические сайты с неадекватной проверкой возраста.

В то же время, имеется случай, когда средства онлайн-платежей использовались для финансирования террористических актов, путем мошеннических действий. Примером указанного может служить дело Соединённого Королевства против Юниса Цоули, который прибыль от украденных кредитных карт в размере 1,6 миллиона фунтов стерлингов профинансировал террористов «Аль-Каиды» [2]. В связи с этим Правительство Соединённого Королевства в 2006 году приняло Акт о терроризме, в который включены положения, касающиеся деятельности в интернете, связанной с терроризмом.

Как отмечал в данной связи бывший Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун – «Интернет является ярким примером того, как террористы могут вести себя по-настоящему транснациональным образом; в ответ государства должны мыслить и действовать таким же транснациональным образом».

Кроме того, в 2020 г. проводилась активная кампания по борьбе с фейками о коронавирусной инфекции. Министерство иностранных дел Великобритании направило денежные средства в размере 500 000 фунтов в сети, которые имеют большой опыт борьбы с распространением дезинформации [3]. А также Великобритания оказывает поддержку организации «Переводчики без границ», которая отслеживает ложную информацию на различных языках и переводит проверенный контент от ВОЗ и организации Evidence Aid, которая ежедневно обновляет базу данных исследований по болезням.

Поэтому Министерство цифровых технологий, культуры, СМИ и спорта Великобритании объявило о создании нового межведомственного подразделения по борьбе с дезинформацией, объединяющего группы экспертов, чтобы помочь составить всеобъемлющую картину потенциального масштаба и воздействия дезинформации на коронавирусе в Великобритании.

Британская власть активно взаимодействует с компаниями социальных сетей для мониторинга вмешательства и ограничения распространения дезинформации. NHS England также сотрудничает с сайтами социальных сетей и поисковыми системами, чтобы гарантировать, что официальные медицинские рекомендации отображаются в онлайн-поиске о вирусе, а также для проверки или удаления учетных записей, утверждающих, что они принадлежат местным органам здравоохранения.

Также центр кибербезопасности разработал средства отслеживания наиболее опасных групп и методы противодействия им. В Великобритании нет единого источника руководящих указаний по кибербезопасности, однако существует известное руководство NCSC, которое называется «10 шагов к кибербезопасности».

Отдельно необходимо отметить поддержку стандартов безопасности данных индустрии платежных карт (PCI DSS) и группа стандартов ISO/IEC 2700 для систем безопасности и стандарт BS 10012:2017, совместимый с GDPR.

Великобритания также положительно отличилась своей инвестицией в размере 1,9 млрд фунтов стерлингов на создание партнёрства между государственными структурами и технологическими предприятиями, налаживания взаимного обмена данными, а также на поощрение совместных усилий по противодействию хакерским атакам. В рамках этой стратегии в 2016 г. был создан Национальный центр кибербезопасности (НЦК), в задачи которого вошла реализация программы «Активная киберзащита».

Ещё в 2011 г. Великобритания заявила о намерении активно содействовать поиску ответов на глобальные киберугрозы и с этой целью она сотрудничает с союзниками в США, Германии, Франции и Австралии.

Все компании остаются уязвимыми перед хакерскими атаками – это факт. И поскольку в Великобритании нет специального набора законов о кибербезопасности, пытаясь разобраться с вопросами кибербезопасности, необходимо синтезировать анализ сложного и развивающегося права с достаточным пониманием технических особенностей обеспечения компьютерной безопасности.

Так, можно отметить Закон о неправомерном использовании компьютеров 1990 года [4], который в более общем плане касается компьютерных преступлений и киберпреступности.

Основное внимание политической цензуры в законодательстве Великобритании направлено на предотвращение политического насилия. Следовательно, разжигание этнической или расовой ненависти является преступлением в Великобритании [5], и те, кто создает расистские веб-сайты, подлежат судебному преследованию. Подстрекательство к ненависти к религиям является правонарушением в Англии и Уэльсе в соответствии с Законом о расовой и религиозной ненависти 2006 года [6].

В то же время, поправка к Закону об уголовном правосудии и судах 2015 года [7] устанавливает в Англии и Уэльсе особое правонарушение, заключающееся в распространении личных сексуальных изображений кого-либо без их согласия и с намерением причинить им. Максимальный срок лишения свободы — два года.

Вред, как определение, данное в предлагаемом Законопроекте безопасности в Интернете [8], относится к контенту, который причиняет физический или психологический вред в зависимости от характера, распространения и раскрутки пользовательского контента. Это происходит всякий раз, когда в результате содержания отдельные лица действуют таким образом, что это приводит к причинению вреда себе или другим, или увеличивает вероятность причинения вреда себе или другим.

Сеть H2H состоит примерно из 50 организаций, которые предоставляют специализированные услуги сектору гуманитарной помощи, включая борьбу с фальшивыми новостями после стихийных бедствий и эпидемий. Сеть H2H поддерживается UK aid и размещается Датским советом по делам беженцев (DRC).

Таким образом, хотя многие преимущества Интернета очевидны, он также может использоваться для облегчения коммуникации внутри террористических организаций и для передачи информации о материальной поддержке, планируемые террористические акты, все из которых требуют специальных технических знаний для эффективного расследования этих преступлений.

Помимо действий, связанных с совершением серьезных террористических актов (например, взрывов бомб), имеются четкие свидетельства того, что террористы все чаще используют Интернет для осуществления вспомогательных действий, таких как вербовка и обучение членов, обмен полезной информацией, распространение пропаганды и подстрекательство к совершению террористических актов [8, с. 165]. Из-за конфигурации и глобального охвата Интернета становится все более вероятным, что в этих видах деятельности могут участвовать разные субъекты, физически присутствующие в разных правовых юрисдикциях.

В последние годы это преступление использовалось для успешного судебного преследования нескольких лиц, у которых были обнаружены такие разнообразные предметы, как жесткие диски, DVD-диски и документы с инструкциями по изготовлению или эксплуатации таких предметов, как минометы, жилеты смертников и напалм. чтобы это преступление имело место, обвинение должно доказать связь между рассматриваемой статьей и конкретным актом терроризма, которым было выдано уведомление об отключении, требуется удалить контент, связанный с терроризмом, в течение двух рабочих дней. В то время как в других юрисдикциях также применяются уведомления об удалении за определенные правонарушения, это чаще применяется в связи со случаями нарушения авторских прав или содержания откровенного сексуального содержания.

Вышеуказанный законопроект также определяет «приоритетный незаконный контент» как компонент незаконного контента, который включает сексуальную эксплуатацию и надругательства над детьми (CSEA), террористический контент и другие приоритетные правонарушения. Приоритетные правонарушения включают содействие самоубийству, угрозы убийством, преднамеренное преследование, вызывающее страх перед насилием, нарушения общественного порядка с отягчающими обстоятельствами на расовой или религиозной почве, преступления, связанные с огнестрельным оружием, сексуальные преступления, содействие незаконной иммиграции, доходы от преступлений или мошенничества и многое другое [9].

Законопроект вводит новые правила для фирм, которые размещают пользовательский контент, то есть те, которые позволяют пользователям размещать свой собственный контент в Интернете или взаимодействовать друг с другом, а также для поисковых систем, у которых будут специальные обязанности, направленные на сведение к минимуму представления вредоносных результатов поиска. пользователям. Те платформы, которые не смогут защитить людей, должны будут ответить перед регулятором и могут быть оштрафованы на сумму до десяти процентов от их доходов или, в самых серьезных случаях, заблокированы. Все подпадающие под действие платформы должны будут устранять и удалять незаконные онлайн-материалы, особенно материалы, касающиеся терроризма, сексуальной эксплуатации и жестокого обращения с детьми.

Платформы, к которым, вероятно, будут иметь доступ дети, также будут обязаны защищать молодых людей, пользующихся их услугами, от законных, но вредных материалов, таких как материалы о членовредительстве или расстройствах пищевого поведения. Кроме того, провайдеры, которые публикуют или размещают порнографический контент в своих службах, должны будут предотвращать доступ детей к этому контенту.

Интернет произвел революцию в человеческой способности общаться друг с другом и широко выражать свои взгляды. Тем не менее, большая часть высказываний в Интернете в настоящее время поддерживается небольшим числом частных компаний, которые имеют значительное влияние на то, какой контент появляется в Интернете.

Таким образом, регулирование кибербезопасности, в соответствии с национальной киберстратегией (NTML) на 2022 г. [10] включает следующие меры защиты:

1. Защитить плюрализм и обеспечить, чтобы интернет-пользователи могли продолжать активно участвовать в онлайн-дебатах — мы потребуем, чтобы крупнейшие сервисы с функциональными возможностями с наивысшим риском (сервисы категории 1) внедрили четкие политики для защиты контента, имеющего демократическое значение, и последовательно применяли это по всей модерации контента

2. Обеспечить недискриминацию со стороны платформ определенных политических точек зрения: крайне важно, чтобы законодательные меры поддерживали и защищали свободу выражения мнений в Интернете, чтобы люди могли выражать свое мнение по вопросам, важным для демократии.

3. Детально рассмотреть вопрос о том, каким образом бороться с более широким ущербом для демократии, причиняемым ложной информацией (законодательство учредит экспертный консультативный комитет по недостоверной информации и дезинформации, который может включать рассмотрение этого вопроса — Ofcom также сможет создать специальные консультативные комитеты для понимания возникающего вреда для общества это не было бы решено одной только обязанностью проявлять осторожность).

Подводя итог, следует подчеркнуть, что отнесение противодействия информационным и кибератакам к статусу ведущих тем в двухстороннем диалоге со странами Восточной Европы, продвижение тематики кибер-угроз в отношениях с бывшими колониями, участие в работе по изучению применимости международного права в киберпространстве, существующих и потенциальных угроз, должно развиваться и дальше, и этому поспособствовало создание постоянной диалоговой площадки на базе ООН и соответствующих международных механизмов для защиты глобальных информационных систем, разработка в 2018 году свода правил по требованию к безопасности дизайна потребительских товаров, который был положен в основу по созданию отраслевого стандарта ETSI потребительских устройств подключаемых к интернету, разработка и главенство в реализации Кибердекларации Содружества, разработка программы

цифрового доступа, породившей успешное сотрудничество в Африке, Азии и Латинской Америке, по защите наиболее уязвимых людей от рисков и проблем, связанных с онлайн доступом.

Великобритания занимает передовые позиции в сфере обеспечения кибербезопасности, что позволяет ей выдвинуть эту тематику как ключевую для глобальной повестки стран-единомышленников. Ее передовой опыт в противодействии киберугрозам, иностранному вмешательству и в борьбе с дезинформацией может обеспечить ей особый статус не только в отношениях со странами-единомышленниками в Европейском союзе и НАТО, но и за пределами Евро-Атлантики.

Пристатейный библиографический список:

1. Глобальный индекс кибербезопасности [Электронный ресурс] URL: <https://www.itu.int/epublications/publication/D-STR-GCI.01-2021-HTML-E> (дата обращения 04.12.2022).
2. The use of the Internet for terrorist purposes [Электронный ресурс] URL: https://www.unodc.org/documents/frontpage/Use_of_Internet_for_Terrorist_Purposes.pdf (дата обращения 04.12.2022).
3. UK aid to tackle global spread of coronavirus «fake news» [Электронный ресурс] URL: <https://reliefweb.int/report/world/uk-aid-tackle-global-spread-coronavirus-fake-news> (дата обращения 04.12.2022).
4. Закон о неправомерном использовании компьютеров 1990 г. [Электронный ресурс] URL: <https://gadgetshelp.com/bezopasnost/zakon-o-nepravomernom-ispolzovanii-kompiuterov-zakon-kriminaliziruiushchii-khakerstvo-v-velikobritanii/> (дата обращения 04.12.2022).
5. Закон об общественном порядке 1986 г. [Электронный ресурс] URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Public_Order_Act_1986 (дата обращения 04.12.2022).
6. Закон о расовой и религиозной ненависти 2006 г. [Электронный ресурс] URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Racial_and_Religious_Hatred_Act_2006 (дата обращения 04.12.2022).
7. Закон об уголовном правосудии и судах 2015 г. [Электронный ресурс] URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Criminal_Justice_and_Courts_Act_2015 (дата обращения 04.12.2022).
8. Чернядьева Н.А. Международный терроризм: происхождение, эволюция, актуальные вопросы правового противодействия. М., Проспект, 2022. 336 с.
9. Online Safety Bill: factsheet [Электронный ресурс] URL: <https://www.gov.uk/government/publications/online-safety-bill-supporting-documents/online-safety-bill-factsheet> (дата обращения 04.12.2022).
10. National Cyber Strategy 2022 (HTML) [Электронный ресурс] URL: <https://www.gov.uk/government/publications/national-cyber-strategy-2022/national-cyber-security-strategy-2022#:~:text=The%20new%20National%20Cyber%20Strategy,promote%20our%20interests%20in%20cyberspace> (дата обращения 04.12.2022).

Сентмедиева И. Р.

студентка 2 курса бакалавриата
Крымский филиал ФГБОУВО «РГУП»

Научный руководитель: Чернядьева Н.А., д.ю.н, доцент,
профессор кафедры государственно-правовых дисциплин
Крымский филиал ФГБОУВО «РГУП»

ОБЕСПЕЧЕНИЕ КИБЕРБЕЗОПАСНОСТИ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ. НАЦИОНАЛЬНЫЙ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы кибербезопасности во Французской Республике. Акцентируется внимание на изучении основных причин правонарушений в киберпространстве. Показана необходимость борьбы с хакерскими атаками, распространением террористическими организациями запрещенного контента. Обязательной частью такой борьбы должна стать дальнейшая разработка адекватных механизмов и государственной политики по минимизации их влияния. Поднимается вопрос о необходимости расширения международного сотрудничества и взаимодействия кибердержав по обеспечению превентивных и неотложных мер по противодействию киберпреступлениям. Предлагаются меры по обновлению международно-правовых механизмов и критериев по противодействию киберпреступникам.

Ключевые слова: Французская Республика, глобализация, кибербезопасность, киберпреступность, международное право, национальное законодательство.

ENSURING CYBER SECURITY IN THE FRENCH REPUBLIC. NATIONAL AND INTERNATIONAL LEGAL ASPECTS

Abstract: The article discusses the problems of cybersecurity in the French Republic. Attention is focused on the study of the main causes of offenses in cyberspace. The necessity of combating hacker attacks and the spread of prohibited content by terrorist organizations is shown. A mandatory part of such a struggle should be the further development of adequate mechanisms and state policies to minimize their impact. The question is raised about the need to expand international cooperation and interaction of cybernations to ensure preventive and urgent measures to counter cybercrime. Measures are proposed to update international legal mechanisms and criteria for countering cybercriminals.

Keywords: French Republic, globalization, cybersecurity, cybercrime, international law, national legislation.

Информационные технологии все больше проникают в общественные сферы, что вызывает значительный рост разного рода киберугроз. Теперь уязвимость или защищенность

инфраструктуры информационно-коммуникационных технологий, возможность утечки данных становится условием недружественного или откровенно враждебного информационного воздействия на других субъектов международно-правовых отношений [1]. По заявлению государственного секретаря по цифровым технологиям Седрика О. в эфире телеканала *BFM TV*, количество кибератак во Франции на больницы, местные органы власти, маленькие предприятия, частных лиц увеличилось в четыре раза в период с 2019 по 2020 год. К примеру, на французские медучреждения было совершено 27 кибератак [2].

В этой связи на ближайшую перспективу под нужды кибербезопасности Франции заложены дополнительные бюджетные ассигнования, а также увеличена численность специализированных кадров. Как следует из последнего *Закона о военном планировании*, до 2025 г. на цифровую оборону Республики будет выделено 1,6 млрд евро (в период 2014–2019 гг. был 1 млрд); количество «киберспециалистов» в системе Министерства вооруженных сил вырастет примерно с 2,5 до 4 тыс. человек [3]. Основным реципиентом станет командование *COMCYBER*, созданное в мае 2017 г. (поставлено в прямое подчинение начальнику Генерального штаба), а также внешняя разведка (*DGSE*) и Главное управление вооружений (*DGA*).

Делаются шаги навстречу инновационным предприятиям. Власти рассчитывают использовать потенциал площадки «*French Tech*», объединяющей французские стартапы (в том числе и в сфере ИКТ): в 2017 г. Э. Макрон пообещал вложить в ее развитие 5 млрд евро за три года; для нее же был построен один из крупнейших в мире бизнес-инкубаторов «*Station F*». При участии президента создана ежегодная конференция «Французский цифровой день», объединяющая предпринимателей, программистов, IT-журналистов. В ноябре 2019 г. правительство подписало трехлетний пакт об углубленном киберсотрудничестве с лидерами национального военно-промышленного комплекса — *Airbus, Dassault, Thales, Naval Group* и др. В 2022 г. произошло открытие в Париже *киберкампуса* — новой площадки для совместной работы государства, цифровых компаний и ученых. [4].

Для поддержания кибербезопасности Франция добросовестно исполняет решения Варшавского саммита 2016 г и ввела его заглавную мысль (киберпространство — самоценная сфера ведения боевых действий, как суша, воздух или море) в свой политический обиход. В соответствии с предписаниями НАТО по кибербезопасности Франция одной из первых приняла *военную киберстратегию*. Представленная Э. Макроном национальная стратегия в области ИИ в значительной степени основана на рекомендациях доклада «Придавая смысл искусственному интеллекту: к национальной и европейской стратегии», подготовленного депутатом Национального собрания Франции, математиком С. Виллани [5]. В ней были обобщены семь базовых принципов, на которые опирается политика кибербезопасности Франции сегодня и в будущем: защита национальных информационных систем как высший приоритет; активная работа по сдерживанию возможных атак (и скоординированное реагирование на уже произошедшие нападения); полное сохранение цифрового суверенитета; формирование и продвижение общей культуры цифровой безопасности; становление Европы как самодостаточного кибертехнологического центра; поиск вариантов коллективного регулирования киберпространства на мировом уровне [6].

Продолжается участие французских военных и экспертов в ежегодных командно-штабных учениях «*Cyber Coalition*». В 2018 г. Пятая Республика выступила организатором конференции НАТО по кибербезопасности [7]. Вот цитата из коммюнике Министерства обороны Франции от 18 января 2018 года: «Появление нового поля конфронтации (киберпространство – ред.) заставляет французскую армию глубоко переосмыслить подход к условиям войны. Наступательные операции в цифровой среде становятся полноценной составляющей оперативных задач вооруженных сил и будут активно применяться в военных операциях» [8].

Французская Республика выполняет киберобязательства в рамках Совета Европы и Европейского Союза. В 2001 г. Франция подписала, и в 2006 году ратифицировала *Конвенцию по борьбе с киберпреступностью Совета Европы* (известную как Будапештская конвенция) [9]. Нормы Конвенции направлены на регулирование трех основных блоков вопросов: сближение уголовно-правовой оценки преступлений в сфере компьютерной информации; сближение национальных уголовно-процессуальных мер, направленных на обеспечение собирания доказательств при расследовании таких преступлений; международное сотрудничество в уголовно-процессуальной деятельности, направленной на собирание доказательств совершения таких преступлений за рубежом.

Главная международная инициатива французской стороны в сфере ИКТ — *Парижский призыв к доверию и безопасности в киберпространстве* (ноябрь 2018 г.). В нем были закреплены следующие цели:

- предотвращать злонамеренную кибердеятельность, которая угрожает отдельным лицам или критическим инфраструктурам или наносит им значительный неизбирательный или системный вред, и устранять её;

- предотвращать преднамеренные действия, которые значительным образом подрывают доступность и целостность центрального публичного ядра Интернета;
- развивать возможности по предотвращению вмешательства со стороны иностранных субъектов, направленного на дестабилизацию избирательных процессов посредством злонамеренной кибердеятельности;
- предотвращать хищение интеллектуальной собственности с помощью ИКТ, в частности, промышленных секретов и другой конфиденциальной коммерческой информации, с целью получить конкурентные преимущества для предприятий или для какого-либо коммерческого сектора;
- разрабатывать средства для предотвращения распространения вредоносных инструментов и компьютерных методов;
- усилить безопасность цифровых процессов, продуктов и услуг в течение всего срока эксплуатации и на протяжении всей цепочки снабжения;
- поддерживать действия, направленные на развитие продвинутой компьютерной гигиены для всех участников; принимать меры, чтобы помешать негосударственным субъектам, в том числе из частного сектора, предпринимать агрессивные кибердействия в ответ на нападение на них, будь то для себя лично или для других негосударственных субъектов;
- содействовать широкому принятию и внедрению международных норм ответственного поведения, а также мер по усилению доверия в киберпространстве [10].

В последние годы Франция активизировала сотрудничество со странами-партнерами в сфере кибербезопасности. Например, Французская Республика совместно с Сенегалом открыла в 2018 г. *Национальную региональную специализированную школу кибербезопасности* в Дакаре. Этот проект направлен на предоставление краткосрочных и адаптируемых тренингов для специалистов по кибербезопасности и высокопоставленных государственных служащих из Западной Африки в качестве приоритета [11].

Франция также приложила усилия для принятия такого общеевропейского законодательства в киберсфере, которое одновременно учитывает требования конкурентоспособности, специфику цифровых технологий, и международные правозащитные гуманитарные стандарты (право на неприкосновенность частной жизни и защиту персональных данных, защита критически важной инфраструктуры, борьба с кибератаками, запрет террористического контента в интернете).

Как примеры этого назовем:

- Общий Регламент по защите данных № 2016/679 (GDPR),
- Директиву по безопасности сетей и информационных систем № 2016/1148 (директива NIS), а также
- Регламент об ENISA (Агентство по защите данных), Европейского Союза по кибербезопасности и сертификации кибербезопасности информационных и коммуникационных технологий, сменившего Регламент о кибербезопасности № 526/2013. [12]

В *«Международной стратегии Франции в области цифровых технологий»* также подчеркивается важность для Франции продолжения «диалога на основе сотрудничества со всеми заинтересованными частными и государственными субъектами, а также со всеми международными партнерами, которые готовы к этому, как на двустороннем, так и на многостороннем уровнях». В частности, Франция принимала активное участие в Организации экономического сотрудничества и развития. Она работала над организацией первого заседания Совета «Глобальный форум ОЭСР по цифровой безопасности во имя экономического и социального процветания» в декабре 2018 года на тему «Ответственность частных субъектов за цифровую безопасность». Важный акцент в рамках данного направления уделялся вопросам конфиденциальности, защиты данных и повышения доверия к новым цифровым технологиям, а также на том, как развивать цифровую инфраструктуру за счет финансирования и роли государственного сектора [13].

Таким образом, во Французской Республике можно выделить следующие основные механизмы, обеспечивающие кибербезопасность:

- разработка единой стратегии кибербезопасности;
- определение законодательной базы для обеспечения кибербезопасности и борьбы с киберпреступностью;
- внедрение процедур сотрудничества с частным сектором, особенно с крупными цифровыми компаниями;
- определение структуры защиты критически важной инфраструктуры в киберпространстве.

Обобщая вышесказанное, можем отметить, что названные меры вырабатывают киберответственное поведение любого государства. Таким образом, французские национальные правовые механизмы кибербезопасности могут стать основой для формирования общих для всех государств ООН стандартов и способствовать качественному международному сотрудничеству в киберсфере.

Пристатейный библиографический список:

1. Сидорова Т.Ю. Международная информационная безопасность: правовые аспекты и деятельность ООН // Сибирский юридический вестник. 2020. № 3. С. 103-108.
2. ОАО «Газета Известия». [Электронный ресурс] URL: <https://iz.ru/1126612/2021-02-18/francii-vydelit-eu1-mlrd-na-kiberbezopasnost>. Дата обращения: 27.10.2022 г.
3. Чихачев А. Франция: киберреспублика на марше // Российский совет по международным делам, 2019. [Электронный ресурс] URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/frantsiya-kiberrespublika-na-marshe/?sphrase_id=41880876. Дата обращения: 27.10.2022 г.
4. Киберкампус. [Электронный ресурс] URL: <https://d-russia.ru/francija-otkryla-sobstvennyj-centr-po-borbe-s-kiberprestupnostju.html>. Дата обращения: 27.10.2022 г.
5. La France va investir 1, 5 milliard d'euros pour l'intelligence artificielle d'ici 2022. Le Figaro. 29 Mar. 2018.
6. Information systems defence and security: France's strategy. [Электронный ресурс] URL: https://www.ssi.gouv.fr/uploads/IMG/pdf/20110215_Defense_et_securite_des_systemes_d_information_strategie_de_la_France.pdf. Дата обращения: 27.10.2022 г.
7. Cyber Coalition: NATO's Flagship Cyber Exercise. [Электронный ресурс] URL: <https://act.nato.int/cyber-coalition>. Дата обращения: 27.10.2022 г.
8. Анненков А. Военная кибердоктрина Франции, 2019. [Электронный ресурс] URL: <https://d-russia.ru/voennaya-kiberdoktrina-frantsii-ili-kak-proshhe-vsego-nachat-ww3.html>. Дата обращения: 27.10.2022 г.
9. Convention on Cybercrime. [Электронный ресурс] URL: <https://rm.coe.int/1680081580>. Дата обращения: 27.10.2022 г.
10. La France et les Nations unies. [Электронный ресурс] URL: https://www.diplomatie.gouv.fr/IMG/pdf/appele_de_paris_en_russe_cle8a41ae.pdf. Дата обращения: 27.10.2022 г.
11. Forum international de Dakar sur la paix et la sécurité en Afrique. [Электронный ресурс] URL: <https://dakarforum.org/>. Дата обращения: 27.10.2022 г.
12. Regulation (EU) 2019/881 of the European Parliament and of the Council of 17 April 2019 on ENISA (the European Union Agency for Cybersecurity) and on information and communications technology cybersecurity certification and repealing Regulation (EU) No 526/2013 (Cybersecurity Act) (In force) <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2019/881/oj>. Дата обращения: 27.10.2022 г.
13. Стратегические подходы ОЭСР к многостороннему сотрудничеству: взаимосвязанность, воздействие, вовлеченность. [Электронный ресурс] URL: <https://globalcentre.hse.ru/data/>. Дата обращения: 27.10.2022 г.

СЕКЦИЯ II.

Генеральная Ассамблея ООН. «Нематериальное культурное наследие – живое наследие человечества»

Чернядьева А.С.

Магистрант, 2 курс

Крымский филиал ФГБОУ ВО «РГУП»

Научный руководитель: Л.В. Пастухова, к.ю.н, доцент,

Кафедра государственно-правовых дисциплин,

Крымский филиал ФГБОУ ВО «РГУП»

РОЛЬ ГЕНЕРАЛЬНОЙ АССАМБЛЕИ ООН В ОХРАНЕ НЕМАТЕРИАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Аннотация: в статье раскрываются особенности международно-правового регулирования деятельности по сохранению нематериального культурного наследия. Основой исследования стала деятельность Генеральной Ассамблеи ООН в сфере охраны нематериального культурного наследия. Автор показывает, что в резолюциях ГА ООН, посвященных нематериальному культурному наследию, заложены основы его современной международно-правовой защиты.

Ключевые слова: Организация Объединенных Наций, Генеральная Ассамблея ООН, нематериальное культурное наследие, Гагская конвенция 1954г., ЮНЕСКО, Конвенция об охране нематериального культурного наследия, резолюция.

THE ROLE OF THE UN GENERAL ASSEMBLY IN THE PROTECTION OF INTANGIBLE CULTURAL HERITAGE

Annotation. Features of international legal regulation of activities for the preservation of intangible cultural heritage are disclosed in the article. The activities of the UN General Assembly in the field of protection of intangible cultural heritage became the basis of the study. The author shows that the UN General Assembly resolutions on intangible cultural heritage lay the foundations for its modern international legal protection.

Keywords: The United Nations, the UN General Assembly, Intangible Cultural Heritage, the Hague Convention of 1954, UNESCO, the Convention on the Protection of Intangible Cultural Heritage, resolution.

21-23 октября Черноморской ассоциацией международного сотрудничества (далее - ЧАМС) совместно с Крымским филиалом Российского государственного университета правосудия была проведена IV Всероссийская конференция студентов и школьников с международным участием «Модель ООН в Крыму».

Одним из традиционных комитетов конференции является Генеральная Ассамблея ООН. Темой секции стало: «Нематериальное культурное наследие – живое наследие человечества». Организаторы и участники постарались максимально близко передать атмосферу взаимоуважения между государствами, которая должна царить в ГА ООН во время заседаний. Участники общались между собой вежливо, избегая резких высказываний и обвинений в адрес друг друга.

Бесспорно, значение нематериального культурного наследия для каждого государства и в целом для международного сообщества огромно. В этой связи нельзя не согласиться с французским государственным и политическим деятелем Э. Эррио, который утверждал, что «*Культура – это то, что остается, когда всё остальное забыто*» [1]. Для каждого народа культура является неотъемлемой частью истории, признаком самобытности государства, данью памяти прошлым поколениям.

Песни, сказки, мифы и т.д. являются одним из символов каждого государства, отражают его уникальность, считаются частью истории. *Музыкальные или литературные шедевры* передаются от поколения в поколение, постоянно воссоздаются сообществами и группами в зависимости от окружающей среды, от их взаимодействия с природой, от их истории. Думается, что сохранение и популяризация нематериальной культуры наряду с наукой, техникой и т.д. активно стимулирует общество к развитию, способствует его продвижению вперед, но в то же время помогает сохранять индивидуальность каждого народа и каждого государства. Таким образом, нематериальное культурное наследие имеет **огромное историческое значение, так как не только помогает сохранять прошлое, но и двигает общество вперед.**

Общество задумалось о необходимости охранять нематериальное культурное наследие еще до начала Второй Мировой войны. В 1935 году в Вашингтоне был подписан первый в истории международный договор о защите культурного наследия, установивший преимущество защиты культурных ценностей перед военной необходимостью (Пакт Рериха) [2, с.7]. Он считается уникальным в международном праве благодаря тому, что данный документ впервые установил преимущество защиты культурных ценностей перед военной необходимостью [3].

Стоит особо подчеркнуть, что в пакте Рериха содержатся положения, согласно которым стороны, подписавшие документ, берут на себя обязательства уважать, охранять и защищать культурные ценности. Данная норма носит безусловный характер, то есть государство обязуется охранять культурные ценности даже в случае вооруженного конфликта [4, с. 196-202]. Несмотря на то, что этот документ не стал международно-правовым договором, не был ратифицирован государствами, он сыграл важную роль в становлении международно-правовых предписаний по охране культурного наследия и признается авторитетным международно-правовым обычаем [5, р. 9-15].

Первая Конвенция, защищающая культурные ценности в рамках международного права, была принята спустя 9 лет после победы над фашизмом - Гаагская конвенция 1954 года [6]. Согласно положениям Конвенции и двух протоколов, принятым в дополнении к ней (1954, 1999 г.г.) культурные ценности могут быть взяты под *общую* (ст. 2 Конвенции), *специальную* (ст.8 Конвенции) и *усиленную* (ст. 10 Второго протокола) защиту.

В Гаагской конвенции не закреплены нормы, прямо предусматривающие международную защиту объектов нематериального культурного наследия. Думается, что закрепление в конвенции положений, касающихся охраны нематериального культурного наследия, позволит укрепить международную охрану и защиту таких объектов, укрепит их значимость для международного сообщества. Для этого предлагается:

- во-первых, включить в ст. 1 Гаагской конвенции понятие «Нематериальное культурное наследие» как особый вид культурных ценностей, находящийся под охраной ЮНЕСКО в соответствии с Конвенцией об охране нематериального культурного наследия (принята 17 октября 2003г.) [7].

- во-вторых, предусмотреть режим правовой охраны в виде *усиленной* защиты объектов нематериального культурного наследия в случае вооруженного конфликта. Думается, что нормы об *усиленной защите* (ст. 5,6, 8-11 Второго протокола к Гаагской конвенции [8]) могут применяться и к нематериальному наследию, так как такие объекты являются уникальными и имеют «...огромное значение для человечества» (см. ст. 10 Второго протокола). В целях единообразного толкования положений Конвенции и ее протоколов, ликвидации двусмысленности в правоприменении, целесообразно уточнить содержание *усиленной защиты* и п.1 ст. 10 Второго протокола изложить в следующей редакции: «*Культурные ценности, в том числе и нематериальные, могут быть взяты под усиленную защиту, если они отвечают следующим трем условиям*». В эту же статью включить второй пункт, в котором указать, что *меры усиленной защиты к нематериальным культурным ценностям применяются с учетом их нематериальной природы*.

Основным учреждением системы ООН, осуществляющим защиту культурного наследия, является специализированное учреждение ООН по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) [9, с.25]. Оно уполномочено содействовать укреплению мира и безопасности посредством расширения сотрудничества государств и народов по вопросам образования, науки и культуры. Названная выше Конвенция 1954 г. также была принята по инициативе ЮНЕСКО Межправительственной конференцией, созванной Исполнительным советом ЮНЕСКО 21 апреля – 14 мая 1954 г. в Гааге (Нидерланды) [10, с. 1-2].

Выбор Генеральной Ассамблеи ООН как комитета для конференции, обусловлен тем, что ГА ООН является одним из ключевых органов ООН, международным форумом, объединяющим все 193 государства, которые обладают суверенитетом.

Именно ГА ООН впервые на универсальном уровне поставила вопрос о необходимости закрепления прав человека в сфере культуры. В соответствии со ст.27 Всеобщей декларации прав человека, принятой резолюцией 217 А (III) ГА ООН от 10 декабря 1948 года, каждый человек может *свободно участвовать в культурной жизни общества, наслаждаться искусством, ... защищать свои интересы, являющиеся результатом его научных, литературных или художественных трудов*.

В 1966 г. ГА ООН резолюцией 2200 А (XXI) приняла Пакт о экономических, социальных и культурных правах (далее – ПЭСКП) [11]. В статье 15 раскрывается содержание культурных прав человека (право на участие в культурной жизни, пользование результатами научного прогресса, пользование защитой моральных и материальных интересов). Декларация 1948 г. и ПЭСКП являются международно-правовыми документами, заложившими основу для защиты прав человека, в том числе в сфере культуры (а значит и нематериального культурного наследия).

Кроме того, ЮНЕСКО ежегодно представляет доклады о своей деятельности Генеральной Ассамблее ООН, финансируется из средств ООН по решению ГА ООН [12]. ГА ООН участвует в работе ЮНЕСКО и иным образом. Например, на 64 сессии, 23 февраля 2010г. ГА ООН признала 21 марта как Международный день Навруз. На этом же заседании Генеральная Ассамблея приветствовала решение ЮНЕСКО от 30 сентября 2009 года о включении Навруза в Репрезентативный список нематериального культурного наследия человечества. Ассамблея также предложила заинтересованным государствам-членам, Организации Объединенных Наций, в частности

ее соответствующим специализированным учреждениям, фондам и программам, главным образом ЮНЕСКО, и заинтересованным международным и региональным организациям, а также неправительственным организациям принимать участие в мероприятиях, проводимых государствами, в которых отмечается Навруз [13]. Таким образом, именно ГА ООН во многом является источником деятельности ЮНЕСКО.

Особенности состава и работы ГА ООН раскрываются в главе 4 Устава ООН. В соответствии со ст.10 Устава этот орган уполномочен обсуждать все вопросы, которые относятся к компетенции ООН. Он также является главным совещательным, директивным и представительным органом ООН [14]. На протяжении всего периода существования ГА ООН постоянно развивалась и сотрудничала с другими органами.

ГА ООН уделяет большое внимание вопросам, касающимся культуры. Эти вопросы уполномочен решать третий комитет ГА ООН. В его компетенцию входят социальные, гуманитарные вопросы и вопросы культуры. Он является одним из шести главных комитетов, учрежденных ГА ООН. Данный комитет ведет активную деятельность по принятию резолюций, в том числе посвященных защите культуры. Резолюции ГА ООН представляют собой решения или декларации государств-членов ГА ООН, которые как правило не обязательны к исполнению. Однако несмотря на то, что резолюции являются лишь рекомендациями, тем не менее в них раскрывается План действий в определенной сфере, выполнение которого должно обеспечить государство посредством внутренних ресурсов.

Результаты работы ГА ООН, как правило, оформляются в виде резолюций – международно-правовых документов, носящих рекомендательный характер (*soft law*) [15, с. 112-139]. По мнению Т.Н. Нешатаевой, Н.А. Чернядьевой, резолюции ГА ООН помогают конкретизировать нормы международного права и их применимость в государственной практике. Также они выражают убежденность в правомерности решений, принятых международными органами ООН [16, с.81, с.100-112]. Также обратим внимание на то, что резолюции, принимаемые в ходе сессий, отражают общую позицию всего мирового сообщества, служат основой для деятельности других структур ООН [17, с.35-44].

ГА ООН является единственной площадкой, на полях которой делегаты имеют возможность совместно обсудить острые общемировые проблемы и сообща найти пути их решения. Одной из таких проблем является проблема сохранения нематериального культурного наследия.

По мнению Генерального секретаря ООН А. Гуттериша *«Культура является украшением человечества, плодом нашего мышления, продуктом наших традиций и выражением наших стремлений. Ее разнообразие удивительно, и она характеризует многоликость нашей цивилизации»* [18]. Действительно, плоды нематериального наследия позволяют народам узнавать друг о друге особенности жизни, обычаи и доказывают разнообразие и многогранность мира.

ГА ООН неоднократно в своих резолюциях, программных документах, декларациях обращалась к теме защиты культурного наследия. Во всех признается важность охраны нематериального культурного наследия, в частности народных обычаев, ритуалов и праздников как на национальном, так и на международном уровнях [19].

Так, Резолюцией 53/243 А и В Генеральной Ассамблеи от 13 сентября 1999 года была принята Программа действий в области культуры мира. Она включала в себя восемь областей действий, реализация которых рассматривалась ГА ООН через культуру мира. Согласно ст.1 Программы культура рассматривается как сочетание ценностных установок, мировоззренческих взглядов, традиций, типов поведения и образов жизни. Резолюция направлена на становление культуры мира как средства мирного урегулирования конфликтов, развития и поощрения прав и свобод человека, ликвидации всех форм дискриминации и т.д. (ст.3) [20].

Резолюцией 56/8 от 21 ноября 2001 года ГА ООН провозгласила 2002 год Годом культурного наследия ООН [21]. Генеральная Ассамблея подчеркнула, что «...сохранение культурного разнообразия тесно связано с более широкими задачами диалога между цивилизациями и культурами и ее способностью достичь подлинного взаимопонимания, солидарности и сотрудничества».

Резолюция ГА ООН 57/249 (2002г.) подчеркивает, что «...сохранение культурного разнообразия тесно связано с более широкими задачами диалога между цивилизациями и культурами и ее способностью достичь подлинного взаимопонимания, солидарности и сотрудничества». В данной резолюции ГА ООН призвала:

- признать важность сохранения и развития культурного наследия, в том числе путем содействия укреплению внутренней политики в областях сохранения, стимулирования и развития различных культур, в первую очередь наиболее уязвимых;

- выработать стратегии, направленные на сохранение материального и нематериального культурного наследия [22].

В 2003г. Генеральной Конференцией ЮНЕСКО была принята Конвенция об охране нематериального культурного наследия (далее – Конвенция). Ее целями являются (ст.1 Конвенции):

- a) охрана нематериального культурного наследия;
- b) уважение нематериального культурного наследия соответствующих сообществ, групп и отдельных лиц;
- c) привлечение внимания на местном, национальном и международном уровнях к важности нематериального культурного наследия и его взаимного признания;
- d) международное сотрудничество и помощь.

Согласно Конвенции нематериальное культурное наследие – особо ценные явления духовной культуры народов в форме национальных языков, фольклора, искусства, научных знаний, бытовых навыков, обычаев и традиций этносов и иных социальных групп.

ГА ООН высоко оценила факт принятия этой Конвенции. Так, в Декларации ООН о правах коренных народов 2007 г. имеются предписания, которые отсылают к положениям Конвенции ЮНЕСКО 2003 г.: «Коренные народы имеют право на соблюдение и возрождение своих культурных традиций и обычаев. Это включает в себя право на сохранение, защиту и развитие прежних, нынешних и будущих форм проявления их культуры, таких, как ... рисунки, обряды, технологии, изобразительное и исполнительское искусство и литература». Декларация призывает государства обеспечить для них средства правовой защиты через эффективные механизмы [23].

Близкие по духу положения содержатся в:

- Декларации о содействии диалогу и взаимопониманию между религиями и цивилизациями («Охрид 2007»): «... при уважении *традиционных ценностей* общин большинства, можно предотвратить возникновение многих источников нестабильности как внутри государств, так и между ними (п.6); Мы всецело приемлем разнообразие религиозных верований, *культурных традиций и опыта цивилизаций* как неотъемлемый элемент общих человеческих ценностей. Высших или низших цивилизаций, рас, культур и языков не существует (п.9) [24, с.4].

- В итоговом документе «Пномпеньский диалог 2008 года о межконфессиональном сотрудничестве в интересах мира и согласия» выражается благодарность правительству Королевства Камбоджа за предоставленную возможность ознакомиться с богатыми культурными традициями кхмеров и признается ценность *практики духовного созерцания* как средства укрепления мира и урегулирования конфликтов (п.5) [25].

В своих последующих резолюциях ГА ООН неоднократно поднимала вопросы сохранения культурного наследия, в том числе и нематериального; подчеркивала необходимость расширения контактов на всех уровнях в целях углубления отношений между различными культурами, религиями, верованиями и цивилизациями, диалога и укрепления взаимопонимания между государствами. ГА ООН отмечает важность развития и сохранения своего культурного наследия и традиций для всех народов и наций в национальной и международной обстановке мира, терпимости и взаимного уважения [26].

В резолюции A/RES/64/174 ГА ООН признает право каждого человека участвовать в культурной жизни и пользоваться благами научного прогресса и его практического применения (п.3 Резолюции). Также резолюция подтверждает, что международное сообщество должно стремиться реагировать на проблемы и возможности, создаваемые глобализацией и уважать культурное разнообразие всех (п.4) и посредством культурного обмена поощрять культурное разнообразие (п.5) [27].

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

- Нематериальное культурное наследие имеет огромное историческое значение, так как не только помогает сохранять прошлое, но и стимулирует общество двигаться вперед.

- Впервые общество задумалось о необходимости охраны нематериального культурного наследия еще до начала Второй Мировой войны. Принятие Пакта Рериха в 1935 году стало первым шагом на пути к установлению международно-правовых механизмов охраны культурного наследия и сегодня признается авторитетным международно-правовым обычаем.

- Первой конвенцией, установившей необходимость защиты культурного наследия, стала Гагская конвенция 1954 г. Однако, в ней не закреплены нормы, прямо предусматривающие международную защиту объектов нематериального культурного наследия. В связи с этим предлагается включить понятие «нематериальное культурное наследие» в Гагскую конвенцию и предусмотреть в конвенции правовой режим охраны нематериальных культурных ценностей.

- Основным учреждением, в обязанности которого входит охрана объектов нематериального культурного наследия, является ЮНЕСКО. Организация уполномочена содействовать укреплению мира и безопасности посредством расширения сотрудничества государств и народов по вопросам образования, науки и культуры. Однако, ГА ООН активно принимает участие в его работе, во многом являясь источником деятельности ЮНЕСКО.

— ГА ООН уделяет большое внимание сфере культуры. Третий комитет ГА ООН, уполномоченный решать эти вопросы, ведет активную деятельность по принятию резолюций, в том числе посвященных защите культуры. Несмотря на то, что они носят рекомендательный характер, они включают в себя План действий, который государство должно выполнять посредством внутренних ресурсов. Во всех принятых резолюциях ГА ООН признает важность охраны нематериального культурного наследия как на национальном, так и на международном уровнях.

Пристатейный библиографический список:

1. Цитаты известных личностей [Электронный ресурс] URL: <https://ru.citaty.net>
2. Капустин А.Я., Баренбойм П.Д., Кравченко Д.В., Захаров А.В. Пакт Рериха как основа новой конвенции ООН о защите культурных ценностей – М.: ЛУМ, 2014 –193 с.
3. Договор о защите учреждений, служащих целям науки и искусства, а также исторических памятников (Пакт Рериха) от 15 апреля 1935 г. [Электронный ресурс] URL: <http://www.roerich-izvara.ru/roerich-pact.htm>
4. Чернядзева Н.А. Некоторые аспекты гражданско-правовых способов охраны музейных ценностей как части культурно-исторического наследия // Пакт Рериха: 70 лет. Материалы Международной конференции 15 апреля 2005 г. Санкт-Петербург: СПб, ПЦ СПбГУ. 2005.
5. Satellite-based Damage Assessment to Cultural Heritage Sites in Syria. United Nations Institute for Training and Research (UNITAR), 2014. 65 p.
6. Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта от 14 мая 1954 г. // Ведомости ВС СССР. 8 февраля 1957 г. № 3. Ст. 54.
7. Конвенция об охране нематериального культурного наследия (принята 17 октября 2003 г. года Генеральной конференцией Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры) [Электронный ресурс] URL: <https://ru.unesco.org/>
8. Второй протокол к Гаагской конвенции о защите культурных ценностей в случае Вооруженного Конфликта 1954 года. Гаага, 26 марта 1999 г. [Электронный ресурс] URL: <https://www.un.org/>
9. Устав Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (Лондон, 16 ноября 1945 г.) // Свод нормативных актов ЮНЕСКО. М., 1991 г.
10. Защита культурных ценностей в случае вооруженного конфликта информация об осуществлении гаагской конвенции 1954 года о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта и двух протоколов к ней от 1954 года и 1999 года. Доклады о деятельности в 1995–2004 гг.
11. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (Нью-Йорк, 19 декабря 1966 г.) // Ведомости Верховного Совета СССР, 1976 г., № 17(1831)
12. Doc. A/RES/64/253. 10 May 2010г. 64/253. Международный день Навруз» [Электронный ресурс] URL: <https://daccess-ods.un.org/tmp/1911013.12637329.html>
13. Устав Организации Объединенных Наций (Сан-Франциско, 26 июня 1945 г.) // Указ Президиума ВС СССР от 20 августа 1945 г.
14. Лукашук И.И. Международное право. Учебник. 3-е издание. НОРМА ИНФРА-М. М., 2010.
15. Нешатаева Т.Н. Международные организации и право. Новые тенденции в международно-правовом регулировании. — М., 1998 – с.272;
16. Чернядзева Н.А. Роль резолюций Генеральной Ассамблеи ООН в совершенствовании антитеррористического законодательства // Роль международных и внутригосударственных рекомендательных актов в правовой системе России. Сборник материалов «круглого стола» с международным участием. Иркутск, 26 апреля 2013 года;
17. Лукьянов В.Ю. ООН в современном мире: проблемы, тенденции, перспективы. *Terra Linguistica* 2015.
18. Послание генерального секретаря по случаю всемирного дня культурного разнообразия во имя диалога и развития. New York, 21 мая 2021 года. Региональный центр ООН по превентивной дипломатии для Центральной Азии [Электронный ресурс] URL: <https://unrcca.unmissions.org/>
19. Резолюция 41/187 от 8 декабря 1986 года. Провозглашение Всемирного десятилетия развития культуры. Генеральная Ассамблея. Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс] URL: <https://www.un.org/>
20. Резолюция 46/158 от 19 декабря 1991 года. Всемирная комиссия по культуре и развитию. Генеральная Ассамблея. Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс] URL: <https://www.un.org/>
21. Резолюция 51/179 от 16 декабря 1996 года. Доклад Всемирной комиссии по культуре и развитию. Генеральная Ассамблея. Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс] URL: <https://www.un.org/>
22. Резолюция 52/197 от 18 декабря 1997 года. Развитие культуры. Генеральная Ассамблея. Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс] URL: <https://www.un.org/>
23. Резолюция 53/184 от 15 декабря 1998 года и 55/192 от 20 декабря 2000 года о культуре и развитии. Генеральная Ассамблея. Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс] URL: <https://www.un.org/>
24. Резолюция 57/204 от 18 декабря 2002 года. Права человека и культурное разнообразие. Генеральная Ассамблея. Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс] URL: <https://www.un.org/>
25. Декларация и Программа действий в области культуры мира (принята резолюцией 53/243 Генеральной Ассамблеи от 13 сентября 1999 года) [Электронный ресурс] URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/culture_of_peace.shtml
26. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 56/8 от 04 декабря 2001 года. Генеральная Ассамблея. Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс] URL: <https://www.un.org/>
27. Резолюция Генеральной Ассамблеи 57/249 от 20 февраля 2003 года. Культура и развитие. Генеральная Ассамблея. Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс] URL: <https://www.un.org/>
28. Резолюция 61/295 Генеральной Ассамблеи от 13 сентября 2007 года. Декларация ООН о правах коренных народов. [Электронный ресурс] URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/indigenous_rights.shtml
29. Декларация о содействии диалогу и взаимопониманию между религиями и цивилизациями. Письмо Постоянного представителя бывшей югославской Республики Македония при Организации Объединенных Наций от 26 ноября 2007 года на имя Генерального секретаря. Генеральная Ассамблея. 28 ноября 2007 г. [Электронный ресурс] URL: <https://www.un.org/>
30. Письмо Постоянного представителя Камбоджи при Организации Объединенных Наций от 26 августа 2008 года на имя Генерального секретаря. Резолюция ГА ООН от 4 сентября 2008 г. Doc. A/62/949 [Электронный ресурс] URL: <https://www.un.org/>
31. Резолюция ГА ООН 62/155 от 7 марта 2008 г. A/RES/62/155. Права человека и культурное разнообразие. Генеральная Ассамблея. Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс] URL: <https://www.un.org/>

32. Резолюция ГА ООН 66/154 от 19 декабря 2011г. A/RES/66/154. Права человека и культурное разнообразие. Генеральная Ассамблея. Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс] URL: <https://www.un.org/>
33. Резолюция ГА ООН 60/167 от 7 марта 2006г. A/RES/60/167 [Электронный ресурс] URL: <https://www.un.org/>
34. Резолюция ГА ООН 57/204 от 10 февраля 2003г. A/RES/57/204. Права человека и культурное разнообразие. Генеральная Ассамблея. Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс] URL: <https://www.un.org/>
35. Резолюция ГА ООН 64/174 от 24 марта 2010г. A/RES/64/174. [Электронный ресурс] URL: <https://www.un.org/>

Бесельман И.В.

студентка 3 курса бакалавриата
Крымский филиал ФГБОУВО «РГУП»

Научный руководитель: Чернядьева Н.А., д.ю.н, доцент,
профессор кафедры государственно-правовых дисциплин
Крымский филиал ФГБОУВО «РГУП»

КОНВЕНЦИЯ ЮНЕСКО ОТ 17.10.2003 – ОСНОВОПОЛАГАЮЩИЙ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ ДОКУМЕНТ ПО ОХРАНЕ ОБЪЕКТОВ НЕМАТЕРИАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Аннотация. Статья посвящена комплексному исследованию Конвенции об охране нематериального культурного наследия от 17.10.2003 г. Предпринята попытка проанализировать международно-правовую базу по охране исследуемого наследия для повышения интереса к роли нематериальных ценностей, которые способствуют совершенствованию нашей человеческой цивилизации, культурного разнообразия и творчества человека. Излагаются взгляды на закрепленные положения международного документа и предлагаются новые, отвечающие современным вызовам и требованиям. Автор считает, что необходимость сохранения и увеличения числа элементов «живого наследия» существует, а, значит, вопросы относительно нематериального наследия справедливо можно назвать общемировой повесткой дня.

Ключевые слова: нематериальное культурное наследие, живое наследие, нематериальные ценности, ЮНЕСКО, охрана, возрождение, устойчивое развитие.

THE UNESCO CONVENTION OF 17.10.2003 - IS THE FUNDAMENTAL INTERNATIONAL LEGAL DOCUMENT ON THE PROTECTION OF INTANGIBLE CULTURAL HERITAGE OBJECTS

Annotation. The article is devoted to a comprehensive study of the Convention on the Protection of Intangible Cultural Heritage of 17.10.2003. An attempt has been made to analyze the international legal framework for the protection of the heritage under study in order to increase interest in the role of intangible values that contribute to the improvement of our human civilization, cultural diversity and human creativity. The views on the fixed provisions of the international document are presented and new ones are proposed that meet modern challenges and requirements. The author believes that there is a need to preserve and increase the number of elements of the «living heritage», which means that issues regarding intangible heritage can fairly be called a global agenda.

Keywords: intangible cultural heritage, living heritage, intangible values, UNESCO, protection, revival, sustainable development.

«Воспитание личности начинается с приобщения к духовному наследию человечества, а формирование наступает с осознания ею ответственности за его приумножение».

Зафар Мирзо (Общественный деятель Индии и СНГ)

В постиндустриальном обществе особую актуальность приобретает деятельность по сохранению объектов нематериального культурного наследия. Внедрение информационных технологий во все сферы общественной жизни, процессы глобализации вызывают обеспокоенность в сохранении истинных ценностей, не характеризующиеся овеществленным результатом и передающиеся от поколения к поколению.

Всё чаще при упоминании «Всемирное культурное наследие» общественность забывает, что такое наследие должно состоять из материального и нематериального (духовного) наследия. Отдавая предпочтение материальному культурному наследию или культурным ценностям, многие авторы упускают важнейшие аспекты по сохранению, а также возрождению хрупкого нематериального наследия, которое не зря называют «живым наследием человечества». Так, Е.В. Медведев считает, что культурными ценностями являются «особо охраняемые правом вещи или результаты интеллектуального труда, являющиеся уникальными произведениями творчества человека определенной исторической эпохи, отображающие его выдающиеся достижения в какой-либо сфере жизнедеятельности, и имеющие общенациональное или общечеловеческое культурное значение» [1].

В свою очередь, Д.С. Лихачев включает в культурное наследие такие компоненты, как «язык, идеалы, традиции, обычаи, обряды, праздники, памятные даты, фольклор, народные промыслы и ремесла» [2].

Необходимо понимать, что специфика нематериального культурного наследия характеризуется преемственностью знаний о культуре последующими поколениями, сохранением этнической самобытностью всех народов мира [3].

Обращаясь к Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия от 16.11.1972 г. (далее – Конвенция 1972 г.), отметим существенный недостаток данного международного документа. В статье 1 Конвенции 1972 г. и в документе в целом, отсутствует определение понятия «нематериальное культурное наследие». Дано четкое понимание «культурного наследия», представляющее собой «памятники, ансамбли, достопримечательные места, отличающиеся выдающейся универсальной ценностью с точки зрения истории, искусства или науки, а также эстетики, этнологии или антропологии» [4].

Чтобы восполнить данный пробел и принять на международном уровне соответствующий документ, существовала необходимость создать заинтересованные страны мира. В этой связи, принятие на тридцать второй сессии Генеральной конференцией Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (далее – ЮНЕСКО) Конвенции об охране нематериального культурного наследия от 17.10.2003 г. (далее – Конвенция 2003 г.) является важнейшим шагом всего мирового сообщества по охране такого наследия [5].

В соответствии с пунктом 1 статьи 2 Конвенции 2003 г., нематериальным культурным наследием считаются «обычаи, формы представления и выражения, знания и навыки, — а также связанные с ними инструменты, предметы, артефакты и культурные пространства, — признанные сообществами, группами и, в некоторых случаях, отдельными лицами в качестве части их культурного наследия».

Нематериальное наследие, согласно пункту 2 статьи 2 Конвенции 2003 г., должно проявляться через:

- а) устные традиции и формы выражения, включая язык в качестве носителя нематериального культурного наследия;
- б) исполнительские искусства;
- с) обычаи, обряды, празднества;
- д) знания и обычаи, относящиеся к природе и вселенной;
- е) знания и навыки, связанные с традиционными ремеслами [5].

Данный перечень условно можно разделить на две группы.

В первом случае в группу под критерием «объекты, не имеющие вещественного выражения» можно отнести устные традиции и формы выражения, включая язык в качестве носителя нематериального культурного наследия; исполнительские искусства; обычаи, обряды, празднества.

Вторую группу определяют знания и обычаи, относящиеся к природе и вселенной; знания и навыки, связанные с традиционными ремеслами, которые выделяются под критерием «объекты, имеющие вещественное выражение».

Подобное деление важно ввиду того, что первая группа объектов нематериального наследия хранит свою значимость в течение всего времени существования, а вторая группа в процессе реализации в практической деятельности, существуя во взаимосвязи с объектами материального мира, способна утратить истинное предназначение.

Думается, что мы можем считать Конвенцию 2003 г. инструментом обеспечения культурного разнообразия, самобытности и преемственности каждого народа в целях, указанных в статье 1:

- а) охраны нематериального культурного наследия;
- б) уважения нематериального культурного наследия соответствующих сообществ, групп и отдельных лиц;
- с) привлечения внимания на местном, национальном и международном уровнях к важности нематериального культурного наследия и его взаимного признания;
- д) международного сотрудничества и помощи [5].

Исследование Конвенции 2003 г. позволяет сделать вывод о том, что данный документ смог восполнить пробел, существующий в Конвенции 1972 г., создав логичную систему *общемирового наследия* из трех компонентов: нематериальное культурное наследие, материальное и природное наследие.

С каждым годом понятие «культурное наследие» приобретает новые смыслы. Мы не ограничиваемся простым описанием объекта нематериального наследия, но и указываем на связь с природными ландшафтами, материальными ценностями. Так, Н.Н. Михайлова отмечает, что «во многих странах мира к культурному наследию относят нематериальное наследие, природные, городские и сельские ландшафты, цифровое и кинематографическое наследие» [6].

Следует особо выделить мнение Генерального директора ЮНЕСКО О. Азуле: «Охрана культурного наследия по международному праву является неотъемлемой частью миростроительства и прочного мира» [7]. М.Д. Лошак, директор Государственного музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина, обращает внимание, что «мир культуры — надситуативный, он, безусловно, должен быть открытым при любых обстоятельствах, всяких недопониманиях, недоговоренностях, мнениях. Мир культуры — это то, что объединяет всех. Это человеческое из-за всех сил нужно сохранять и умножать в такие сложные времена» [8].

Сохранение объектов культурного наследия и культурных ценностей способно установить взаимосвязь между обществом и хранителем культурного наследия, транслятором культурно-исторической памяти народа, т.е. музеем [9]. Сегодня музеи выступают в роли посредника в системе «культурное наследие – общество», так как способны реализовать просветительскую и популяризаторскую деятельность по сохранению нематериальных, материальных и природных ценностей. Не случайно С.Е. Рыбаков в рамках VII Парламентского форума подчеркнул, что историко-культурное наследие является значимым ресурсом развития страны [10].

Соответственно, успешная охрана нематериального культурного наследия требует внесения изменений в существующую международно-правовую базу по охране исследуемого наследия, особенно, в Конвенцию 1972 г., Конвенцию о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта от 14.05.1954 г., а также дополнений положениями в Конвенцию об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения от 20.10.2005 г. [4, 11, 12].

В соответствии с пунктом 3 статьи 2 Конвенции 2003 г., охрана нематериального наследия включает в себя идентификацию, документирование, исследование, сохранение, защиту, популяризацию, повышение его роли, его передачу, главным образом с помощью формального и неформального образования, а также возрождение различных аспектов такого наследия.

Для тридцати заинтересованных стран мира Конвенция 2003 г. вступила в силу 20 апреля 2006 г., для других стала обязательной через три месяца после сдачи на хранение Генеральному директору ЮНЕСКО документа о ратификации, принятии, утверждении или присоединении [5].

По данным ЮНЕСКО участниками являются 180 государств, что демонстрирует высокие результаты. При этом не принимают участие такие ведущие страны мира, как Российская Федерация, Соединенные Штаты Америки, Великобритания и др. [13].

Участниками Конвенции 2003 г. могут быть:

- государства-члены ЮНЕСКО при соблюдении соответствующих конституционных процедур (пункт 1 статьи 32);

- государства, не являющиеся членами ЮНЕСКО, но которым Генеральная конференция Организации предлагает присоединиться (пункт 1 статьи 33);

- территории с полным внутренним самоуправлением, которые признаются как таковые Организацией Объединенных Наций (далее – ООН), но не достигли полной независимости в соответствии с резолюцией 1514 (XV) Генеральной Ассамблеи ООН, и обладающих компетенцией в вопросах, например, заключения договоров (пункт 2 статьи 33).

Необходимо сказать о полномочном органе Конвенции 2003 г. – Генеральной Ассамблеи (далее – ГА), вносящая свой вклад в сохранение и возрождение объектов нематериального наследия. ГА, в силу пункта 2 статьи 4, собирается на очередные сессии один раз в два года, однако может собраться и на внеочередные сессии, в случаях:

- обязательности собрания в целях принятия решения;

- по просьбе Межправительственного комитета по охране нематериального культурного наследия;

- по просьбе не менее одной трети государств-участников [5].

В качестве примера для комплексного исследования приведем статистическую обработку данных и укажем, что в седьмой сессии ГА (04 - 06.06.2018 г.) приняли участие 177 государств-участников Конвенции 2003 г., в восьмой сессии (08 - 10.09.2020 г.) – более 140 стран, в девятой сессии (05 - 07.07.2022 г.) – 180 государств-участников [14, 15, 16].

Увеличение государств-участников отображает значимость сохранения «живого наследия» не только на национальном уровне, но и во всем мире. Спад количества стран в восьмой сессии связан с распространением пандемии COVID-19, которая оказала свое влияние и на «живое наследие». Соответственно, появляются новые вызовы, требующие оперативного реагирования, новых средств и методов сохранения и возрождения объектов нематериального наследия, а также механизмов по реализации таких средств и методов.

Пандемия COVID-19 – не единственный вызов для современного международного сообщества в связи с чем, существует необходимость закрепить в Конвенции 2003 г. методы по сохранению и возрождению объектов в экстренных случаях, а также предусмотреть определенный механизм по борьбе с данными вызовами.

Уместно сказать и о Межправительственном комитете по охране нематериального культурного наследия (далее - Межправительственный комитет), состоящий из представителей государств-участников, собирающиеся на Генеральную ассамблею и обладающие компетенцией в

различных областях нематериального культурного наследия (пункт 7 статьи 6). Представители избираются в соответствии с принципами справедливого географического распределения и справедливой ротации сроком в четыре года (пункты 1, 2 статьи 6).

Компетенцию данного органа составляет широкий круг полномочий, предусмотренные статьей 7 Конвенции 2003 г. В качестве примера назовем несколько: содействие достижению целей Конвенции; предоставление консультаций относительно передовой практики и подготовка рекомендаций о мерах по охране нематериального культурного наследия; подготовка и представление на утверждение Генеральной ассамблеи оперативного руководства по выполнению Конвенции; предоставления международной помощи и прочее [5].

Участниками Межправительственного комитета являются 24 государства-члена, так как число государств-участников Конвенции 2003 г. составляет свыше 50 представителей (пункт 2 статьи 5). В перечень входят: Германия (группа I), Чехия (группа II), Бразилия (группа III), Бангладеш (группа IV), Ангола (группа V(a)), Мавритания (группа V(b)) и т.д. [17].

Совсем недавно в период с 28 ноября по 3 декабря 2022 г. прошла 17-я сессия Межправительственного комитета, в соответствии с которой включено 47 новых объектов, связанные с охраной окружающей среды и изменения климата:

- 4 элемента в Список нематериального культурного наследия, нуждающегося в срочной охране;
- 39 элементов в Репрезентативный список нематериального культурного наследия человечества;
- 4 элемента в Реестр передового опыта по сохранению нематериального культурного наследия [18].

Особое внимание хотелось бы акцентировать на докладах о законодательных и регламентирующих положениях или других мерах государств-участников по выполнению Конвенции 2003 г. (статья 29), указать на определенную отчетность перед Межправительственным Комитетом. Отчеты об осуществлении Конвенции и о статусе элементов, включенных в Репрезентативный список, имеет практическую составляющую, так как существует возможность справедливо и объективно расценить выполненные мероприятия по охране и возрождению объектов, и предусмотреть планы на будущее, в том числе, по обновлению элементов в Репрезентативном списке и дальнейшем международном сотрудничестве в данной сфере.

Внесение поправок так же предусматривается Конвенцией 2003 г. В соответствии с пунктом 2 статьи 38, поправки принимаются большинством в две трети присутствующих и участвующих в голосовании государств-участников. Кроме того, вступить в силу поправки могут для государств, которые ратифицировали Конвенцию 2003 г. и, соответственно, утвердили поправки или, которые присоединились к поправкам через три месяца со дня сдачи на хранение документов, двумя третями государств-участников (пункт 4 статьи 38) [5].

Нельзя не сказать и об оценке действий ЮНЕСКО в рамках Конвенции 2003 г. В 2021г. проводилась вторая оценка, посвященная Конвенции 2003 г., Службой внутреннего надзора шести конвенций ЮНЕСКО в области культуры. Целью данной оценки состояла в обобщение выводов, извлечении уроков и рекомендаций касательно актуальности и действенности ЮНЕСКО в рамках Конвенции 2003 г. [19].

Однако в исследуемом международном документе проявляется отсутствие многих, необходимых положений относительно охраны и возрождения объектов нематериального культурного наследия. Считаем, что указание на оперативные методы борьбы с вызовами сегодняшнего дня, например, с необратимыми процессами глобализации и социальными преобразованиями, а также их решение, способно стать механизмом по сохранению и реализации нематериального культурного разнообразия.

Следует учитывать дополнительные возможности сотрудничества между Специальным докладчиком ООН в области культурных прав и другими соответствующими механизмами, например, с Комитетом по экономическим, социальным и культурным правам, Верховным комиссаром ООН по правам человека, Европейским судом по правам человека, а также всеми заинтересованными сторонами, затронутыми охраной культурного наследия, в целях обеспечения всестороннего осуществления Конвенции 2003 г. Так же должное внимание следует отнести принятию эффективных национальных мер на законодательном и исполнительном уровнях, в надлежащих случаях и во исполнение обязанностей и обязательств по международному и внутреннему праву.

Таким образом, можем сделать вывод, что объекты нематериального культурного наследия могут оказаться на грани уничтожения, если продуктивно не способствовать устойчивому развитию, содействовать миру и безопасности. Необходимость сохранения и увеличения числа элементов «живого наследия» существует, а, значит, вопросы относительно нематериального наследия справедливо можно назвать общемировой повесткой дня.

На сегодняшний день задача международного сообщества состоит в том, чтобы усовершенствовать систему охраны и возрождения нематериального наследия, в особенности, в

процессе борьбы с новыми вызовами, требующие адекватной международно-правовой оценки и реакции многих стран мира.

Пристатейный библиографический список:

1. Медведев Е.В. Культурные ценности как предмет государственно-правового регулирования // Проблемы российской государственности: вопросы истории, теории, практики. Сборник научных трудов. - М.: Юрист, 2004. - С. 128-139.
2. Лихачев Д.С. Декларация прав культуры // Журнал российского права. 2006. №12. С. 142-146.
3. Гукова Е. Охрана нематериального культурного наследия в деятельности ЮНЕСКО / Е. Гукова // Международные гуманитарные связи: материалы заочных сессий ежеквартальной студенческой научной конференции. Том IX: Материалы девятой заочной сессии (1-9 сентября 2015 года). - С. 18-24.
4. Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия (Париж, 16 ноября 1972 г.). // Сборник международных договоров СССР. Вып. XLV. - М., 1991. С.482-492.
5. Конвенция об охране нематериального культурного наследия от 17 октября 2003 г. // [Электронный ресурс] URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cultural_heritage_conv.shtml. Дата обращения: 22.12.2022 г.
6. Михайлова Н.Н. Образование и сохранение культурного наследия / Н.Н. Михайлова // Традиционное прикладное искусство и образование. – 2019. – № 3(30). – С.153-160.
7. ICC Prosecutor, Fatou Bensouda, publishes Policy on Cultural Heritage: «Cultural heritage is the repository of the human experience throughout the ages. To protect it, is to pay homage to the basic fabric of civilisation and civilizational practice». // [Электронный ресурс] URL: <https://www.icc-cpi.int/Pages/item.aspx?name=pr1595>. Дата обращения: 22.12.2022 г.
8. Директор Пушкинского музея: мир культуры должен быть открытым при любых недопониманиях. // [Электронный ресурс] URL: <https://tass.ru/interviews/16360023>. Дата обращения: 22.12.2022 г.
9. Чернядьева Н.А. Гражданско-правовое регулирование деятельности музеев в Российской Федерации: ... дисс. канд. юрид. наук; 12.00.03. Пермь, 2005. 238 с.
10. Рыбаков призвал разработать меры по привлечению бизнеса к сохранению культурного наследия. // [Электронный ресурс] URL: <https://www.pnp.ru/culture/rybakov-prizval-razrabotat-mery-po-privlecheniyu-biznesa-k-sokhraneniyu-kulturnogo-naslediya.html>. Дата обращения: 22.12.2022 г.
11. Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта (Гаага, 14 мая 1954 г.). // Ведомости Верховного Совета СССР от 8 февраля 1957 г. № 3, ст.54.
12. Конвенция об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения от 20 октября 2005 г. // [Электронный ресурс] URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cultural_expression.shtml. Дата обращения: 22.12.2022 г.
13. The States Parties to the Convention for the Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage (2003). // [Электронный ресурс] URL: <https://ich.unesco.org/en/states-parties-00024>. Дата обращения: 23.12.2022 г.
14. Seventh session of the General Assembly (from 4 to 6 June 2018). // [Электронный ресурс] URL: <https://ich.unesco.org/en/7ga>. Дата обращения: 23.12.2022 г.
15. Eighth session of the General Assembly (from 8 to 10 September 2020). // [Электронный ресурс] URL: <https://ich.unesco.org/en/8ga>. Дата обращения: 23.12.2022 г.
16. Ninth session of the General Assembly (from 5 to 7 July 2022). // [Электронный ресурс] URL: <https://ich.unesco.org/en/9ga>. Дата обращения: 23.12.2022 г.
17. Members of the Intergovernmental Committee for the Safeguarding of Intangible Cultural Heritage. // [Электронный ресурс] URL: <https://ich.unesco.org/en/members-00028>. Дата обращения: 24.12.2022 г.
18. Пресс-релиз «47 новых элементов внесены в список нематериального культурного наследия ЮНЕСКО». // [Электронный ресурс] URL: <https://www.unesco.org/ru/articles/47-novykh-elementov-vneseny-v-spiski-nematerialnogo-kulturnogo-naslediya-yunesko>. Дата обращения: 24.12.2022 г.
19. Evaluations, audits and governance. 2021 - Evaluation of UNESCO's Action in the framework of the 2003 Convention. // [Электронный ресурс] URL: <https://ich.unesco.org/en/evaluations-audits-and-governance-00717>. Дата обращения: 24.12.2022г.

Блинов Д.Р.

студент 2 курса бакалавриата

ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»

Научный руководитель: Лебедев М.Ю. к.ю.н, доцент,

доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин

ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»

КРИТЕРИЙ «ВОЗРАСТА» И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ НЕМАТЕРИАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ: ОПЫТ ГЕРМАНИИ

Аннотация: Автором рассмотрены особенности правового регулирования вопроса отнесения объектов потенциально пригодных к сохранению к объектам культурного наследия, рассмотрена проблематика применения такого критерия как возраст объекта, рассмотрен опыт Германии по реализации свободного подхода к возрасту объектов наследия, понимания «памятников». В качестве правовой базы, автором рассмотрены международные и национальные нормативные источники.

Ключевые слова: памятник, объект культурного наследия, возраст объекта культурного наследия, коренные и малочисленные народы, международная унификация.

THE CRITERIAN OF «AGE» AND ITS SIGNIFICANCE IN THE LEGAL REGULATION OF INTANGIBLE CULTURAL HERITAGE: THE GERMAN EXPERIENCE

Annotation: The author considers the specifics of legal regulation of the issue of classifying objects potentially suitable for preservation as cultural heritage objects, examines the problems of applying such a criterion as the age of the object, examines the German experience in implementing a free approach to the age of heritage objects, the understanding of "monuments". As a legal basis, the author considered international and national regulatory sources.

Key words: monument, cultural heritage site, age of cultural heritage site, indigenous and minority peoples, international unification.

Глобальный инновационный прогресс неизбежно актуализирует проблематику обеспечения защиты нематериального культурного наследия. Несмотря на то, что большая часть сегодняшних культурных достижений является результатом сохранения традиционных ценностей, наблюдений, открытий народов, в том числе коренных и малочисленных, нематериальное культурное наследие находится в опасности в связи с технологическим прогрессом, не устоявшимся и разрозненным регулированием вопроса отнесения исторических ценностей к объектам охраны, памятникам, выступающим в качестве объектов культурного наследия. Локальные действия по обеспечению защиты и сохранности нематериального культурного наследия в рамках устойчивого развития, на наш взгляд, недостаточны, требуется механизм международной унификации его правового регулирования, в основу которой может быть положен опыт Германии, имеющий положительное правовое и научное значение.

Речь идет о проблематике возрастного критерия для объектов, претендующих на статус памятника, подлежащего охране в качестве объекта культурного наследия.

Чтобы добиться охраны культурного наследия следует переводить под охрану государства соответствующие исторические памятники, либо объекты, художественная ценность которых может отнести таковые к категории «памятник» [1, с. 19]. С этим нельзя не согласиться. Вместе с тем, имеет место спорный вопрос о том, какие предметы, объекты следует причислять к памятникам, подлежащим охране со стороны государства: с позиции определения их «возраста» или, не обращая внимания на данный критерий, руководствуясь иными ценностями.

XX век правового развития Германии по вопросу охраны культурного наследия можно охарактеризовать как становление германского законодательства в части регламентации вопроса возрастного ценза, которые неоднократно поднимался, но так и не нашел поддержки (прим. авт., к примеру, в процессе обсуждения Закона о памятниках Великого герцогства Гессен-Дармштадтского, принятого в 1902 г.). К памятникам было принято относить объекты так называемых «завершенных исторических эпох». Однако, идея возрастного ценза, применяемого в вопросах отнесения объектов к памятникам наследия так и не получила нормативного закрепления или какого-либо признания на законодательном уровне. Памятниками было принято объявлять как предметы старины, так и современные произведения искусства, представляющие ценность. Эти процессы сопровождали послевоенное время, что подтверждается принятием законов о памятниках, например, в земле Баден в 1949 г. (действовал вплоть до 1972 г.). Стоит отметить, что отнесение к памятникам «предметов из прошлого» не содержало конкретизации и отдавалось на усмотрение органов исполнительной власти и судов, экспертов. Это подтверждается законодательством таких федеральных земель как Шлезвиг-Гольштейн, Бавария, Саксония-Ангальт, Рейнланд-Пфальц [2].

Таким образом, мы видим, что оценка объектов на предмет возможности их отнесения к памятникам не носила императивный характер. С одной стороны, это не обеспечивало единообразия в принятии аналогичных решений, с другой стороны, имелась возможность отнесения к категории «памятник» объектов, действительно имевших историческую или культурную ценность. На наш взгляд, это особенно необходимо предметам или результатам творчества коренных и малочисленных народов, которые, несмотря на действие во времени сами по себе представляют ценность, которую следует сохранять. Отнесение результатов жизнедеятельности коренных и малочисленных народов может и не обладать свойствами «предметов из прошлого», но представлять ценность как объекты культурного наследия.

Стоит отметить, что во многих странах, идеи законодательного ограничения возраста подлежащих охране объектов неизменно вызвали негативное отношение со стороны искусствоведов, археологов, экспертного сообщества. Несмотря на это, превалирует практика, согласно которой статус «памятник» приобретают «предметы из прошлого», как свидетели прошедшей исторической или художественной эпохи. Объекты же, с момента возникновения которых прошло менее 30 лет, ставятся под охрану государств достаточно редко, что может повлечь утрату культурного наследия.

На наш взгляд, опыт Германии в этом вопросе полезен к изучению и внедрению.

С позиции международного правового регулирования мы обнаруживаем приверженность этой позиции, что на наш взгляд является доказательством внедрения германского опыта. Например, в международных конвенциях, участницей которых является Германия, критерии отнесения объектов к категории культурного наследия сформулированы предельно в общем виде, без какой-либо конкретизации.

Например, согласно ст. 1 Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия ЮНЕСКО (Париж, 16.11.1972) под культурным наследием понимаются памятники и достопримечательные места. Первые имеют выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, искусства или науки [3]. В этом документе отражен сложный многоступенчатый

механизм выявления объектов и многофакторная система признаков объектов культурного наследия, в основе которого лежат два критерия - целостность (integrity) и (или) подлинность (authenticity).

Указания на конкретный возраст, которого должны достичь объекты, чтобы попасть в Список всемирного наследия, в описании приведенных критериев не содержится. Объекты могут быть признаны удовлетворяющими критерию подлинности, если их культурная ценность отражает многообразие признаков: форму и замысел; материалы и вещества; использование и функции; традиции, методы и системы управления; местоположение и окружение; язык и другие формы нематериального наследия; духовное и физическое восприятие; другие внутренние и внешние факторы [4, п. 82].

Важно отметить в этом случае и такой признак отнесения объектов к памятникам, подлежащим охране как целостность, которая представляет собой меру единства и не поврежденности природного и/или культурного наследия и его признаков [4, п. 88].

Установление данного критерия позволяет повысить ценность объектов, подлежащих охране, т.к. именно она подлежит поддержанию. И с этим трудно поспорить, т.к. объекты культурного наследия могут пострадать от неблагоприятного воздействия, оказываемого развитием хозяйственной деятельности, временным воздействием.

«Германский след» усматривается в отсутствии указания на возраст объектов в Конвенции об охране архитектурного наследия Европы. Согласно ее ч. 1 ст. 1 под наследием понимаются памятники, комплексы строений и достопримечательности, различающиеся по своему функционалу и составу, объединены общим признаком - все они должны представлять явный исторический, археологический, художественный, научный, социальный или технический интерес [5]. Однако, отсутствие прямого указания по вопросу возрастного ценза, оставляет этот вопрос на усмотрение государств. Например, в России, правовой режим объекта культурного наследия приобретают предметы, возрастной ценз которых соответствует 40 годам.

Полагаем, что верным будет именно опыт Германии, где преобладает иной подход, а именно, возраст объектов для их отнесения к культурному наследию рассматривается для определения объектов потенциально пригодных к сохранению, демонстрируя пример свободного подхода к возрасту объектов. В этой связи основные аспекты государственной охраны объектов культурного наследия регулируются законодательством земель, в каждой из которых действует закон об охране памятников культуры – движимых и недвижимых предметов, представляющих историческую, художественную, научную или градостроительную ценность, в том числе этнографическую, фольклорную [6].

Особый интерес вызывает этнография и фольклор, а также предметы, объекты, производство и сохранность которых обеспечивает коренное малочисленное население. Их быт и культура уникальны и подлежат охране вне зависимости от возрастного критерия. Так, предметы, которые используются коренным и малочисленным народом, представляют ценность, вне зависимости от возраста. Введение возрастного критерия для отнесения существующих памятников коренного населения (сохранившего древние традиции и поддерживающего их сегодня) к объектам культурного наследия выводил бы их из разряда таковых, что не допустимо, и повлечет утрату их ценности в исторической ретроспективе.

Учитывая вышеизложенное, полагаем, что локальные (внутригосударственные) действия по охране и правовой защите нематериального и культурного наследия, которые позволяют вводить возрастные цензы для отнесения объектов к памятникам, подлежащим охране, в условиях устойчивого развития недостаточны, требуется механизм международной унификации, т.к. сохранение объектов нематериального наследия выступает имеет трансграничную и глобальную ценность.

Несмотря на то, что большая часть сегодняшних достижений является результатом традиций, наблюдений и открытий, основанных на сохранении памятников, полагаем, что вопрос возрастного ценза в целях сохранения культурного наследия должен рассматриваться для определения объектов потенциально пригодных к сохранению, демонстрируя пример свободного подхода к возрасту объектов. Такой подход обеспечит сохранность объектов культурного наследия, в т.ч. памятников коренных малочисленных народов, самобытность которых должна быть сохранена в разрезе международной унификации.

Глобальный инновационный прогресс существенно влияет на вопрос сохранения предметов, имеющих культурную ценность в области нематериального культурного наследия, поэтому поднимаемые нами вопросы актуальны и требуют международного закрепления в качестве стандартов и рекомендаций.

В заключении стоит подчеркнуть, что результаты археологических раскопок - возможность прикоснуться к истории, дать оценку тем или иным событиям, сделать выводы. Именно поэтому большинство стран признают результаты археологических изысканий археологическими памятниками, которые со дня обнаружения являются государственной собственностью и подлежат охране, а некоторые из них становятся объектами культурного

наследия. Не меньшую ценность являют собой объекты нематериального культурного наследия, сохранность которых должна обеспечиваться международными стандартами свободного подхода к возращу объектов в целях сохранения культурного наследия.

Пристатейный библиографический список:

1. Чернядьева Н.А. Гражданско-правовое регулирование деятельности музеев в Российской Федерации. Дисс... кандидата юридических наук. 12.00.03: Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право. Пермь. 2005. 234 с.
2. Александрова М.А. Башарин А.В. Давыдов Д.Б. Тузов Д.О. TEMPUS OMNIA REVELAT Использование возрастного критерия для отнесения недвижимости к объектам культурного наследия // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2021. № 8
3. Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия ЮНЕСКО. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/heritage.shtml
4. Руководство по применению Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия. Принято 30.06.1977 Комитетом всемирного наследия. Последняя редакция 2017 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000369013_rus
5. Конвенция об охране архитектурного наследия Европы (ETS N 121, заключена в г. Гранаде 03.10.1985, вступила в силу для СССР 01.03.1991) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rm.coe.int/168007a104>
6. Gesetz über den Schutz der Kulturdenkmäler [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://srl.lu.ch/app/de/texts_of_law/595

Зубкова В.С.

студентка 3 курса бакалавриата
Крымский филиал ФГБОУВО «РГУП»

Научный руководитель: Чернядьева Н.А., д.ю.н, доцент,
профессор кафедры государственно-правовых дисциплин
Крымский филиал ФГБОУВО «РГУП»

ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА НЕМАТЕРИАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В ОБЪЕДИНЕННЫХ АРАБСКИХ ЭМИРАТАХ

Аннотация: В статье проанализирован подход к пониманию нематериального культурного наследия, который реализуется в международных конвенциях, с целью выявления его потенциала в решении проблем выявления, сохранения, охраны, изучения и популяризации нематериального культурного наследия. Проводится анализ положений международных актов, закрепляющих фундаментальные принципы и применяемые меры в данной сфере. Поднимается вопрос об усилении мер по защите нематериального культурного наследия в ОАЭ.

Ключевые слова: защита, нематериальное культурное наследие, усиление мер, отчет, деятельность ЮНЕСКО, Объединенные Арабские Эмираты.

LEGAL PROTECTION OF INTANGIBLE CULTURAL HERITAGE IN THE UNITED ARAB EMIRATES

Abstract: The article analyzes the approach to understanding the intangible cultural heritage, which is implemented in international conventions, in order to identify its potential in solving the problems of identifying, preserving, protecting, studying and popularizing the intangible cultural heritage. The analysis of the provisions of international acts fixing the fundamental principles and measures applied in this area is carried out. The issue of strengthening measures to protect intangible cultural heritage in the UAE is being raised.

Keywords: protection, intangible cultural heritage, strengthening of measures, report, UNESCO activities, United Arab Emirates.

Нематериальное культурное наследие является связующим звеном между прошлым и будущим, представляя собой ценное достояние различных сообществ, групп и отдельных людей. В связи с процессами глобализации, стирающими и унифицирующими самобытную культуру народов, в настоящее время обозначилась проблема сохранения нематериального культурного наследия.

Нематериальное культурное наследие, согласно Международной конвенции об охране нематериального культурного наследия, принятой Генеральной конференцией ЮНЕСКО, включает в себя обычаи, формы представления и выражения, знания и навыки, а также связанные с ними инструменты, предметы, артефакты и культурные пространства, признанные сообществами, группами и в некоторых случаях отдельными лицами в качестве части их культурного наследия [1].

Объединенные Арабские Эмираты являются членами ЮНЕСКО с 20 апреля 1972 года[2]. После создания «Международного гуманитарного города» ООН расширила свое присутствие в стране. Сегодня в ОАЭ работает около 350 сотрудников ООН из 13 офисов, которые поддерживают более 60 программ и проектов ООН в стране.

Стоит помнить, что в соответствии со ст. 7 Конституции [3] ислам в Объединенных Арабских Эмиратах, это, прежде всего, государственная религия, которую исповедуют практически 76% населения ОАЭ[4]. При этом ОАЭ довольно терпимо относится к приверженцам иных религиозных конфессий. Так, ст. 25 Конституции устанавливает, что все люди равны перед законом, без различия между гражданами Союза в отношении расы, национальности, *религиозных убеждений* или социального статуса; ст. 32 Конституции гарантирует свободу отправления религиозных обрядов в соответствии с установленными обычаями и при условии, что это не противоречит государственной политике или не нарушает общественную мораль. Не в меньшей степени культура Объединенных Арабских Эмиратов охраняет права любого человека отправлять свои религиозные обряды[5]. При этом следование нормам ислама по некоторым вопросам является обязательным для представителей любых конфессий. Прежде всего это касается одежды, которая должна быть предельно скромной, закрытой и не выделяться ее яркими красками. И в равной степени это касается как женщин, так и мужчин.

Среди множества традиционных занятий особое место занимают: соколиная охота - уникальный союз человека и птицы и верблюжий бег - победители, которых получают солидные призы.

В 2016 году Объединенные Арабские Эмираты входили в международное объединение 18 стран, которые помогли включить соколиную охоту в Репрезентативный список нематериального культурного наследия человечества ЮНЕСКО[6].

Соколиная охота развивалась и распространилась среди местного населения как социальная практика и средство общения и взаимодействия с природой. Она стала символом дружбы, единства, участия и свободы. У сокольников есть своеобразный набор традиций и моральных принципов. Они стремятся передать и разделить это наследие со своими детьми, внуками и молодежью[7].

Верблюжий бег вошел в список нематериального культурного наследия ЮНЕСКО. Заявка на внесение в список была подана Оманом и Объединенными Арабскими Эмиратами. Верблюжий бег является популярным видом спорта в аравийских монархиях Персидского залива. Подготовка верблюдов к гонкам состоит из нескольких этапов, их отбирают по виду, происхождению и возраст[8].

Верблюды – грациозные корабли пустыни – неотъемлемая часть жизни в ОАЭ. Этот национальный вид спорта пользуется огромной популярностью, как среди местных жителей, так и среди туристов. Сезон Верблюжий гонок длится с октября по апрель. Соревнования, как правило, проходят рано утром по пятницам и субботам. Сумма денежных призов за победу в соревнованиях достигает десятков тысяч дирхамов. На больших бегах также могут разыгрываться специальные призы, например, роскошные автомобили.

Практику по защите нематериального культурного наследия, такое как Арабский кофе, символ щедрости поддерживают также другие страны Арабского мира такие как: Саудовская Аравия, Оман и Катар[9].

Поддача арабского кофе – важный аспект гостеприимства в арабских обществах, который рассматривается как символ щедрости. Традиционно кофе варят на глазах у гостей. Ритуал приготовления начинается с выбора зерен, которые помещаются в плоскую железную сковороду и слегка обжариваются на дровах. Затем обжаренные бобы помещают в медную ступку и измельчают медным пестиком. Молотый кофе помещается в большой медный кофейник, в который наливается вода и ставится на огонь. Когда кофе готов, его переливают в кофеварку меньшего размера и подают гостям в небольших чашках. Первым обслуживается самый важный или самый старый гость. Чашка гостя наполняется только на четверть, поэтому ее можно наполнять несколько раз. Каждый гость обычно выпивает хотя бы одну чашку, но не более трех. Передача знаний и традиций, связанных с арабским кофе, происходит в семье посредством наблюдения и практики. Молодые люди также сопровождают пожилых людей на рынок, чтобы научиться выбирать лучшие зерна.

Помимо указанных в Конвенцию ЮНЕСКО внесены еще 10 объектов нематериального культурного наследия ОАЭ:

- ✓ Арабская каллиграфия: знания, навыки и практика 2021;
- ✓ Аль-Афладж, традиционная система ирригационной сети в ОАЭ, устные традиции, знания и навыки строительства, обслуживания и справедливого распределения воды 2020; Финиковая пальма, знания, навыки, традиции и практика 2019;
- ✓ Аль Ази, искусство исполнения поэзии восхваления, гордости и стойкости 2017;
- Арабский кофе, символ щедрости 2015;
- ✓ Меджлис, культурное и социальное пространство 2015;
- ✓ Аль-Разфа, традиционное исполнительское искусство 2015;
- ✓ Аль-Айяла, традиционное исполнительское искусство Султаната Оман и Объединенных Арабских Эмиратов 2014;

- ✓ Аль-Тагруда, традиционная поэзия бедуинов в Объединенных Арабских Эмиратах и Султанате Оман 2012;
- ✓ Аль-Саду, традиционные навыки ткачества в Объединенных Арабских Эмиратах 2011[10].

Согласно ст. 29 Конвенции, государства-участники представляют Комитету доклады о законодательных, нормативных и других мерах, принятых для охраны нематериального культурного наследия на их территориях. Периодическая отчетность об осуществлении Конвенции позволяет участникам оценивать свое осуществление Конвенции, оценивать свои возможности по охране нематериального культурного наследия, сообщать о своих кадастрах нематериального культурного наследия и обновлять статус элементов, включенных в Репрезентативный список [11, с. 156]. Каждое государство-участник представляет свой периодический доклад Комитету к 15 декабря шестого года, следующего за годом, в котором оно сдало на хранение свою ратификационную грамоту. Отчеты по каждому элементу, включенному в список срочной охраны, представляются государством-участником 15 декабря четвертого года, следующего за годом, в который элемент был включен, и каждый четвертый год после этого[12].

Во исполнение конвенции ЮНЕСКО, ОАЭ стремятся сохранить свои культурные элементы, а также сохранить жизнеспособность своей практики. Это достигается благодаря усилиям федерального министерства культуры и развития знаний, которое было создано в 1997 году, и Департамента культуры и туризма (DCT) Абу-Даби, а также многих других органов власти, учреждений, центров и региональных департаментов. Все они уделяют особое внимание МКН, особенно составлению его элементов в федеральных кадастрах, включающих более (800) элементов на сегодняшний день[13].

Для многих народов нематериальное культурное наследие является основным источником идентификации и Объединенные Арабские Эмираты тому не исключение. Такие проявления нематериального наследия, как традиционная народная музыка, танцы, праздники, устные традиции и языки, находятся под угрозой исчезновения. Неосознанная природа этого наследия делает его уязвимым к изменениям. Обострившееся сегодня внимание к сохранению нематериального культурного наследия является следствием общенациональных и мировых цивилизационных процессов, связанных с сохранением этнической самобытности народов в условиях глобализации, урбанизации, стандартизации и массовизации культурных процессов, поиском путей гуманизации встраивания личности в современное духовное пространство, сохранения ее творческого потенциала и нравственно-гуманистических ориентиров[14, с. 11].

Объединённые Арабские Эмираты имеют важную стратегию по содействию в правовой защите нематериального культурного наследия в обществе заключается в организации конкурсов нематериального культурного наследия. Большинство из них проводится в рамках фестивалей и выставок, связанных с наследием. Они часто включают специальный раздел для молодежи и поощряют широкий круг носителей наследия делиться своими навыками с молодежью. Например, ежегодная четырехдневная международная выставка охоты и конного спорта в Абу-Даби (ADIHEX) посвящена соколиной охоте и другим охотничьим традициям, а также предлагает несколько шоу и соревнований по наследию (например Приготовление кофе по-арабски, народная поэзия *набати* о соколах и т.д.), представления традиционных исполнительских искусств, а также детские игры и песни. Ежегодный конкурс поэзии Набати, организуемый Академией поэзии, предусматривает крупные денежные призы для победителей (первый приз составляет 5 миллионов дирхамов ОАЭ или 1 363 000 долларов США)[15]. Ряд общественных ассоциаций и неправительственных организаций также активно участвуют в продвижении нематериального культурного наследия в сообществе (14 перечислены в отчете).

Нематериальное культурное наследие является действенным средством профилактики и преодоления негативных социальных явлений в детской и молодежной среде, формирования патриотических, гражданских качеств личности, воспитания духовности и нравственности, стабилизации и гармонизации семейных и общественных отношений. С его помощью решаются такие серьезные проблемы, как восстановление и развитие социального и экономического прогресса.

Пристатейный библиографический список:

1. Конвенция ЮНЕСКО «Об охране нематериального культурного наследия» (2003). Париж, 17 октября 2003 г. [Электронный ресурс] URL: www.unesco.org/bpi/rus/pdf/03-82-Russe.pdf, свободный. Дата обращения 29.11.2022г.
2. Официальный сайт Организации Объединённых Наций. Члены Организации Объединенных Наций. [Электронный ресурс] URL: <https://www.un.org/ru/about-us/member-states>. Дата обращения 29.11.2022г.
3. The Constitution of the United Arab Emirates [Электронный ресурс] URL: // <https://legaladvice.com/legislation/120/uae-constitution-of-united-arab-emirates> Дата обращения 29.11.2022 г.
4. United Arab Emirates BUREAU OF DEMOCRACY, HUMAN RIGHTS, AND LABOR International Religious Freedom Report 2010. November 17, 2010 [Электронный ресурс] URL: // https://www.justice.gov/sites/default/files/eoir/legacy/2013/06/10/United%20Arab%20Emirates_0.pdf Дата обращения 29.11.2022г.

5. Культура Объединенных Арабских Эмиратов [Электронный ресурс] URL: // <https://travel247.ru/647-kultura-uae>. Дата обращения 29.11.2022г.
6. Департамент Культуры и Туризма ОАЭ. [Электронный ресурс] URL: // <https://abudhabiculture.ae/ru/unesco/intangible-cultural-heritage/falconry-unesco>. Дата обращения 29.11.2022г.
7. Соколиная охота, живое наследие человечества - нематериальное наследие - Сектор культуры – ЮНЕСКО [Электронный ресурс] URL: // <https://ich.unesco.org/en/RL/falconry-a-living-human-heritage-01708> Дата обращения 29.11.2022г.
8. Верблюжий бег из ОАЭ вошли в список ЮНЕСКО [Электронный ресурс] URL: // <https://russianemirates.com/news/uae-news/verblyuzh-i-bega-iz-oae-voshli-v-spisok-yunesko/>. Дата обращения 29.11.2022г.
9. Нематериальное культурное наследие в Объединенных Арабских Эмиратах - Wikivoyage, бесплатный совместный путеводитель по путешествиям и туризму [Электронный ресурс] URL: // https://ru.wikitrps.com/wiki/Patrimoine_culturel_immatériel_aux_Émirats_arabes_unis. Дата обращения 29.11.2022г.
10. United Arab Emirates - Intangible Heritage - Culture Sector - UNESCO. [Электронный ресурс] URL: // <https://ich.unesco.org/en/state/united-arab-emirates-AE>. Дата обращения 29.11.2022г.
11. Абашидзе А.Х., Абдуллин А.И. и др. Международная защита прав человека. Учебник. М., РУДН. 2020. 510 с
12. Periodic reporting on the Convention for the Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage [Электронный ресурс] URL: // <https://ich.unesco.org/en/state/united-arab-emirates-AE?info=periodic-reporting>. Дата обращения 29.11.2022г.
13. International Centre for Capacity Building in Intangible Cultural Heritage in the Arab States (United Arab Emirates) [Электронный ресурс] URL: // <https://ich.unesco.org/en/state/united-arab-emirates-AE?info=category-2-centers>. Дата обращения 29.11.2022г.
14. Максаковский В.П. Всемирное культурное наследие: научно-популярное справочное издание. М: Агентство «Изд. Сервис». 2002. 415 с.
15. UAE Ministry of Foreign Affairs and International Cooperation [Электронный ресурс] URL: // <https://www.mofaic.gov.ae/EN> Дата обращения 29.11.2020г.

Ковалишина К.В.

Студентка 4 курса бакалавриата
Крымский филиал ФГБОУВО «РГУП»

Научный руководитель: Евсикова Е.В., к. ю. н, доцент,
доцент кафедры административного и финансового права
Крымский филиал ФГБОУВО «РГУП»

ПРОБЛЕМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ НА НЕМАТЕРИАЛЬНОЕ КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ В РЕСПУБЛИКЕ ИНДИЯ

Аннотация. Автором проводится анализ существующих на сегодняшний день проблем и способов их преодоления в сфере сохранения нематериального культурного наследия, в частности, в Республике Индия. Делаются выводы о несовершенстве механизмов охраны и защиты нематериального культурного наследия. Выдвигаются собственные предложения по усовершенствованию нормативно-правового регулирования решения обозначенных проблем.

Ключевые слова. Нематериальное культурное наследие, культурное наследие, ЮНЕСКО, Конвенция об Охране нематериального культурного наследия

THE PROBLEM OF ENSURING THE RIGHTS TO INTANGIBLE CULTURAL HERITAGE IN THE REPUBLIC OF INDIA

Abstract. The author analyzes the current problems and ways to overcome them in the field of preservation of intangible cultural heritage, in particular, in the Republic of India. Conclusions are drawn about the imperfection of the mechanisms of protection ICH. Their own proposals are put forward to improve the regulatory regulation of solving the identified problems.

Keywords. Intangible cultural heritage, cultural heritage, UNESCO, Convention for the Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage

На сегодняшний день, проблема охраны и защиты прав человека на материальное культурное наследие и нематериальное культурное наследие стоит достаточно остро и не теряет свою актуальность.

При этом, как справедливо отмечается Шалаевым В.П., глобализация превращает миллионы носителей традиционных культур и ценностей в интеркультурных индивидов, маргиналов, выступающих основной базой сохранения и воспроизводства трудовых ресурсов. Люди в складывающейся ситуации не считают себя уже больше носителями традиционных социальных институтов - этноса, нации, общества, языка, какой-либо конкретной культурной формы, а живут реальностью «нарисованного» массовой культурой иллюзорного мира, за которым чувствуется дыхание глобальной потребительской цивилизации [1].

Помимо этого, следует отметить, что в настоящее время наблюдается существенное увеличение террористических актов, отмечается рост напряжения в мировом сообществе, и, как следствие, разгораются многочисленные вооружённые конфликты на религиозной, этнической почве и др. Указанные причины как нельзя лучше иллюстрируют, что в настоящее время одной из

наиболее актуальных и острых проблем является проблема сохранения культурного наследия, как материального, так и нематериального.

Для решения обозначенных проблем разработана достаточно обширная нормативно-правовая база, которая включает в себя регулирование в сфере охраны и защиты культурного наследия и нематериального культурного наследия как на международном, так и на внутригосударственном уровне.

Например, одним из первых международных соглашений в сфере защиты культурного наследия является - Пакт Рериха, запрещающий разрушение культурных объектов в условиях войны (принят 15 апреля 1935 года).

Кроме того, в 1972 г. была принята Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия, по сути, являющаяся базовым документом в указанной сфере [2]. Для охраны нематериального культурного наследия в 2003 г. была принята соответствующая Конвенция об охране нематериального культурного наследия.

Указанных мер нормативно-правового регулирования по обеспечению охраны объектов нематериального культурного наследия на сегодняшний день, к сожалению, не достаточно, что требует проведения более детального научного анализа и исследования по урегулированию обеспечения и сохранности объектов нематериального культурного наследия не только в рамках международной нормативно-правовой базы, но и в рамках опыта отдельных зарубежных стран по решению обозначенной проблемы. В частности – Республики Индия, которая обладает великими сокровищами культурного значения в материальных и нематериальных формах, богата своими духовными ресурсами, а также славится огромным культурным разнообразием с одной стороны, и глубинными противоречиями, в том числе внутренним терроризмом – с другой [3].

В рамках данного исследования, отметим, что Конвенция об охране нематериального культурного наследия 2003 г. отнесла к нематериальному культурному наследию «обычаи, формы представления и выражения, знания и навыки, – а также связанные с ними инструменты, предметы, артефакты и культурные пространства, – признанные сообществами, группами и, в некоторых случаях, отдельными лицами в качестве части их культурного наследия. Такое нематериальное культурное наследие, передаваемое от поколения к поколению, постоянно воссоздается сообществами и группами в зависимости от окружающей их среды, их взаимодействия с природой и их истории и формирует у них чувство самобытности и преемственности, содействуя тем самым уважению культурного разнообразия и творчеству человека.»

Таким образом, нематериальное культурное наследие связывает каждого человека с сообществом, к которому он принадлежит, и создаёт ощущение сопричастности и, таким образом, самобытности. Сохранение этой общей самобытности является главным основанием охраны нематериального культурного наследия.

Так, в настоящий момент объекты нематериального культурного наследия классифицируются по 5-ти «базовым» областям, которые закреплены в статье 2 Конвенции об охране нематериального культурного наследия:

- а) устные традиции и формы выражения, включая язык в качестве носителя нематериального культурного наследия;
- б) исполнительские искусства;
- в) социальные обычаи, обряды, празднества;
- г) знания и обычаи, относящиеся к природе и Вселенной;
- д) знания и навыки, связанные с традиционными ремеслами [4].

При этом, в Индии, ответственным «лицом» по вопросам, связанным с представлением объектов нематериального культурного наследия (далее- НКН) для ЮНЕСКО является Академия Сангит Натак со штаб-квартирой в Нью-Дели.

Необходимо отметить, что осуществление детальной классификации объектов НКН в Индии по-прежнему является проблемой, поскольку ни международные организации, такие как ЮНЕСКО, ни национальные индийские учреждения (напр. INTACT), или же государственные или негосударственные фонды не в состоянии это сделать качественно.

Общие практические меры, направленные на сохранение НКН, определены в Конвенции и Оперативном руководстве по выполнению Конвенции об охране нематериального культурного наследия, среди них:

- 1) повышение осведомленности о ценности НКН;
- 2) идентификация и инвентаризация;
- 3) создание действенной правовой, административной и социальной среды для охраны [5].

Напомним, что Республика Индия ратифицировала Конвенцию 2003 г. Об охране нематериального культурного наследия в сентябре 2005 г. Являясь одним из первых государств-участников, ратифицировавших Конвенцию, государство продемонстрировала большую приверженность вопросам, связанным с сохранением нематериального наследия, и активно поощряла другие государства ратифицировать указанную конвенцию.

При этом, национальное законодательство Индии также отводит особое место сохранению культурного наследия, так в ст. 29 Конституции Индии закреплено, что: «Любая часть граждан, проживающих на территории Индии или в любой ее части, имеющая собственный особый язык, письменность или культуру, имеет право на их сохранение».

Кроме того, статья 49 Конституции Индии защищает построенное наследие страны: «Государство обязано защищать каждый памятник, место или объект, представляющий художественный или исторический интерес (объявленный законом или в соответствии с законом, принятым парламентом), имеющим национальное значение. от порчи, обезображивания, уничтожения, перемещения, уничтожения или вывоза, в зависимости от обстоятельств».

Также, в соответствии со статьей 51 А (f) Конституции Индии: «Долгом каждого гражданина Индии является ценить и сохранять богатое наследие нашей сложной культуры; и (ж) защищать и улучшать природную среду, включая леса, озера, реки и дикую природу, а также проявлять сострадание к живым существам». [6].

Таким образом, в Республике Индия была сформирована нормативно-правовая база по обеспечению сохранности объектов нематериального культурного наследия, что позволяет сделать вывод о законодательном закреплении прав на нематериальное культурное наследие. Однако, мы можем констатировать отсутствие действенных механизмов по обеспечению указанных прав, что обусловлено рядом нерешённых внутригосударственных проблем.

В настоящее время в Индии насчитывается 14 объектов, включённых ЮНЕСКО в репрезентативный список нематериального культурного наследия человечества [7]. Однако, по данным MoC GoI, идентифицировано 247 объектов НКН в Индии [8].

Так, к объектам нематериального культурного наследия Индии, включенным в репрезентативный список, относятся:

- 1) Рамлила - традиционное представление Рамаяны, буквально «игра Рамы», (внесён в 2008 г.). На сегодняшний день развитие средств массовой информации, особенно телевизионных мыльных опер, ведет к сокращению аудитории спектаклей Рамлилы, которые, таким образом, теряют свою главную роль в объединении людей и сообществ;
- 2) Кутияттам (внесён в 2008 г.) - санскритский театр, практикуемый в провинции Керала, является одной из старейших живых театральных традиций Индии, Кутияттам представляет собой синтез санскритского классицизма и отражает местные традиции Кералы;
- 3) Традиция Ведического пения (внесён в 2008 г.) - выраженные на ведическом языке, происходящем от классического санскрита. Ценность этой традиции заключается не только в богатом содержании ее устной литературы, но и в изобретательных методах, используемых жрецами-браминами для сохранения текстов в непрерывности на протяжении тысячелетий.
- 4) Рамман, религиозный фестиваль и ритуальный театр в Гархвальских Гималаях (внесён в 2009 г.);
- 5) Танец Чхау (внесён в 2010 г.) - традиция из восточной Индии, в которой разыгрываются эпизоды из эпосов, включая Махабхарату и Рамаяну, местный фольклор и абстрактные темы;
- 6) Народные песни и танцы Калбелия (внесён в 2010 г.) - песни и танцы являются выражением традиционного образа жизни общины Калбелия;
- 7) Мудиетту (внесён в 2010 г.) - драма ритуального танца из Кералы, основанная на мифологической сказке о битве между богиней Кали и демоном Дарикой;
- 8) Буддийское пение Ладакха (внесён в 2012 г.) - в монастырях и деревнях региона Ладакх буддийские ламы (священники) поют священные тексты, представляющие дух, философию и учение Будды;
- 9) Санкиртана (внесён в 2013 г.) - практика санкиртаны сосредоточена в храме, где исполнители рассказывают о жизни и деяниях Кришны через песни и танцы;
- 10) Традиционное ремесло изготовления посуды из латуни и меди у татеров из Джандиала Гуру, Пенджаб (внесён в 2014 г.) - ремесло Татераса Джандиала Гуру представляет собой традиционную технику изготовления латунной и медной посуды в Пенджабе;
- 11) Йога (внесён в 2016 г.) - ценности йоги, основанные на объединении ума с телом и душой для обеспечения большего умственного, духовного и физического благополучия, составляют основную часть духа сообщества;
- 12) Навруз (внесён в 2016 г.) - 21 марта отмечается начало года в ряде государств, в т.ч. и в Индии. В течение примерно двух недель проходят различные ритуалы, церемонии и другие культурные мероприятия;
- 13) Кумбх Мела (праздник священного кувшина) (внесён в 2017 г.) - крупнейшее мирное собрание паломников на земле, во время которого участники купаются или окунаются в священную реку;
- 14) Дурга Пуджа (внесён в 2021 г.) - ежегодный фестиваль, отмечаемый в сентябре или октябре, особенно в Калькутте, в Западной Бенгалии в Индии, а также в других частях Индии и среди бенгальской диаспоры. Он отмечает десятидневное поклонение индуистской богине-матери Дурге.

Необходимо отметить, что важнейшим этапом в сохранении и популяризации НКН в Индии стало принятие Закон о компаниях 2013 года [9], который фактически изменил лицо индийского корпоративного бизнеса, введя положения о корпоративной социальной ответственности (далее – КСО) в качестве ключевого элемента функционирования компаний в Индии и продвижении концепции «отдачи обществу, от которой отрасли/компании получают справедливую долю дохода», а также инвестируют значительные средства в развитие культуры и нематериального культурного наследия. Однако, большинство компаний частного сектора в стране в значительной степени пренебрегают этой областью.

Вместе с тем, наиболее успешной в указанной деятельности является Tata Group — бизнес-конгломерат, который известен тем, что инвестирует свои средства в области сохранения наследия и культуры Индии. Различные коммерческие предприятия, входящие в эту группу, в прошлом инвестировали средства в продвижение нематериального наследия Индии.

Кроме того, Tata Trusts, филантропическое крыло Tata Group, также мобилизовало значительные ресурсы на продвижение индийского искусства и ремёсел. В 1990 году Группа основала Центр культуры племён для демонстрации художественного таланта племенных общин Джаркханда. С 2002 года Центр участвует в программе по развитию грамматики и синтаксиса языка сантхали в целях обогащения культуры сантхали. В 2009 году. Общество по развитию сельских районов Tata Chemicals инициировало проект по повышению квалификации местных ремесленников для улучшения условий жизни. Племенные общины, такие как вагадхи, рабари, ахиры, лоханы и хариджаны, были привлечены к участию в проекте, и женщин из этих общин попросили продемонстрировать навыки украшения домов и одежды – их украшенные стены, и гобелены отражают яркий образ жизни, а также изображают их ритуалы, легенды и обычаи.

Вместе с тем, аналогичные инициативы были выдвинуты другими предприятиями, входящими в Группу, например, группа отелей Tata связалась с Paramparik Karigar, организацией декоративно-прикладного искусства, для создания средств к существованию и обеспечения экономической устойчивости местных сообществ ремесленников. Отели также приняли различные школы искусства, например, резиденция Тадж Лакхнау приняла идею вышивки Чиканкари, резиденция Тадж Аурангабад приняла работу Бидри, а Тадж Джайпур принял ремесленников, занимающихся лакировкой.

Также, в 2015-16 годах TCS сотрудничает с Sahapedia, которая представляет собой виртуальную библиотеку искусств, культур и истории Индии для продвижения художественных традиций [10].

Вместе с тем, ЮНЕСКО совместно с Royal Enfield (старейшая мотоциклетная компания в мире) создали новаторское партнерство для продвижения и защиты НКН Индии. Программа предназначена для интерактивной и художественной демонстрации деятельности по сохранению НКН в Западных Гималаях и Северо-Восточном регионе. Кроме того, Royal Enfield спонсирует ряд поездок с благотворительной целью, поощряя гонщиков участвовать в общественных проекта по сохранению НКН [11], поскольку, нематериальное наследие, является одной из главных мотиваций для путешествий, так как, туристы стремятся познакомиться с новыми культурами и познакомиться с разнообразием исполнительского искусства, ремёсел, ритуалов и кухонь.

Как отмечают исследователи, туризм является мощным стимулом для сохранения и приумножения нематериального культурного наследия, поскольку доходы, которые он приносит, могут быть направлены обратно на инициативы, способствующие его долгосрочному выживанию.

Повестка дня в области устойчивого развития Индии на период до 2030 года [12] также признает, что культура может способствовать экономическому развитию, экологически безопасному потреблению и производству, а также расширению устойчивых поселений.

Таким образом, одной из задач, стоящих в настоящее время перед туристическим сектором Индии, является содействие выявлению, защите и сохранности нематериального культурного наследия посредством развития туризма.

В свою очередь, содействие ответственному использованию этого живого наследия в туристических целях может обеспечить новые возможности трудоустройства, которые будут способствовать сокращению бедности, помогут обуздать бегство молодёжи и малозанятого населения из сельской местности, также будут воспитывать чувство гордости среди общин.

Однако, развитие туризма имело и отрицательные последствия для сохранности НКН Индии, поскольку, туризм привёл к радикальным изменениям в эстетическом содержании представлений Калбелии, а также в контексте, в котором они исполняются, из-за увеличения их производства в коммерческих условиях, что привело к их излишней коммерциализации [13].

Таким образом, в настоящее время трудно говорить о достаточной защищённости объектов НКН в Индии, в том числе и самих носителей уникальных знаний и умений, что позволяет сделать вывод о необходимости усовершенствования механизма обеспечения прав на нематериальное культурное наследие, который будет эффективным в сложившейся ситуации. На наш взгляд, принимаемые индийским правительством меры являются недостаточными для

полноценной реализации гражданами прав на нематериальное культурное наследие, что позволяет сделать вывод о некотором «отставании» Индии от других государств в указанной сфере.

К сожалению, существующие на сегодняшний день международно-правовые и национальные механизмы охраны и защиты показывают свою неэффективность и несостоятельность, недостаточными также являются и внутригосударственные меры поддержки и сохранения НКН, можно отметить отсутствие должного контроля со стороны государства за обеспечением прав на НКН, в том числе отсутствие превентивных мер и др.

В настоящее время на передний план выходят вопросы, связанные с удовлетворением запросов, возникающих в обществе потребления, как следствие наблюдается коммерциализация культуры, которая также приводит к утрате самобытности и пр., что также показывает необходимость тщательной проработки вопросов, затрагивающих права на нематериальное культурное наследие. Также, одной из проблем является то, что практически все призывы к прекращению конфликтов и т.д. носят, как правило, рекомендательный характер.

При этом, всеобщие процессы цифровизации вносят свои коррективы, в том числе, и в сферу охраны НКН Индии. Как отмечает Цзян Сюй, в настоящее время «цифровизация», «создание сетей» и «информатизация» стали важными характеристиками технологий культурной коммуникации, которые быстро меняют средства и содержание внешней культурной коммуникации, следовательно, необходимо обновлять методы и методы внешней коммуникации нематериального культурного наследия и понимать стратегию культурной коммуникации [14]. Стоит отметить, что большинство мероприятий, проводимых в различных общинах, как правил носят «камерный» характер, в силу чего они недоступны для ознакомления за пределами государства, либо мероприятия не получают массовой огласки, именно поэтому необходимо разрабатывать современные методы распространения объектов НКН, привлекая при этом непосредственных носителей, что в свою очередь позволит большему количеству людей ознакомиться с уникальными традициями и ремёслами различных народов.

Для наиболее эффективной деятельности по сохранению объектов нематериального культурного наследия целесообразным является рассмотрение их с учётом взаимосвязи с иными видами культурного наследия, также представляется необходимым конкретизировать положения Конвенции, в части отнесения культурных объектов в число подлежащих охране, поскольку в настоящее время они являются достаточно «размытыми», что не позволяет должным образом обеспечить охрану всем объектам НКН; необходимо также обеспечить формирование общегосударственного подхода по сохранению и распространению культурного наследия закреплённого посредством Концепций, Стратегий, помимо этого важным является наделение полномочиями компетентных субъектов в указанной сфере на региональном и местном уровнях, что по нашему мнению обеспечит более эффективное выявление объектов НКН, их сохранение и т.д.

Пристатейный библиографический список:

1. Шалаев В. П. Дуализм глобализации: общество потребления или общество спасения? // Вестник экономики, права и социологии. 2007. № 1. С. 158-162.
2. Изнаулов, А. С. Исторические этапы формирования международно-правовой базы в сфере защиты культурного наследия человечества / А. С. Изнаулов // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2017. – № 3(204). – С. 30-38.
3. Яковлев А. Ю. Терроризм в Индии: особенности эволюции, институты и технологии противодействия: дисс. ... доктора полит. наук: 23.00.02. М., 2016. 327 с.
4. Международная Конвенция ЮНЕСКО об охране нематериального культурного наследия, принята на 32-й сессии ЮНЕСКО в 2003 году. [Электронный ресурс] URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0013/001325/132540r.pdf>.
5. Оперативное руководство по выполнению Конвенции об охране нематериального культурного наследия. Принятое Генеральной ассамблеей государств – участников Конвенции на ее второй очередной сессии (Штаб-квартира ЮНЕСКО, Париж, 16-19 июня 2008 г.), с поправками, внесенными на ее третьей (Штаб-квартира ЮНЕСКО, Париж, 22-24 июня 2010 г.), четвертой (Штаб-квартира ЮНЕСКО, Париж, 4-8 июня 2012 г.), пятой (Штаб-квартира ЮНЕСКО, Париж, 2-4 июня 2014 г.), шестой (Штаб-квартира ЮНЕСКО, Париж, 30 мая - 1 июня 2016 г.) и седьмой (Штаб-квартира ЮНЕСКО, Париж, 4-6 июня 2018 г.) сессиях. [Электронный ресурс] URL: http://www.unesco.org/culture/ich/doc/src/ICH-Operational_Directives-5.GA-RU.doc
6. Конституция Республики Индия. Нью Дели. 26 ноября 1949 г. [Электронный ресурс] URL: <https://egazette.nic.in/WriteReadData/1949/E-2358-1949-0000-109779.pdf>
7. Intangible Cultural Heritage List. [Электронный ресурс] URL: <https://ich.unesco.org/en/state/india-IN?info=elements-on-the-lists>
8. Kumar G., Singh A. Intangible Cultural Heritage: Knowledge Classification and Management. // Informatics Studies. 2022. № 9 (2). P. 9-24.
9. The Companies Act. 2013 [Электронный ресурс] URL: <https://www.mca.gov.in/content/dam/mca/pdf/CompaniesAct2013.pdf>
10. Sengupta Ch. Examining the Role of Private Sector Companies in Promoting India's Intangible Cultural Heritage: A Case Analysis of the Tata Group. // International Journal of Research and Analytical Reviews. – 2018. - № 5. - P.583-587.
11. Promoting and protecting India's Intangible Cultural Heritage. [Электронный ресурс] URL: <https://morungexpress.com/promoting-and-protecting-indias-intangible-cultural-heritage>
12. Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 25 сентября 2015 года. Doc. A/RES/70/1. [Электронный ресурс] URL: <https://documentsdssny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N15/291/89/PDF/N1529189.pdf?OpenElement>

13. Ranwa R. Impact of tourism on intangible culture heritage: case of Kalbeliyas from Rajasthan, India. //Journal of Tourism and Cultural Change. 2021. № 20. P 1-17.
14. Цзян С. Исследование распространения нематериального культурного наследия Шаньдуна под инициативой «Один пояс, один путь» // Молодой ученый. 2021. № 9(351). С. 232-235.

Куртумерова Л.А.

студентка 3 курса бакалавриата
Крымский филиал ФГБОУВО «РГУП»

Научный руководитель: Чернядьева Н.А., д.ю.н, доцент,
профессор кафедры государственно-правовых дисциплин
Крымский филиал ФГБОУВО «РГУП»

ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА НЕМАТЕРИАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ

Аннотация: В статье рассматриваются основные аспекты нематериального культурного наследия Республики Корея. Законы «О сохранении культурных ценностей», «О сохранении традиций Республики Корея» являются основными нормативно-правовыми документами, решающими все аспекты сохранения наследия. Цель корейского законодательства заключается во всестороннем исследовании национальных традиций, в поддержке и развитии национальной культуры, имеющей историческое значение и являющейся национальным достоянием. В статье анализируется государственная культурная политика Республики Корея в области сохранения культурного наследия.

Ключевые слова: нематериальное культурное наследие Республики Корея, ЮНЕСКО, корейские традиции и культура, национальное достояние корейцев

LEGAL PROTECTION OF THE INTANGIBLE CULTURAL HERITAGE OF THE REPUBLIC OF KOREA

Abstract: The article discusses the main aspects of the intangible cultural heritage of the Republic of Korea. The laws «On the Preservation of Cultural Values», «On the Preservation of Traditions of the Republic of Korea» are the main regulatory documents that solve all aspects of heritage preservation. The purpose of the Korean legislation is a comprehensive study of national traditions, to support and develop national culture, which has historical significance and is a national treasure. The article analyzes the state cultural policy of the Republic of Korea in the field of cultural heritage preservation

Keywords: intangible cultural heritage of the Republic of Korea, UNESCO, Korean traditions and culture, national heritage of Koreans

Культура каждого народа имеет право на сохранение своей культурно-национальной самобытности, защиту, восстановление и сохранение исконной культурно-исторической среды обитания. Говоря о совокупности явлений материальной и духовной культуры народа составляет органичное единство, за нарушение которого ведёт к утрате гармоничной целостности всей национальной культуры. Сохранение и развитие национальной культуры определяет судьбу любого общества

Республика Корея, как и большинство стран, придаёт огромное значение сохранению традиций и верований, различных ритуалов и памятников устного творчества. [1]

Нематериальное культурное наследие - это аспекты нематериальной культуры, которые правительство Южной Кореи официально определило для сохранения в соответствии с Законом о защите культурных ценностей 1962 года.

Закон о защите культурных ценностей 1962 года был разработан по образцу японского закона о защите культурных ценностей 1950 года, который предусматривает обозначение нематериальных культурных ценностей, а также носителей этих ремесленных и исполнительских традиций, неофициально известных как Живые национальные сокровища. [2]

В 1954 г. Республика Корея присоединилась к ЮНЕСКО. В 1961 г. было учреждено Управление по делам культурного достояния, которое вошло в состав Министерства образования как независимый орган. В его ведение было передано содержание и управление памятниками культуры различных эпох. Эти первые инициативы на национальном уровне повлияли на подход ЮНЕСКО к нематериальному культурному наследию, что привело к принятию Конвенции об охране нематериального культурного наследия 2003 года. [3]

В списке нематериального культурного наследия объектов ЮНЕСКО в Республике Корея значится 21 наименований на 2022 год.

К ним можно отнести: Ритуал поклонения духам государей и ритуальная музыка (корейская «опера»). Чонмё Черэ – это церемония поклонения предкам, которая проводилась в Королевском святилище Чонмё. Данный ритуал под названием «чеса» считается самым масштабным и важным среди других государственных обрядов эпохи Чосон, ввремя, которого

участники облачались в костюмы для торжественных мероприятий и угощали предков едой и алкогольными напитками. Церемония Чонмё Черэ, проникнутая величественной атмосферой, признана ценным духовным культурным наследием Кореи, существовавшим на протяжении 500 лет. [4]

Лирическая мелодия с музыкальным сопровождением оркестра - этот традиционный музыкальный жанр тонко передаёт эмоции корейского народа, между выступающими артистами и зрительской аудиторией возникает чувство единения, а зал наполняется радостью и весельем. Показывает культуру корейских дворян и простого народа, отражает различные жизненные эмоции;

Соколиная охота, наследие человека. Это гордая связь с наследием предков, воплощение благородства, надежности и отваги, которое передается от поколения к поколению.

Хождение по канату. Это традиционное корейское представление, в котором группа музыкантов исполняет музыкальное произведение в сочетании с акробатическими трюками, танцами и репликами, а клоун в это время ведёт диалог с акробатом. В 2011 году ЮНЕСКО включила Чультэги в список «Шедевры устного и нематериального культурного наследия» под номером №448

Традиционное корейское боевое искусство. Тэккён представляет собой высокую ценность, как боевое искусство, так и в социальной и культурной сфере. В процессе проведения соревнований между деревнями повышался уровень сплочённости всех членов сообщества и коллективный дух. Также тэккён способствовал формированию социального единства [5]

Говоря о значимости и сохранности нематериального культурного наследия, стоит выделить несколько немаловажных аспектов. В 2007 году прошла виртуальная фотовыставка секции нематериального культурного наследия «Живое наследие: изучение нематериального», которая предоставила прекрасную возможность объединить эти миссии, чтобы разработать новые подходы к повышению и расширению охвата программ ЮНЕСКО по охране живого нематериального наследия, для повышения осведомленности, особенно среди молодого поколения, о важности нематериального культурного наследия и его охране.

В июне 2010 года Корейский фонд культурных ценностей стал консультативной организацией ЮНЕСКО по нематериальному наследию.

В 2012 году с 26 октября по 25 ноября совместно с ЮНЕСКО в Корее проводились выставки и образовательная программа, популяризирующие нематериальное культурное наследие: мастерство изготовления традиционного веера, кисти для письма, музыкального инструмента, вышивки и соломенных поделок.

В 2017 году на 12-й Межправительственной комиссии по охране нематериального наследия избрана представителем Азиатско-Тихоокеанского региона в качестве оценочного органа, рассматривающего заявки на нематериальное наследие человечества. [6] В 2019 году был избран председателем комиссия по обзору нематериального наследия ЮНЕСКО «Охрана нематериального наследия» с целью обмена и распространения ценности отечественного и зарубежного нематериального наследия, создания сети с учреждениями и продвижения списка нематериального культурного наследия человечества ЮНЕСКО. А Пятая внеочередная сессия Межправительственного комитета по охране нематериального культурного наследия, проводилась 1 июля 2022 года.

Таким образом, в сохранении нематериального культурного наследия Кореи преимущественная роль принадлежит государству. Под эгидой государства выстроена сложная системы организаций и структур, работающих в этом направлении. Это и Министерство культуры и туризма, и Администрация культурных ценностей, Комитет сохранения культурных ценностей, Корейский Фонд. Многочисленны и негосударственные организации, наиболее крупным ярким представителем, которого является Фонд охраны корейского культурного наследия.

Фонд разрабатывает различные организации, одной из них является деятельность организации скрининга ЮНЕСКО. В этой организации, с 2018 года подаются различные заявки на включение в список нематериального культурного наследия человечества в каждой стране проверяется проверяющей организацией. В 2020 году была опубликована Белая книга ЮНЕСКО о деятельности. Также фонд направлен на сотрудничество во внутреннем и внешних рынках

Посредством семинаров сформировали совет с аккредитованными ЮНЕСКО неправительственными организациями в Корее. Межправительственный комитет разделяет вопросы, связанные с нематериальным культурным наследием, и принял участие в общем совещании сторон и специализированных организаций в области негосударственных неправительственных организаций и нематериального наследия, которыми мы обмениваемся.

Стоит также обратить внимание, что фонд нематериального наследия отвечает за вопросы, касающиеся сохранения нематериального культурного наследия, знаний, исследований, расследований, управления записями, распространения и популяризации Республики Корея

Основными функциями являются защита, передача и развитие нематериального культурного наследия посредством исследований, архивирования, выставок, представлений, образовательных программ, поддержки мастеров нематериального культурного наследия.

Фонд стремится предоставить всесторонний опыт нематериального наследия в историческом и культурном контекстах путём показа соответствующих работ, артефактов и записей. Для более глубокого понимания нематериального наследия, расположенного в Корее и за рубежом, проводятся тематические выставки весной, специальные выставки зарубежного нематериального культурного наследия осенью и специальные выставки корейского нематериального наследия, которые были включены в представительный список нематериального культурного наследия ЮНЕСКО. Чтобы повысить осведомленность общественности о сохранении нематериального наследия, они стремятся создать стратегическую систему, которая защищает и передает нематериальное наследие от поколения к поколению в местных общинах. Защита нематериального наследия во всём мире и усиление поддержки его передачи.

Фонд охраны нематериального наследия вдохновляет чувство национальной самобытности среди зарубежных корейских общин и способствует самостоятельным усилиям по распространению и передаче нематериального наследия в зарубежных странах путём проведения зарубежных курсов и программ пригласительного обучения, ориентированных на корейские общины-эспатрианты

Благодаря такой политике традиционное культурное наследие Кореи не только сохраняется и развивается, но создаются условия для изучения и постижения его этнографического многообразия и самобытности всеми заинтересованными в этом сторонами со всего мира.

Пристатейный библиографический список:

1. Курбанов С.О. История Кореи: с древности до начала XXI в. СПб: Изд-во СПбГУ, 2009. 890 с.
2. Yang Jongsung. Cultural protection policy in Korea: intangible cultural values and living national treasures. International Jimondang. Seoul; Edison, VIII, 2003, 166 p.
3. Deacon H. The subtle power of intangible heritage: legal and financial instruments for the protection of intangible heritage. // Council for Research in the Humanities. №10. 2004. P. 21 - 80,
4. 문화유산 한국인의 힘과 꿈 (на корейском). [Электронный ресурс] URL: http://www.cha.go.kr/english/search_plaza_new
5. «Республика Корея». ЮНЕСКО. Нематериальные культурные ценности: [Электронный ресурс] URL: [https://ru.zahn-info.portal.de/wiki/Intangible_Cultural_Property_\(South_Korea\)](https://ru.zahn-info.portal.de/wiki/Intangible_Cultural_Property_(South_Korea))
6. Yang Zhongsun. Korea UNESCO Asia-Pacific Cultural Center. Cultural protection policy in Korea: intangible cultural values and living national treasures. Jimoondang International, Seoul. №3 2003. P. 40-45.
7. The Law on the Protection of Cultural Heritage of the Republic of Korea № 13249. [Электронный ресурс] URL: <http://www.law.go.kr/lsEfInfoP.do?lsiSeq=169514>
8. The Law on the Preservation of Cultural Values of the Republic of Korea [Электронный ресурс] URL: http://www.law.daum.net/precedent/law_view.asp
9. Конвенция об охране нематериального культурного наследия. [Электронный ресурс] URL: <https://www.un.org/ru/documents/>
10. Kim Ch. Policy on Cultural Heritage of the Republic of Korea // International Scientific Symposium of the Korean National University of Cultural Heritage, 2014. № 27. P. 46 - 61
11. Марков В.М. Республика Корея, традиции и современность в культуре второй половины XX века. Владивосток: ДВГУ, 1999. 449 с.
12. Han M. The Year of Jeju Folklore // Reviving the Cultural Heritage of Nature's Paradise, South Korea, Jeju, 2012. P. 15-25
13. Официальный сайт ЮНЕСКО. [Электронный ресурс] URL: <https://ru.unesco.org/>
14. 국가문화재 제 121호: 변화장 (на корейском). Администрация культурного наследия (Южная Корея, Сеул). 2008. [Электронный ресурс] URL: <https://ko.wikipedia.org/wiki/도봉구>
15. Howard K. Living Human Treasures from a lost age: current issues in cultural heritage management. Academy of Korean Studies: Seongnam, 2002. 171 p.

Симинюк А.Э.

студентка 3 курса бакалавриата
Крымский филиал ФГБОУВО «РГУП»

Научный руководитель: Чернядьева Н.А., д.ю.н, доцент,
профессор кафедры государственно-правовых дисциплин
Крымский филиал ФГБОУВО «РГУП»

К ВОПРОСУ О СОХРАНЕНИИ НЕМАТЕРИАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ МЕКСИКИ, КАК ЖИВОГО НАСЛЕДИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Аннотация: В статье приводятся примеры нематериального культурного наследия Мексики, включенных в список наследия ЮНЕСКО, и обращается внимание на их ценность. Рассматриваются шаги, предпринятые Мексикой с целью сохранения нематериального культурного наследия.

Ключевые слова: нематериальное культурное наследие, ЮНЕСКО, Мексика, день мертвых, конвенция, Кокопа.

TO THE QUESTION OF THE PRESERVATION OF THE INTANGIBLE CULTURAL HERITAGE OF MEXICO AS A LIVING HERITAGE OF HUMANITY

Annotation: The article gives examples of the intangible cultural heritage of Mexico, included in the UNESCO heritage list, and draws attention to their value. The steps taken by Mexico to preserve the intangible cultural heritage are considered.

Key words: Intangible cultural heritage, UNESCO, Mexico, day of the dead, convention, Cocola.

Во второй половине 20 века судьба объектов нематериального наследия оказалась в центре внимания мирового сообщества. Угроза исчезновения многих форм культуры важных не только с точки зрения исторической ценности, но и для определения этнонациональной принадлежности народа потребовала широкого обсуждения этой трудности и выработки ряда значимых международных документов. Е.А. Самоделова отмечает: «Скоротечное исчезновение явлений духовного наследия в эпоху постмодернизма, мировой глобализации и массовой культуры сподвигло международное сообщество обратиться к проблеме его сохранения» [1, с. 63].

Л.В. Мурзакина отмечает, что потеря языка и традиционной культуры равносильна исчезновению самого народа [2, с. 96]. Могут продолжать существовать целые группы малых народностей, но потеря ими традиционных культурных особенностей приведет к растворению и поглощению этих народов, потере идентичности.

В виду этой угрозы важно сохранить не только культурные памятники прошлого в музеях и архивах. Необходимо сохранить нематериальные объекты культуры, такие как «устные традиции и способы выражения, в том числе язык и его диалекты; исполнительские искусства, в том числе актёрская игра, музицирование, пение, танцы и прочее; праздники, ритуалы, обряды и обычаи, относящиеся к семье, природе и вселенной; знания и навыки, связанные с традиционными ремёслами» [2, с. 64; 3]. Более того, нематериальное культурное наследие включает в себя не только объекты наследия, но, как отмечает Самоделова Е.А., также «способы наследования и социальные механизмы передачи традиции» [1, с. 64]. Нематериальные объекты культуры неустойчивы и подвержены изменению во времени и, под влиянием таких процессов, как глобализация, индустриализация, урбанизация и им подобных, в итоге, подвержены риску потери изначального содержания и полному исчезновению.

Особенность нематериальных объектов культуры в том, что они являются связующим звеном между прошлым и настоящим – в них живет прошлое, потому оно называется «живым наследием» [4, с. 1]. Примером тому служит Мексика – «колыбель древних цивилизаций Нового Света» [5]. В современной культуре Мексики причудливо переплелось культурное наследие нескольких исторических эпох – древние цивилизации Майя и Ацтеков, средневековая культура Испании через завоевания испанских конкистадоров, а также культура молодого соседнего государства – Соединенных Штатов Америки.

Ценность культурного наследия Мексики для всего мира очевидна и подтверждена включением в списки ЮНЕСКО 34 культурных объектов Мексики [6] и 10 объектов нематериального наследия [7].

В качестве примера, назовем два из них. В 2008 году в списки нематериального культурного наследия ЮНЕСКО был включен праздник коренных народов, посвященный умершим (*Día de los Muertos*). Это одно из самых зрелищных и веселых событий в году. Радостный настрой этого праздника связан с тем, что согласно национальным верованиям в этот день умершие родственники приходят в гости. В семьях готовятся их встречать, как долгожданных гостей, приготавливая праздник. В столице и по городам проходит праздничный карнавал. Этот праздник яркий пример живого наследия – пример того, как в современном живет прошлое. В нем наблюдается причудливое сочетание древних языческих индейских традиций с традициями римо-католической церкви. Изначально по ацтекскому календарю праздник отмечался в конце июля/начале августа. Позже под влиянием Церкви праздник перенесли на 1 и 2 ноября, когда во всем католическом мире празднуется день всех святых и день всех усопших. Сегодня все католики-мексиканцы празднуют эти католические праздники, но по древней индейской языческой традиции. В Мексике даже католические церкви строили на месте языческих храмов. И сегодня мексиканцы, приходя в храм на индейско-католический праздник, молятся в католическом храме, построенном на месте языческого храма и из камней, которые были стенами языческого капища [8].

Другой пример живого наследия - Мексиканская кухня — одна из трех национальных кухонь в мире (наряду с французской и японской), первая включенная в список нематериального культурного наследия ЮНЕСКО в 2010 году. Особенность этой кухни – это сочетание местной и привнесенной культуры индейских и испанских блюд, славящихся своей чрезвычайной остротой. Одним из столпов, на которых стоит мексиканская кухня, является лепешка тортилья, которую пекут из кукурузной или из пшеничной муки. Еще одна основа мексиканской кухни — перцы чили (название переводится с индейского языка «науатль» - красный). Сегодня в Мексике

насчитывают более ста видов перца чили, которые готовят как закуску или приправу самыми разными способами. В Мексике любят пришедшее от индейцев майя блюдо кочинита-пибиль (*cochinita pibil*) – свинину, жаренную в банановых листьях. Мексиканский шоколад — это лакомство было изобретено именно в этой стране — его название происходит от ацтекского слова *xocolatl* [9].

С целью сохранить нематериальное культурное наследие ЮНЕСКО в 2003 году была принята Конвенция по защите нематериального культурного наследия, которая стала первым международным инструментом обеспечения правовой основы для защиты этого наследия.

Мексика ведет активную политику в этой сфере. В том числе предпринимает различные усилия для сохранения и популяризации не только мексиканских традиций, которые включены в перечень нематериального культурного наследия ЮНЕСКО, но всего широкого спектра этого наследия из богатой культуры страны.

Согласно Конвенции, каждому государству предписывается принять необходимые меры для обеспечения охраны нематериального культурного наследия на своей территории, составить и регулярно обновлять перечень объектов нематериального культурного наследия, создать органы по охране нематериального культурного наследия и научные учреждения по его изучению.

В связи с этим, после присоединения к Конвенции 2003 года, Мексика прилагает дополнительные усилия по реализации положений Конвенции. Для того, чтобы механизмы обозначенные в этой Конвенции стали действовать, Мексика включает необходимые нормы в национальное законодательство.

В 2007 году Национальный автономный университет Мексики запустил образовательную программу высшего образования для подготовки специалистов в области нематериального культурного наследия [10].

С 2008 года проводится инвентаризация элементов нематериального культурного наследия. Результаты работы комиссии официально опубликованы [11].

В 2010 году создана Национальная комиссия по нематериальному культурному наследию (CNPCI). Целью данной Комиссии является укрепление стратегий и механизмов охраны такого наследия. В состав комиссии включены важные государственные институты (Национальный совет по культуре и искусству, Национальный институт антропологии и истории, Национальный институт изящных искусств, Главное управление народных культур, Национальная комиссия по развитию коренных народов, и др.), что указывает на серьезное отношение государства к этой задаче.

На национальном радио готовятся специальные информационные и образовательные программы; в Мексике проводятся международные конференции; в школах ввели преподавание нового предмета «Всемирное наследие в руках молодежи»; к образовательным программам различных ВУЗов страны добавляются предметы из сферы нематериального культурного наследия [11].

В 2016 году принят Общий закон о культуре и культурных правах, который создал возможности для защиты нематериального культурного наследия страны [10].

Мексика первая создала Центр искусств коренных народов, в частности, народа Тотонак Веракруса. Этот центр включен в список ЮНЕСКО как лучший пример сохранения нематериального наследия. Структура центра представляет собой традиционное поселение, состоящее из домов-школ, где каждый "Дом" специализируется на одном из видов тотонакского искусства для обучения учеников гончарному делу, текстилю, живописи, искусству врачевания, традиционным танцам, музыке, театру, кухне и др.. причем обучение происходит на тотонакском языке [12].

Е.А. Самоделова обращает внимание на весьма существенный момент для сохранения живого наследия: «Главное условие воспроизведения объектов нематериального наследия как части культурного наследия — присутствие живых «носителей традиции» и посредников, наличие механизмов ретрансляции от поколения к поколению» [1, с. 64]. Юнзо К. также утверждает: «Суть духовного культурного наследия состоит в том, что оно передается живыми людьми и воспринимается также живой аудиторией. Поэтому попытки мумификации духовного культурного наследия в целях его сохранения опасны риском его обесценивания» [13, с. 168]. Исходя из этого Мексике необходимо предпринять особые усилия для сохранения вымирающих малых племен и увеличения их численности.

Яркий пример живого наследия – индейское племя Кокопа. У этого племени не было своей письменности, чтобы сохранять исторические и относящиеся к культуре сведения [14]. Вся информация передавалась из поколения в поколение устно. Племя Кокопа - ветвь древнего народа Апачи, принадлежащее к древней языковой группе народов Юма [15], и в настоящее время проживающее на севере Мексики и в южной части штата Аризона. Кокопа - один из самых малочисленных на сегодняшний день коренных американских народов. Уильям Келли сообщает, что во второй половине XIX века племя Кокопа насчитывало около 1500 человек, разбросанных по мексиканской части дельты реки Колорадо [16]. В 2015 году численность Кокопа составляла

1207 человек, причем 27,9% из них старше 65 лет [17, с. 6]. А вот носителей языка Кокопа, признанного ЮНЕСКО исчезающим, в общей сложности около 500 [18], а по другим данным и того меньше [19], и те старше 50 лет [20, с. 316].

Для сохранения племени Кокопа необходимо улучшить условия их жизни. СМИ обращают внимание на проблему Кокопа, угрожающую существованию племени, в которой они борются с правительствами США и Мексики, ограничивающих доступ племени к воде [21]. Для сохранения языка Кокопа необходимо организовать обучение детей языку этого племени.

Отчасти, как предлагает Т.Н. Варламова, для обеспечения жизнеспособности «живых культурных проявлений» может помочь перевод их в материальную форму, например, в виде нот, аудио- и видео- записей [22, с. 35]. Также было бы полезным, для привлечения внимания общественности, туристов и более широко освещения в СМИ проводить выставки, карнавалы, издавать теле и радио программы, подготовить печатный материал в виде буклетов и брошюр, для распространения и сохранения ценностей нематериальной культуры отдельных малых особенно исчезающих народностей.

Пристатейный библиографический список:

1. Самоделова Е.А. Современный фольклор как нематериальное культурное наследие (к постановке проблемы). // Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук (Москва, Российская Федерация). 2016. С.63 URL: https://litinstitut.ru/sites/default/files/vestnik/2016_2/vestnik_li_2016_2_007_samodelova.pdf, свободный. Дата обращения 29.11.2022.
2. Мурзакина Л.В. Популяризация эвенкийского языка в Баунтовском эвенкийском районе: история, проблемы и пути решения. // Теоретические и методические аспекты преподавания эвенкийского языка и культуры в условиях модернизации образования: материалы всероссийской научно-практической конференции «Современное состояние и перспективы преподавания эвенкийского и сойотского языков в условиях модернизации образования» (Улан-Удэ, 22–23 мая 2018 г.) / науч. ред. Е. Ф. Афанасьева. – Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2018.
3. Конвенция ЮНЕСКО «Об охране нематериального культурного наследия» (2003). Париж, 17 октября 2003 г. // ЮНЕСКО. URL: <https://mobz.cc/bikhr>. Дата обращения 29.11.2022.
4. Живое наследие и образование. Опубликовано Специализированным учреждением Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО). Париж, Франция. 2019. URL: <https://ich.unesco.org/doc/src/46212-RU.pdf>. Дата обращения 29.11.2022.
5. Мексика. // Энциклопедия кругосвет. Универсальная научно-популярная энциклопедия. URL: https://www.krugosvet.ru/enc/strany_mira/MEKSIKA.html. Дата обращения 29.11.2022.
6. World Heritage Convention. World Heritage List. URL: <https://whc.unesco.org/en/list/>. Дата обращения 29.11.2022.
7. Browse the Lists of Intangible Cultural Heritage and the Register of good safeguarding practices // UNESCO. Intangible Cultural Heritage. URL: <https://ich.unesco.org/en/lists>. Дата обращения 29.11.2022.
8. Ормачева И. Монахи. Кто они? // Ступени. №3 (31). 2008. URL: <https://mobz.cc/a5ee>. Дата обращения 29.11.2022.
9. Кухня как достояние ЮНЕСКО. // Top flight. URL: <https://mobz.cc/gqlu>. Дата обращения 29.11.2022.
10. Periodic reporting on the Convention for the Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage. Mexico. // UNESCO. Intangible Cultural Heritage. 2011. URL: <https://mobz.cc/rftqez>. Дата обращения 29.11.2022.
11. Inventario del patrimonio cultural inmaterial. URL: <https://mobz.cc/szgh8>. Дата обращения 29.11.2022.
12. Decision of the Intergovernmental Committee: 7.COM 9.2. UNESCO Intangible Cultural Heritage. URL: <https://ich.unesco.org/en/decisions/7.COM/9.2>. Дата обращения 29.11.2022.
13. Юнзо К. Инициативы по защите нематериальных объектов культурного наследия // Всемирный доклад по культуре 2000+, – М., 2000. Цит. по Кирюшина Ю.В. Нематериальное культурное наследие – актуальное понятие современности. // Философия, социология и культурология. URL: <https://mobz.cc/fd8j67>. Дата обращения 29.11.2022.
14. Cocopah Indian Tribe Facts. // Native American Indian Facts. URL: <https://mobz.cc/nur>. Дата обращения 29.11.2022.
15. Березкин Ю.Е., ИНДЕЙЦЫ / Березкин Ю.Е., Борисов Г.Б., Дзибель Г.В., Истомин А.А., Лисовой В.И., Табаров А.В., Тишков В.А. // Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/ethnology/text/2008163>. Дата обращения 29.11.2022.
16. William H. Kelly. Cocopa Ethnography. Tucson, AZ: University of Arizona Press. 2022. URL: <https://kurl.ru/eLLeX>. Дата обращения 29.11.2022.
17. Thomas Combrink. Demographic Analysis of the Cocopah Tribe Using 2011-2015 American Community Survey Estimates. Arizona Rural Policy Institute, Northern Arizona University. URL: <https://mobz.cc/r5xy>. Дата обращения 29.11.2022.
18. Желиховская М., Пограничное состояние, или Текс, мекс и индейцы // «Вокруг света» № 4, апрель 2020. URL: <https://www.vokrugsveta.ru/article/330875/>. Дата обращения 29.11.2022.
19. Cocopah language// Wikipedia. 5 November 2022. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Cocopah_language. Дата обращения 29.11.2022.
20. Тропою слез и надежд: (Книга о современных индейцах США и Канады) / В.Г. Стельмах, В.А. Тишков, С.В. Чешко.— М.: Мысль, 1990.— с. 166-167.
21. Топ 10: Исчезающие культуры // Сайт Pressa.tv. 2014. URL: <https://mobz.cc/s0k0o9>. Дата обращения 29.11.2022.
22. Варламова Т.Н., Иванова И.Ю., Сохранение и использование культурного наследия (Охранные технологии в социально-культурной сфере) // Учебное пособие для студентов, вузов, обучающихся по специальности «Культурология». Москва, 2013. URL: <https://studfile.net/preview/4646182/page/35/>. Дата обращения 29.11.2022.

СЕКЦИЯ III.

Шестой комитет Генеральной Ассамблеи ООН: «Запрещение бактериологического оружия: проблемы международного контроля»

Абу Аль-Вафа А.М.

студентка 3 курса

Крымский филиал ФГБОУ ВО «РГУП»

Научный руководитель: Л.В. Пастухова, к.ю.н, доцент,

Кафедра государственно-правовых дисциплин,

Крымский филиал ФГБОУ ВО «РГУП»

**УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕХАНИЗМА КОНТРОЛЯ
ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ КБТО 1972 г.**

Аннотация. В 1971 г. в рамках Совещания Комитета по разоружению в Женеве была разработана Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении. Конвенция является первым многосторонним соглашением, запрещающим производство целого класса вооружений. Однако несмотря на подписание большинством государств КБТО, во многих продолжают исследования, запрещенные Конвенцией. В статье автор сформулировала и исследовала меры по усовершенствованию механизма Конвенции. В работе приведены и проанализированы МПА и заявления официальных представителей государств-участников.

Ключевые слова: КБТО, бактериологическое оружие, токсинное оружие, механизм международного контроля, меры по укреплению.

**IMPROVEMENT OF THE MECHANISM FOR MONITORING COMPLIANCE
WITH THE BTWC 1972**

Annotation. In 1971, within the framework of the Conference of the Disarmament Committee in Geneva, the Convention on the Prohibition of the Development, Production and Stockpiling of Bacteriological (Biological) and Toxin Weapons and on Their Destruction was developed. The convention is the first multilateral agreement banning the production of an entire class of weapons. However, despite the signing by the majority of states of the BTWC, research prohibited by the Convention continues in many. In the article, the author formulated and researched measures to improve the mechanism of the Convention. The paper presents and analyzes the IPA and the statements of the official representatives of the participating states.

Key words: BTWC, bacteriological weapons, toxin weapons, international control mechanism, strengthening measures.

В настоящее время анализ соблюдения положений Конвенции о запрещении бактериологического и токсинного оружия (далее-КБТО) приобретает особую актуальность. Сейчас существует реальная угроза применения такого оружия в современных гибридных и локальных войнах. Ситуация, возникшая с началом коронавирусной эпидемии, резко обострила полемику, связанную с недопущением использования биологического оружия и биотерроризма. Весной 2022 года эксперт известного медицинского журнала "Ланцет" Джеффри Сакс отметил, что Covid-19 создан искусственно, а пандемия, вызванная распространением данного вируса, имеет преднамеренный характер [1]. По мнению Минобороны РФ, Агентство США по международному развитию (USAID) может быть причастно «к возникновению нового коронавируса» [2]. Необходимо отметить, что биологическое оружие одно из самых тяжелых по своим последствиям средств ведения войны. Несмотря на подписание большинством государств КБТО, во многих зарубежных государствах продолжались исследования, запрещенные Конвенцией. Это обусловлено, прежде всего, тем, что КБТО как такового международного контроля не предусматривает. О наличии в Конвенции 1972 года правовых пробелов неоднократно высказывались различные политические деятели, например, глава российской делегации М.И. Ульянов еще в 2016 году на VIII Обзорной конференции КБТО в Женеве [3].

Принятие КБТО было направлено на достижение «эффективного прогресса на пути всеобщего и полного разоружения, включающего запрещение и ликвидацию всех видов оружия массового уничтожения» [4]. Однако, Конвенция не может запретить производство определенных программ, направленных на разработку защитных мер против биоугроз. В настоящее время огромное значение приобретает углубление международного сотрудничества в сфере биозащиты:

- производится разработка вакцин и лекарств против важнейших инфекционных болезней, таких как ВИЧ/СПИД или малярия;

- проводится надзор за инфекционными болезнями и т.д.

Таким образом, Конвенция признает право государств-участников участвовать в «полном обмене оборудованием, материалами и научно-технической информацией для использования бактериологических (биологических) агентов и токсинов для мирных целей» и содействует

международному сотрудничеству в области научного развития «в области бактериологии (биологии) для предотвращения заболеваний или для других мирных целей» [5]. Однако, достижения новых направлений биотехнологий могут быть использованы в том числе и в противоправных целях. В связи с этим, многие государства сейчас озабочены данным вопросом. Министры иностранных дел государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности (далее-ОДКБ) еще в мае 2021 года призывали государств-членов КБТО продолжить совместные усилия, ведущие к достижению цели укрепления Конвенции на надежной, юридически обязывающей основе. Государства-участники ОДКБ подчеркивают важность укрепления Конвенции, в том числе путем институционализации и принятия юридически обязывающего Протокола к КБТО. О необходимости укрепления режима КБТО также заявило Федеральное собрание Российской Федерации. В обращении палат Федерального Собрания к парламентам стран мира было указано следующее: «прежде всего требуется неукоснительная имплементация в национальное законодательство и правоприменительную практику положений профильного международного инструмента, наложившего полный запрет на целую категорию оружия массового уничтожения» [6]. В ноябре 2022 года Российская Федерация вновь внесла инициативы по укреплению КБТО. Российская Федерация предложила создать научно-консультативный комитет для оценки достижений в области научных исследований, а также технологий, которые имеют отношение к КБТО. Также поступило предложение об обмене между государствами сведениями об исследованиях и разработках в области биологической защиты, а также сведениями об объектах по производству вакцин для животных. Еще одной из предложенных мер укрепления режима КБТО является возобновление переговоров по разработке эффективный механизм проверки соблюдения Конвенции [7]. Решения, необходимые для укрепления и развития режима КБТО, принимает только Конференция государств-участников, которая собирается раз в пять лет. На 9-й конференции КБТО не приняли итоговую декларацию. Конференция выявила глубокие противоречия по вопросам реализации КБТО. По мнению Минобороны РФ, «Ключевые инициативы Российской Федерации, Китая и других государств были заблокированы западными делегациями как "непрофильные" или "недостаточно проработанные"» [8].

В последние годы на международной арене ряд государств предпочитает действовать в одностороннем порядке, обеспечивая свою безопасность путем наращивания инвестиций в военные разработки, а также создавая коалиции из единомышленников и прибегая при необходимости к силовому воздействию на другие страны – участницы международных договоров в обход сложившихся норм международного права. За последние 20 лет государства-участники КБТО, вопреки желанию подавляющего большинства, так и не смогли достичь согласия о возобновлении многосторонних переговоров по разработке Протокола к Конвенции. Приостановка переговорного процесса в 2001 г. нанесла серьезный удар по усилиям многих стран, направленных на обеспечение действенности режима КБТО [9]. Однако необходимо отметить, что отсутствие протокола к Конвенции не должно препятствовать продвижению по таким направлениями ее укрепления, как совершенствование международных мер выявления и снижения новых биологических рисков, конструирование процесса оценки перспективных научно-технических разработок, существенных для КБТО, обновление и универсализация мер доверия, уточнение механизмов и процедур расследования случаев предполагаемого применения биологического и токсинного оружия. Конвенция уполномочивает государства-участники консультироваться друг с другом и сотрудничать, на двусторонней или многосторонней основе, с тем чтобы урегулировать озабоченности по поводу соблюдения (статья 5). Государства-участники также призваны оказывать или поддерживать помощь жертве нападения с применением биологического оружия всякий раз, когда Совет Безопасности устанавливает, что государство-участник подвергается опасности в результате нарушения Конвенции (статья 7). Также стоит отметить, что Конвенция позволяет государствам-участникам подавать жалобу в Совет Безопасности Организации ООН (далее-СБ ООН), предоставляя соответствующие доказательства, в тех случаях, когда они считают, что другой член нарушает обязательства по Конвенции. СБ ООН может расследовать такие жалобы, и государства-участники должны сотрудничать с ним (статья 6). Наконец, Конвенция регламентирует возможность государств-участников подавать жалобу в Совет Безопасности ООН, предоставляя соответствующие доказательства, в тех случаях, когда они считают, что другой член нарушает обязательства по Конвенции (статья 2) [5].

Россия подала жалобу в СБ ООН в связи с нарушением США и Украиной норм Конвенции [10]. Данную жалобу поддержали и другие государства-участники КБТО. Постоянный представитель Японии при Организации Объединенных Наций Кимихиро Исиканэ, председательствующий в Совете безопасности ООН в январе 2023 года, предложил обсудить ситуацию на Украине более детально [11]. После начала российской специальной военной операции на территории Украины была обнаружена сеть из огромного количества биологических лабораторий, финансируемых Пентагоном. Участие военного ведомства США в финансировании военно-биологической деятельности на Украине отражено в Плане предоставления технической

помощи определённым получателям минобороны Украины от 2018 года к Соглашению 2005 года. Масштабы и направленность вышеуказанной деятельности наиболее наглядно характеризует доклад по итогам проверки коллекции штаммов микроорганизмов в Научно-исследовательском противочумном институте им. И.Мечникова в Одессе. Согласно этому документу, в Институте находились 422 единицы хранения возбудителей холеры и 32 единицы хранения возбудителя сибирской язвы [11]. Данная ситуация вызвала серьёзный общественный резонанс, массовые выступления, направленные против деятельности биологических лабораторий, находящихся на украинских территориях, прошли во многих странах мира. Общественными организациями Евразийского экономического союза(далее-ЕАЭС) была принята резолюция по закрытию таких биообъектов [12]. 30 ноября 2022 года СБ ООН принял резолюцию о «Нераспространении оружия массового уничтожения» [13]. Таким образом, можно сделать вывод, что еще одним пробелом в работе механизма КБТО являются бесконтрольно существующие лаборатории в ряде стран мира, которые производят медико-биологические эксперименты.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать следующий вывод: КБТО вошла в историю как первое международное соглашение, налагающее всеобъемлющий запрет на отдельный вид оружия массового уничтожения. Однако режим Конвенции носит уязвимый характер, этому способствуют определенные причины:

- В настоящее время возрастает риск применения биологических агентов в качестве оружия в связи с быстрым прогрессом в областях науки и техники, имеющих потенциал двойного назначения;

- в связи с возникновением новых угроз и непредвиденных чрезвычайных обстоятельств сегодня государства склонны концентрироваться на решении сиюминутных проблем национальной безопасности, что обостряет соперничество и ослабляет потенциал долгосрочного сотрудничества, в том числе и в рамках КБТО;

- неравенство социально-экономического и научно-технологического развития стран-участниц Конвенции в сочетании с недостатком опыта ее реализации среди большого количества государств;

- отсутствие механизма верификации и положений о международной организации, призванной содействовать осуществлению Конвенции;

- отсутствие контроля над работающими лабораториями в ряде стран мира, производящих медико-биологические эксперименты;

- отсутствие организации, ответственной за осуществление проверки соблюдения обязательств и оказание содействия государствам-участникам в вопросах, касающихся данного соглашения.

Таким образом, для усовершенствования механизма контроля за КБТО необходимо принять следующие меры:

- повысить транспарентность и укрепить доверие между государствами-участниками. Сотрудничество между странами будет способствовать совершенствованию международных механизмов прогнозирования. Снижению биологических рисков, связанных с научно-технологическим прогрессом может поспособствовать принятие вето на применение биологического оружия;

- возобновить переговоры по разработке и принятию эффективного механизма проверки ее выполнения, т.е. юридически обязывающего Протокола к указанной Конвенции;

- Разработать единых механизмов контроля за производствами, предусматриваемыми КБТО, для всех стран мира. Создать в рамках Конвенции специальные медико-биологические отряды для оказания помощи в случае применения биологического оружия, его расследования и содействия в борьбе с эпидемиями различного происхождения, а также Научно-консультативный комитет для анализа достижений науки и техники, имеющих отношение к КБТО.

Важно также проанализировать вероятность наделения ежегодных совещаний государств-членов Конвенции полномочиями принимать весомые решения с правом их реализации, не ожидая пяти лет до проведения очередной Обзорной конференции. Также стоит регламентировать пути активного вовлечения экспертного потенциала академических сообществ, неправительственных аналитических центров и профессиональных ассоциаций при возникновении ситуаций, требующих быстрого реагирования. Этому могут поспособствовать современных коммуникативные технологии, а также инновационные методы информационно-аналитической работы. Международное сотрудничество, а также коллективные действия по усовершенствованию механизма контроля за соблюдением КБТО являются неотделимой составляющей глобальных усилий по поддержанию международной безопасности и предотвращению биологических угроз.

Пристатейный библиографический список:

1. Harrisona Neil L., Sachsc Jeffrey D. A call for an independent inquiry into the origin of the SARS-CoV-2 virus. [Электронный ресурс] URL: <https://clck.ru/33CVzt>

2. «Минобороны России: мы рассматриваем возможность того, что к возникновению нового коронавируса причастно Агентство США по международному развитию (USAID)». [Электронный ресурс] URL: [Telegram: Contact @rian_ru](https://t.me/rian_ru)
3. Выступление главы российской делегации М.И. Ульянова на VIII Обзорной конференции КБТО, Женева, 7 ноября 2016 года // Министерство иностранных дел Российской Федерации [сайт]. [Электронный ресурс] URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2515129.
4. Преамбула Конвенции о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении, одобрена резолюцией 2826 (XXVI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1971 года (Москва - Лондон - Вашингтон, 10 апреля 1972 г.) [Электронный ресурс] URL: <https://clck.ru/JcYKs>.
5. Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении (Москва-Лондон-Вашингтон, 10 апреля 1972 г.) // Сборник «ООН. Резолюции Генеральной Ассамблеи на XXVI сессии», Нью-Йорк, 1973 г.
6. «Обращение палат Федерального Собрания к парламентам стран мира о необходимости укрепления режима КБТО». [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/33DFaZ>
7. Брифинг начальника войск радиационной, химической и биологической защиты ВС РФ генерал-лейтенанта И.Кириллова. [Электронный ресурс]. URL: Telegram: Contact @mod_russia
8. Брифинг начальника войск радиационной, химической и биологической защиты ВС РФ генерал-лейтенанта Игоря Кириллова по итогам 9-й обзорной конференции государств-участников Конвенции о запрещении биологического и токсинного оружия. [Электронный ресурс] URL: <https://clck.ru/33DG3U>
9. Петров С.В., Супотницкий М.В. Протокол к Конвенции о запрещении бактериологического (биологического) оружия – история, основные положения, значение и причины неподписания // Вестник войск РХБ защиты. 2021. Т. 5. № 1. С. 4–21. <https://doi.org/10.35825/2587-5728-2021-5-1-4-21> «Россия подала жалобу в Совбез ООН на США и Украину из-за биолaborаторий». [Электронный ресурс] URL: <https://clck.ru/33DGCQ>
10. «Постпред Японии при ООН выступил за углубление дискуссии по Украине». [Электронный ресурс] URL: <https://clck.ru/33DGJX>
11. «Об инициативе Российской Федерации в СБ ООН по запуску расследования военно-биологической деятельности США на Украине». [Электронный ресурс] URL: <https://clck.ru/33DGRD>
12. Резолюция международного форума «Бишкекская инициатива по закрытию биолaborаторий в странах ЕАЭС, финансируемых внеблочными странами». [Электронный ресурс] URL: <https://clck.ru/33DHZD>
13. S/RES/2663 (2022). Нераспространение оружия массового уничтожения. 30 November 2022. [Электронный ресурс] URL: <https://clck.ru/33DJWs>

Гасанова Т. И.

Студентка, 3 курс

Крымский филиал ФГБОУ ВО «РГУП»

Научный руководитель: Л.В. Пастухова, к.ю.н, доцент,

Кафедра государственно-правовых дисциплин,

Крымский филиал ФГБОУ ВО «РГУП»

УЧАСТИЕ РФ В МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ ПО ЗАПРЕЩЕНИЮ БАКТЕРИОЛОГИЧЕСКОГО ОРУЖИЯ

Аннотация: Статья посвящена комплексному исследованию вопроса об участии РФ в международно-правовом содействии в сфере запрещения бактериологического оружия в соответствии с нормами Конвенции 1972 г. Делается вывод о решительно отрицательном отношении России к применению бактериологического оружия, являющегося ужаснейшим видом оружия с колоссальными последствиями его применения. Также автор предлагает ряд мер, которые следовало бы осуществить на международном уровне.

Ключевые слова: бактериологическое (биологическое) оружие, Конвенция 1972 г., Хабаровский процесс, Совет безопасности ООН.

УЧАСТИЕ РФ В МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ ПО ЗАПРЕЩЕНИЮ БАКТЕРИОЛОГИЧЕСКОГО ОРУЖИЯ

Abstract: The article is devoted to a comprehensive study of the question of the participation of the Russian Federation in international legal assistance in the field of the prohibition of bacteriological weapons in accordance with the norms of the 1972 Convention. The conclusion is made about Russia's resolutely negative attitude to the use of bacteriological weapons, which is the most terrible type of weapon with colossal consequences of its use. The author also suggests a number of measures that should be implemented at the international level.

Keywords: bacteriological (biological) weapons, 1972 Convention, Khabarovsk Process, UN Security Council.

Говоря об опасности биологического оружия, ООН отмечает, что биологическое оружие распространяет вызывающие болезни организмы или токсины для причинения вреда или уничтожения людей, животных или растений. Болезни, вызванные такими агентами, не ограничиваются границами отдельных государств и могут быстро распространиться по всему миру. Последствия преднамеренного высвобождения биологических агентов или токсинов государственными или негосударственными субъектами могут быть катастрофическими. Помимо гибели людей, применение такого оружия может привести к экологическим катастрофам, разрушительным экономическим потерям, эпидемиям [1].

Стоит заметить, что российское государство еще в лице СССР в 1950-начале 1960 гг. на фоне дискуссии о всеобщем разоружении выступило первым с предложением касаясь ликвидации химического и биологического оружия, а также учреждения международного контрольного органа в составе всех государств, который должен был бы располагать всеми материальными условиями для проведения контроля по разоружению (XIV сессия Генассамблеи ООН, сентябрь 1959 г.).

Конструктивная позиция СССР и союзников на конференции, созванной Комитетом по разоружению повлияла на принятие резолюцией 2826 (XXVI) Генассамблеи ООН от 16 декабря 1971 г. окончательного текста Конвенции о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении [2].

Указанная Конвенция является итоговым документом, который был принят после того, как государства-участники ООН осознали ужасность бактериологического оружия и последствий его применения, в частности, после событий Второй Мировой войны. Хотя оно активно применялось и во времена Первой Мировой войны. Так, предпосылкой принятия Конвенции 1972 г. можно считать те события, когда Квантунская армия изготавливала и применяла бактериологическое оружие. Как указывают исследователи данного вопроса В.С. Карамышев и Р.Е. Селевостров, «территория «фабрики», занимающейся подготовкой к бактериологической войне, составляла около двадцати квадратных километров. Отряд №731 включал в себя около 3000 сотрудников (в их составе были доктора и профессора медицинских наук). Помимо создания бактериологического оружия, эти отряды проводили опыты над жителями Китая, Маньчжурии и гражданами СССР. Особенный интерес этих «исследователей» был прикован к реакциям человеческого организма на переохлаждение. Подопытных людей заражали бактериями, ежегодно «отряд 731» убивал более 600 подопытных людей, которых японцы называли «брёвнами» [3, с.202].

Небезызвестно, что после краха Квантунской армии последовал Хабаровский процесс 1949 г., в ходе которого подсудимых обвиняли в нарушении Женевского протокола 1925 года: в создании отрядов № 731 и № 100, занятых разработкой и использованием бактериологического оружия, а также проведением экспериментов над людьми. В обвинительном заключении по делу бывших военнослужащих японской армии было подытожено, что «практическая деятельность бактериологических отрядов № 731 и №100 заключалась в подготовке и ведении бактериологической войны и входила составной частью в общий план преступного заговора правящей клики империалистической Японии. Установлено также, что для достижения своих преступных планов японские милитаристы не останавливались ни перед какими злодеяниями, вплоть до бесчеловечных опытов над живыми людьми и истребления нескольких тысяч заключённых путём насильственного заражения их смертоносными бактериями» [4, с.27].

Позиция СССР касаясь бактериологического оружия после вышеуказанных событий и во взаимосвязи с Хабаровским процессом 1949 г. ужесточилась, и именно поэтому государство предлагало внедрить международно-правовой механизм контроля по разоружению, но, к сожалению, это предложение не нашло отклика среди иностранных коллег.

Вместе с тем, мы полагаем, что принятая и действующая в настоящее время Конвенция 1971 г. несет рамочный, весьма абстрактный характер, и не предусматривает в себе многие важнейшие аспекты, что является существенным минусом вышеуказанной международной договора (например, в ст.1 Конвенции отсутствует прямое указание на запрещение применения бактериологического оружия, что в своем роде может создавать пробел в международном праве).

Российская Федерация, как правопреемник СССР, является государством-участником конвенции и несет обязательства по её добросовестному соблюдению, что подтверждается действующим Указом Президента РФ от 11 апреля 1992 г. № 390 «Об обеспечении выполнения международных обязательств в области биологического оружия» [5]. Так, на территории нашей страны не допускается разработка и осуществление биологических программ в нарушение положений Конвенции. Кроме того, ввиду установленного запрета в феврале 1992 г. был создан Комитет по конвенциональным проблемам химического и биологического оружия при Президенте РФ [6].

Говоря о национальном правовом регулировании с ретроспективной точки зрения и заостря внимание на отнюдь не недавно зародившемся резко негативном отношении государства к использованию биологического оружия, важно подчеркнуть, что Уголовный кодекс РСФСР от 27 октября 1960 г. содержал в себе ст. 67.1, прямо запрещающую применение биологического оружия [7]. В действующем уголовном законе России отсутствует норма, охватывающая непосредственно совершение данного деяния, ибо законодатель не посчитал это нужным, синтезировав в ст.355 Уголовного кодекса РФ [8] разработку, производство, накопление, приобретение или сбыт химического, биологического, токсинного, а также другого вида оружия массового поражения, запрещенного международным договором РФ, за что предусмотрена санкция в виде лишения свободы на срок от пяти до десяти лет (едва ли это наказание соответствует тяжести преступления). Думается, отсутствие в действующем уголовном законодательстве отдельной нормы о запрещении биологического оружия является недочетом УК

РФ, который надлежит устранить, учитывая опыт советского законодателя, и, разумеется, фундаментальные положения, отраженные в ныне действующей Конституции РФ.

Конституция России, принятая 12 декабря 1993 г., в ст.42 закрепляет право каждого на благоприятную окружающую среду [9], с чем неразрывно связывается обязательство по запрещению бактериологического оружия. Применение последнего нарушало бы конституционное право человека и гражданина.

Положение отечественной Конституции находит отражение в ряде других федеральных законов, а также указов президента. Стоит сказать, что в довольно-таки недавно принятом Указе Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [10] используется понятие «биологический терроризм», борьба с которым обеспечивает достижение национальной безопасности государства. Как заявила глава Роспотребнадзора Анна Попова в ходе XVI Всероссийского Конгресса нутрициологов и диетологов 03 июня 2016 г., «Биотерроризм является самым острым вызовом на сегодня, в связи с чем надзорное ведомство должно постоянно готовиться к этой угрозе» [11].

Официальные лица РФ также не раз подчеркивали неприемлемость бактериологического оружия: «Оно одно из самых страшных», – напоминает вице-спикер Совета Федерации Константин Косачев, а также справедливо указывает на то, что Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении «Не содержит механизмы контроля» [12]. Более кардинальное, вместе с тем соответствующее международно-правовой позиции России по данному вопросу и стоящее на защите ее интересов заявление сделал Постпред при ООН Василий Небензя на заседании Совбеза ООН, обвинив Киев и Вашингтон в нарушении положений Конвенции 1971 г.: «Речь идет не просто о нарушении Украиной и США конвенции о запрещении биологического и токсинного оружия. Речь идет о том, что находятся все новые свидетельства того, что в центре Восточной Европы вплоть до последнего момента велась опасная военно-биологическая деятельность, последствия которой в любой момент могли «выплеснуться» за пределы этой страны и даже региона» [13].

В настоящее время дискуссия о международной опасности бактериологического оружия достигла своего апогея, о чем свидетельствуют не только заявления Василия Небензи, но и тот факт, что 27 октября 2022 г. Совет Федерации принял на пленарном заседании 2 ноября проект обращения Федерального собрания РФ к парламентам стран мира [14], в котором российские законодатели призывают мировое сообщество принять меры по укреплению режима Конвенции 1971. Как пояснил Константин Косачев, в обращении «содержатся конкретные предложения по тому, как эту конвенцию усовершенствовать через создание механизма контроля над действиями государств-участников конвенции, по необходимости отчетности о деятельности за пределами национальных территорий, то есть именно той деятельности, которую США осуществляют на территории Украины, и по усилению научно-экспертного сопровождения исполнения государствами обязательств по конвенции» [15].

Таким образом, подводя итог всему вышесказанному, Российская Федерация, являясь страной, расположенной на евразийском континенте, одной из стремительно развивающихся и преобразующихся стран в экономическом, технологическом, информационном, а также военном направлениях, заботясь о своих национальных интересах и гарантиях безопасности, активно ведет внутреннюю и внешнюю политику касаясь запрещения бактериологического оружия на своей территории, беспокоясь о его применении на территории близлежащих государств, имея по соответствующему вопросу негативную, осуждающую позицию.

Россия, являясь субъектом международного права, никак не может закрывать глаза на имеющиеся проблемы в сфере международно-правового механизма запрета бактериологического оружия, в связи с чем предлагает следующие меры по усовершенствованию соответствующего контроля на международном уровне:

Во-первых, странам-участникам Конвенции о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении, необходимо выработать меры реагирования, используемые вследствие применения бактериологического оружия государством, не предусмотренные в ее нормах.

Во-вторых, государствам следует предусмотреть, чтобы национальное законодательство содержало работающие нормы о запрещении разработки и осуществление биологических программ.

В-третьих, Российская Федерация предлагает странам-участникам ООН создавать у себя орган (с учетом национально-правовой специфики каждого государства), по характеру и полномочиям схожий на Комитет по конвенциональным проблемам химического и биологического оружия при Президенте РФ. Создание такового органа и его адекватное функционирование позволило бы проводить борьбу с применением бактериологического оружия более комплексно и серьезно.

Пристатейный библиографический список:

1. Биологическое оружие // Разоружение [Электронный ресурс] URL: <https://www.un.org/ru/global-issues/disarmament>.
2. Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении [Электронный ресурс] URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/bacweap.shtml.
3. Карамышев, В. С. Из истории применения бактериологического оружия: Хабаровский процесс 1949 г. / В. С. Карамышев, Р. Е. Селеверстов // Материалы секционных заседаний 58-й студенческой научно-практической конференции ТОГУ: В двух томах, Хабаровск, 17–25 апреля 2018 года / Ответственные за выпуск: И. Н. Пугачев, А. В. Казарбин. Том 2. – Хабаровск: Тихоокеанский государственный университет, 2018. – С. 202-205.
4. Обвинительное заключение по делу бывших военнослужащих японской армии: Ямада Отоозо, Кадзицука Рюдзи, Такахаси Такаацу, Кавасима Киоси, Ниси Тосихидэ, Карасава Томио, Оноуэ Масао, Сато Сюндзи, Хиразакура Дзэнсаку, Митомо Кадзуо, Кикучи Норимицу, и Курусима Юдзи, обвиняемых в подготовке и применении бактериологического оружия, т.е. в преступлении, предусмотренном ст.1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. // Материалы судебного процесса по делу бывших военнослужащих японской армии, обвиняемых в подготовке и применении бактериологического оружия [Электронный ресурс] URL: <https://clck.ru/334qmB>.
5. Указ Президента РФ от 11 апреля 1992 г. № 390 «Об обеспечении выполнения международных обязательств в области биологического оружия» // Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации, 1992 г., № 17, ст. 958.
6. Указ Президента Российской Федерации от 19.02.1992 г. № 160 О создании Комитета по конвенциональным проблемам химического и биологического оружия при Президенте Российской Федерации [Электронный ресурс] URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/901> (дата обращения 04.12.2022).
7. Уголовный кодекс РСФСР от 27 октября 1960 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1960, № 40, ст. 591.
8. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 17 июня 1996 г. № 25 ст. 2954.
9. Конституция Российской Федерации принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. [с учетом поправок] // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
10. Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 5 июля 2021 г. № 27 (часть II) ст. 5351.
11. «Глава Роспотребнадзора считает биотерроризм самым острым вызовом на сегодня, в связи с чем надзорное ведомство должно постоянно готовиться к этой угрозе» [Электронный ресурс] URL: <https://ria.ru/20160603/1442400980.html>.
12. «Косачев: Парламентарии предложат актуализировать Конвенцию о запрете биооружия» [Электронный ресурс] URL: <https://rg.ru/2022/03/31/kosachev-parlamentarii-predlozhat-aktualizirovat-konvenciiu-o-zaprete-biooruzhiia.html>.
13. «Небензя обвинил Украину и США в нарушении конвенции о биологическом оружии» [Электронный ресурс] URL: <https://ria.ru/20220318/oruzhie-1778904348.html>.
14. Проект постановления №222074-8 «Об обращении палат Федерального Собрания Российской Федерации «К парламентам стран мира о необходимости укрепления режима Конвенции о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении» // Система обеспечения законодательной деятельности [Электронный ресурс] URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/222074-8>.
15. Совфед принял проект обращения Федерального Собрания к парламентам мира по конвенции о биооружии. [Электронный ресурс] URL: <https://rg.ru/2022/11/02/sovfed-prinial-proekt-obrashcheniia-federalnogo-sobraniia-k-parlamentam-mira-po-konvencii-o-biooruzhii.html>

Гевак Е.В.

Специалитет

Кафедра государственно-правовых дисциплин
Крымский филиал ФГБОУВО «РГУП»Научный руководитель: Пастухова Л.В., к.ю.н, доцент,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Крымский филиал ФГБОУВО «РГУП»**ЗАПРЕЩЕНИЕ БАКТЕРИОЛОГИЧЕСКОГО ОРУЖИЯ: ОПЫТ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО СОТРУДНИЧЕСТВА КНР**

Аннотация: В статье рассматриваются основные действия КНР по соблюдению норм международного права о запрете бактериологического оружия. Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении (КБТО) не имеет юридически обязательного режима международного контроля. Попытка Специальной группы экспертов, созданной Комитетом ООН по разоружению, укрепить КБТО путем разработки юридически обязательного документа – Протокола, в июле 2001 г. была заблокирована США.

Ключевые слова: пандемия, Конвенция о запрещении биологического оружия, КНР, международный контроль.

PROHIBITION OF BACTERIOLOGICAL WEAPONS: THE EXPERIENCE OF INTERNATIONAL LEGAL COOPERATION OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA

Abstract: The article discusses the main actions of the PRC to comply with the norms of international law on the prohibition of bacteriological weapons. The Convention on the Prohibition of the Development, Production and Stockpiling of Bacteriological (Biological) and Toxin Weapons and on Their Destruction (BTWC) does not have a legally binding international control regime. An attempt by an Ad Hoc Group of Experts established by the UN Disarmament Committee to strengthen the BTWC by developing a legally binding document, the Protocol, was blocked by the United States in July 2001.

Keywords: pandemic, Biological Weapons Convention, PRC, international control.

Международное сообщество достигло консенсуса о запрете применения биологического оружия после Первой мировой войны, во время которой Германия, Соединенное Королевство и Франция применили такое оружие, что привело к большим жертвам. Запрет был усилен в 1972 и 1992 годах запретом на разработку, производство, накопление запасов и передачу биологического оружия.

Женевский протокол 1925 года [1] является первым международным пактом, запрещающим применение удушающих, ядовитых и других газов, а также бактериологического оружия на войне. Конвенция о биологическом и токсинном оружии 1972 года (далее- КБТО) [2] продвинулись дальше в направлении полной ликвидации такого оружия, запретив его разработку, производство, накопление запасов, приобретение, хранение, передачу и системы их доставки, а также потребовав их уничтожения.

Китайская народная республика (далее- КНР) является государством, которое выступает за полное запрещение и тщательное уничтожение всех видов оружия массового уничтожения, включая биологическое оружие. Оно придает большое значение позитивной роли КБТО в поддержании мира и безопасности и поддерживает эти цели и задачи.

КНР выполняет все обязательства по КБТО: были приняты и строго соблюдаются соответствующие законы и нормативные акты для обеспечения эффективного осуществления международно-правовых обязательств. В декабре 2001 года Постоянный комитет Всекитайского собрания народных представителей принял Поправку № 3 к Уголовному законодательству КНР [3] которая предусматривает, что любое незаконное производство, торговля, транспортировка, хранение или высвобождение токсичных веществ или инфекционных патогенов представляет собой преступление против общественной безопасности и подлежит наказанию.

КНР систематически укрепляет свою систему осуществления КБТО. В настоящее время создан национальный механизм реализации. Каждый департамент несет свою определенную ответственность и сотрудничает друг с другом в рамках механизма, чтобы обеспечить выполнение соответствующих законов и нормативных актов.

Также КНР решительно выступает против распространения биологического оружия и связанных с ним технологий. В декабре 2002 года КНР обнародовала и ввела в действие Положения об экспортном контроле биологических агентов двойного назначения и связанного с ними оборудования и технологий, а также список экспортного контроля [4] В июле 2006 года список экспортного контроля был пересмотрен и дополнен.

КНР принимает активное участие в международных обменах и сотрудничестве в биологической области и поддерживает контакты и обмены с многонациональными режимами экспортного контроля, такими как Австралийская группа. КНР является участником Многостороннего процесса повышения эффективности КБТО.

Перед лицом беспрецедентной пандемии КНР прилагал последовательные усилия совместно с международным сообществом, всесторонне содействовал международному сотрудничеству в борьбе с пандемией и начал крупнейшую глобальную чрезвычайную гуманитарную акцию с момента основания КНР. После начала пандемии КНР первая поделилась информацией о полногеномном секвенировании SARS-CoV-2, регулярно сообщала информацию о пандемии в ВОЗ и соответствующие страны, неоднократно получала международные экспертные группы от ВОЗ для исследования и исследования по предотвращению и контролю пандемии и отслеживанию происхождения вируса, внося свой вклад в глобальную профилактику и борьбу с пандемией. КНР стремится восполнить пробел в вакцинах. Уже на ранней стадии пандемии Председатель Си Цзиньпин отметил, что вакцины против Covid-19 должны стать всеобщим достоянием всего мира. На недавно завершившемся саммите G20 председатель Си Цзиньпин предложил инициативу глобального сотрудничества в области вакцин.

В ходе Первого комитета 76-й сессии Генеральной Ассамблеи министры иностранных дел Китая и Российской Федерации выступили с Совместным заявлением об укреплении КБТО, изложив свои позиции по совершенствованию механизмов Конвенции и работая над достижением существенного прогресса на предстоящей Обзорной конференции.

Таким образом, государства-участники КБТО обеспечили ее эффективность и постоянное укрепление. Однако США отказываются разрешить международный мониторинг своих исследовательских объектов по оружию и не прекратили исследования в области биологического и химического оружия. В 2001 г. США в одностороннем порядке вышли из переговоров по разработке дополнительного протокола к КБТО, согласно которому независимый орган — «Технический секретариат» — должен был следить за микробиологической исследовательской деятельностью всех стран. Также США уже более 20 лет блокируют создание механизма проверки КБТО.

На основе вышесказанного можно сделать вывод, что США проводит неоднозначную политику в отношении биоисследований и поддержании запрещения бактериологического оружия.

В целях повышения эффективности реализации положений КБТО необходимо выдвинуть следующие положения:

1. Сосредоточить усилия на повышении эффективности Конвенции. Механизм мониторинга обеспечивает наиболее эффективную гарантию соблюдения требований и взаимного доверия.

Промежуточные меры могут быть приняты для укрепления механизмов Конвенции до заключения протокола о мониторинге.

2. Государства должны энергично укреплять международное сотрудничество и помощь. В контексте пандемии жизненно важно гарантировать право на мирное использование и содействовать международному сотрудничеству.

КНР представил в Первый комитет 76-й Генеральной Ассамблеи ООН резолюцию, озаглавленную "Содействие международному сотрудничеству в области мирного использования в контексте международной безопасности", направленную на начало процесса обсуждения в рамках ООН, балансирование между нераспространением и мирным использованием, а также обеспечение мирного использования и всеобщего обмена технологиями и ресурсами в смежных областях, включая биологию. Это облегчает общее рассмотрение мирного использования в различных областях, а также обсуждения в рамках КБТО.

Важно отметить, что указанные предложения будут способствовать духу международного сотрудничества, обмену соответствующей информацией в области запрещения биологического оружия между КНР и другими государствами, с целью содействия сохранению международного мира и безопасности.

Пристатейный библиографический список:

1. Протокол о запрещении применения на войне удушающих, ядовитых или других подобных газов и бактериологических средств от 17 июня 1925 года [Электронный ресурс] URL: <https://clck.ru/33GFUH>.
2. Конвенция о биологическом и токсинном оружии от 10 апреля 1972 года [Электронный ресурс] URL: <https://clck.ru/JcYKs>
3. Уголовный кодекс Китайской народной республики от 01 октября 1997 года [Электронный ресурс] URL: http://ru.china-embassy.gov.cn/rus/zfhz/zgflyd/201601/t20160111_3149373.htm
4. Положение об экспортном контроле биологических агентов двойного назначения и связанного с ними оборудования и технологий [Электронный ресурс] URL: https://chinalaw.center/business_law/china_export_control_law_2020_russian/
5. Официальный сайт Организации Объединённых Наций. Члены Организации Объединённых Наций. [Электронный ресурс] URL: <https://www.un.org/ru/about-us/member-states>.
6. China: Accession to Biological Weapons Convention [Электронный ресурс] URL: <https://treaties.unoda.org/a/bwc/china/acc/washingtons>.
7. Remarks by H.E. Ambassador Li Song at the General Debate of the 2020 Meeting of States Parties of the Biological Weapons Convention [Электронный ресурс] URL: http://geneva.china-mission.gov.cn/eng/dbtyw/cijk/202111/t20211123_10451706.htm.
8. US military bio-research violates international law [Электронный ресурс] URL: http://eng.chinamil.com.cn/view/2022-03/22/content_10142414.htm.

Миронов А.А.

студент 3 курса бакалавриата

Казанского филиала ФГБОУВО «РГУП»

Научный руководитель: Мифтахов Р.Л. к.ю.н., доцент

доцент кафедры государственно-правовых дисциплин

Казанского филиала ФГБОУВО «РГУП»

ЗАПРЕЩЕНИЕ БАКТЕРИОЛОГИЧЕСКОГО ОРУЖИЯ – ПОЗИЦИЯ РЕСПУБЛИКИ ПОЛЬША

Аннотация: В статье рассматривается аспект опасности применения оружия массового поражения, в том числе бактериологического оружия. Автор предположил исход событий в случае применения оружия массового поражения в XXI веке. Раскрыта позиция Республики Польша по вопросам запрета бактериологического оружия.

Ключевые слова: бактериологическое оружие, оружие массового поражения, конвенция, Республика Польша международные акты.

PROHIBITION OF BACTERIOLOGICAL WEAPONS – POSITION OF THE REPUBLIC OF POLAND

Abstract: This article examines the danger of using weapons of mass destruction, including bacteriological weapons. The author suggested the outcome of events in the case of the use of weapons of mass destruction in the XXI century. The position of the Republic of Poland on the prohibition of bacteriological weapons is considered.

Keywords: bacteriological weapons, weapons of mass destruction, convention, Republic of Poland international acts.

Человеческая природа такова, что на протяжении всего своего существования он отстаивал собственные интересы. Возникали ситуации, когда для защиты своих интересов приходилось применять силу. С возникновением государств диапазон интересов увеличивался, и эти государства начинали вести войны. Война является неизбежным этапом эволюции человечества, который выводит людей на следующий уровень технологического развития.

Сейчас мы находимся на таком этапе развития, что любой конфликт может перерасти в глобальную катастрофу, уже немало государств имеют в своём арсенале оружие массового поражения (далее ОМП), одним из которых является бактериологическое оружие.

Применение любого вида ОМП может привести к непредсказуемым результатам для всего человечества. Поэтому целый ряд государств, политических партий, общественных организаций и движений развернули борьбу за запрещение производства, распространение и применение ОМП. В связи с этим был принят целый ряд международных договоров, конвенций и соглашений. Основными из них являются: «Договор о запрещении испытаний ядерного оружия 1963»[1], «Договор о нераспространении ядерного оружия 1968»[2], «Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и их уничтожении 1972»[3], «Конвенция о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и его уничтожении 1997»[4].

Бактериологическое (биологическое) оружие – это болезнетворные микроорганизмы, вирусы, бактериальные токсины, предназначенные для массового поражения живой силы противника, сельскохозяйственных животных, посевов сельскохозяйственных культур, а также порчи некоторых видов военных материалов и снаряжения. Вместе с ядерным и химическим является оружием массового поражения [5, с. 151]. Может включать снаряжённые биологическими (бактериологическими) средствами боеприпасы (боевые части ракет, авиабомбы, снаряды ствольной и реактивной артиллерии и др.) и средства их доставки (ракеты, самолёты, аэростаты, артиллерийские орудия и др.). Возможные способы применения: заражение аэрозольными биологическими средствами приземного слоя воздуха; рассеивание в отдельных районах искусственно заражённых биологическими средствами кровососущих насекомых — переносчиков инфекционных болезней; заражение биологическими средствами воздуха, воды и продовольствия и т.д.[6].

Этот вид оружия крайне опасен, ведь в случае конфликта и применения в нем биологического оружия страдать будут не только отдельные подготовленные категории граждан (то есть военные, сотрудники специальных служб), но и простые мирные люди. Могут начаться эпидемии: бактерии биологического оружия могут вызвать чуму, холеру, тиф, грипп, сибирскую язву и т.д.

Оружием массового поражения, к которым относится биологическое оружие, помимо людей можно поражать и животных с растениями, в этом случае помимо опасности эпидемий, возникает опасность голода.

Заражение людей и животных происходит в результате вдыхания зараженного воздуха, попадания микробов или токсинов на слизистую оболочку и поврежденную кожу, употребления в пищу зараженных продуктов питания и воды. Причиной заражения могут быть укусы зараженных насекомых и клещей, соприкосновение с зараженными предметами. Заражение возможно также в результате непосредственного общения с больными людьми (животными) [7, с.72].

Высокая эффективность обусловлена малой инфицирующей дозой, скрытностью применения на больших территориях, трудностью индикации, избирательностью действия, сильным психологическим воздействием, сложностью биологической защиты войск и населения и ликвидации последствий применения [6].

Главным международным договором о разоружении, запрещающим производство данного вида вооружения стала - конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении (КБТО). Подписание данной конвенции стало правовой базой, которая дополнила протокол о запрещении применения на войне удушающих, ядовитых или других подобных газов и бактериологических средств.

В первой статье КБТО провозгласили:

Каждое государство — участник настоящей Конвенции обязуется никогда, ни при каких обстоятельствах не разрабатывать, не производить, не накапливать, не приобретать каким-либо иным образом и не сохранять:

1) микробиологические или другие биологические агенты или токсины, каково бы то ни было их происхождение или метод производства, таких видов и в таких количествах, которые не предназначены для профилактических, защитных или других мирных целей;

2) оружие, оборудование или средства доставки, предназначенные для использования таких агентов или токсинов во враждебных целях или в вооруженных конфликтах[8].

КБТО была открыта для подписания в апреле 1972 года и вступила в силу 26 марта 1975 года.

Республика Польша – страна, которая ратифицировала конвенцию о биологическом оружии, подписав документ 10 апреля 1972 года. С тех пор не было достоверной и доказанной информации, что Польша создает оружие данного типа. Польша поддерживает усилия международной общественности по поддержанию мира, по защите основных прав человека, а также по обеспечению мирного сосуществования и развития всех государств, считая целесообразной деятельность ООН в качестве площадки для совместного противодействия опасностям, угрожающим населению.

В свою очередь, ООН уделяет первостепенное внимание сокращению и, в конечном итоге, ликвидации ядерного оружия, уничтожению химического оружия и укреплению запрета на биологическое оружие — это оружие представляют собой самую серьезную угрозу для человечества [9].

Таким образом, подводя итоги, хочется выразить уверенность, что руководители стран разумны, и понимают, что разовое применение бактериологического оружия в 21 веке станет необратимым событием, которое поставит под угрозу существование человека.

В истории были примеры применения оружия массового поражения, ни к чему хорошему это не привело. Страны должны быть открыты по данному вопросу, важно объединять умы биологов и создавать вакцины от болезней, применять усилия наших ученых в правильном направлении, необходимо вместе бороться с новыми вызовами и думать о будущих поколениях.

Пристатейный библиографический список:

1. Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой 1963 года [Электронный ресурс] URL: https://doc.mil.ru/documents/quick_search/more.htm?id=11968333%40egNPA (дата обращения 14.11.22)
2. Договор о нераспространении ядерного оружия 1968 года [Электронный ресурс] URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/npt.shtml (дата обращения 14.11.22)
3. Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и их уничтожении 1972 года [Электронный ресурс] URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/bacweap.shtml (дата обращения 14.11.22)
4. Оружие массового поражения (ОМП): официальный сайт Министерства Обороны Российской Федерации [Электронный ресурс] URL: <https://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/dictionary/details.htm?id=13769%40morfDictionary> (дата обращения 9.11.22)
5. Чернядьева Н.А. Международный терроризм: происхождение, эволюция, актуальные вопросы правового противодействия. М., Проспект, 2022. 336 с
6. ОРУЖИЕ БИОЛОГИЧЕСКОЕ (БАКТЕРИОЛОГИЧЕСКОЕ) Термины МЧС России На букву О [Электронный ресурс] URL: <https://www.mchs.gov.ru/ministerstvo/o-ministerstve/terminy-mchs-rossii/term/2274> (дата обращения 11.11.22)
7. Беляков, Г. И. Гражданская оборона: учебник для вузов / Г. И. Беляков. — Москва : Издательство Юрайт, 2022. — 158 с.
8. Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении [Электронный ресурс] URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/bacweap.shtml
9. Разоружение. Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс] URL: <https://www.un.org/ru/global-issues/disarmament> (дата обращения 14.11.22)

СЕКЦИЯ IV.

Управление по наркотикам и преступности: «Защита прав человека в условиях оборота наркотиков»

Чипеев П.А.

студент 3 курса бакалавриата
Крымский филиал ФГБОУВО «РГУП»Научный руководитель: Чернядьева Н.А., д.ю.н, доцент,
профессор кафедры государственно-правовых дисциплин
Крымский филиал ФГБОУВО «РГУП»**УПРАВЛЕНИЕ ООН ПО НАРКОТИКАМ И ПРЕСТУПНОСТИ, КАК ВАЖНЕЙШИЙ МЕХАНИЗМ В МЕЖДУНАРОДНОЙ БОРЬБЕ С НАРКОТИЧЕСКОЙ ЭПИДЕМИЕЙ**

Аннотация: в статье рассматривается международно-правовой статус УНП ООН как главного органа ООН по борьбе с незаконным наркотическим оборотом и наркоманией. Анализируются особенности, цели и методы данной организации. Рассматриваются конкретные примеры действий УНП ООН по борьбе с наркотическим оборотом.

Ключевые слова: Незаконный оборот наркотиков, права человека, международная организация, международное сотрудничество, права детей, УНП.

THE UNITED NATIONS OFFICE ON DRUGS AND CRIME AS THE MOST IMPORTANT LINK IN THE INTERNATIONAL FIGHT AGAINST THE DRUG EPIDEMIC

Abstract: The international legal status of the UNODC as the main body of the UN in the fight against drug trafficking and drug addiction is considered in the article. Features, goals and methods of this organization are analyzed. specific examples of UNODC action against drug trafficking are considered.

Keywords: Drug trafficking, human rights, international organization, international cooperation, children's rights, UNDOC.

Наркотики имеют длительную историю своего развития. Они присутствуют на всех этапах роли человечества. Если на ранних этапах развития человечества наркотики носили чисто лекарственный и растительный характер и имели ограниченные зоны распространения, то сегодня они распространены во всем мире, количество видов наркотических веществ переваливает за тысячи, разнообразны способы их создания и применения, а сам наркотик уже воспринимается как нечто негативное, оказывающее значительное вредное влияние на организм человека [1 с. 175]. Сам наркотик из себя представляет действующее на человеческую психику вещество, которое притупляет боль и/или приносит наслаждение наркопотребителю, формируя физическую и/или психическую зависимость [2].

Наркомания — это хронически рецидивирующее расстройство, характеризующееся компульсивным употреблением вызывающих привыкание веществ, несмотря на неблагоприятные последствия для человека и общества [3]. Пристрастие к наркотикам и алкоголю все больше становится мировой тенденцией образа жизни, которая распространена как в богатых, так и в бедных странах.

Как известно, общепризнанным центром, организующим и координирующим международные связи, является Организация Объединенных Наций, основной задачей этой организации, согласно ее Уставу, является поддержка международного мира и безопасности и с этой целью она принимает эффективные коллективные меры для предотвращения и устранения угрозы миру [4] ООН успешно содействует сотрудничеству государств в направлениях, в том числе в области предупреждения преступности, борьбы с ней и содействия гуманному обращению с правонарушителями [5 с. 504]. В рамках этого направления ООН занимается проблемой незаконного оборота и употребления наркотиков.

Управление ООН по наркотикам и преступности является главным органом ООН по борьбе с наркотиками. Его бюджет на 90% состоит из добровольных взносов правительств стран-участниц [6]. УНП ООН собирает, анализирует и сообщает данные о тенденциях незаконного оборота наркотиков, включая аресты, изъятия, цены и чистоту запрещенных наркотиков, представленные государствами-членами с помощью вопросников к ежегодным отчетам (ARQ) [7]. С помощью того же механизма он также собирает и представляет данные о незаконном изготовлении контролируемых веществ, включая данные о подпольных лабораториях. Кроме того, УНП ООН собирает и представляет данные о значительных индивидуальных изъятиях наркотиков, о которых сообщают государства-члены [8].

В своей работе УНП ООН руководствуется рядом международно-правовых документов, таких как три конвенции о контроле над наркотиками, Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности [9] и протоколы к ней, Конвенция ООН против коррупции [10], Стандарты и нормы ООН в области предупреждения преступности и уголовного правосудия [11], а также 19 универсальных правовых документов по борьбе с терроризмом (Конвенция 1963 года о преступлениях и некоторых других актах, совершаемых на борту воздушных судов и т.д.).

Согласно Всемирному докладу о наркотиках за 2022 год, опубликованному УНП ООН, около 284 миллионов человек во всем мире употребляли наркотики за прошедший год [12]; более 36 миллионов человек страдали от расстройств, связанных с употреблением наркотиков. Учитывая, что еще в 2010 их было 226 млн, [13] можно сделать вывод об увеличении числа потребителей наркотических веществ на 27%. Такое

увеличение отчасти объясняется ростом численности мирового населения на 10 процентов. Но это официальная статистика. Думается, что цифра, приведенная УНП ООН, не отображает абсолютное число потребителей наркотиков. Необходимо учитывать, что есть люди, которые скрывают свою зависимость.

В стратегии УНП ООН на 2021-2025 год, в соответствии с тремя международными конвенциями о контроле над наркотиками 1961, 1971 и 1988 годов, предложены для решения следующие задачи [14]:

1. Исследовать взаимосвязи между проблемой наркотиков и различными аспектами устойчивого развития, мира и безопасности, и прав человека.

2. Оказывать поддержку государствам-членам в выполнении международных обязательств в области наркополитики.

3. Расширить доступ к лечению расстройств, связанных с употреблением наркотиков, реабилитации, восстановлению и социальной реинтеграции, а также к профилактике, лечению и уходу за ВИЧ/СПИДом и гепатитом.

4. Учитывать связанные с этим права человека и гендерные соображения, особенно среди уязвимых групп населения.

5. Сосредоточиться на понимании взаимосвязи проблемы наркотиков и транснациональной организованной преступности, включая киберпреступность, коррупцию, незаконный оборот, финансовые потоки и терроризм.

6. Расширить роль и потенциал лаборатории УНП ООН для поддержки программных и политических мер государств-членов по противодействию незаконному обороту наркотиков и предоставлению соответствующих медицинских услуг.

Думается, что лучшим первоочередным методом сокращения потребления наркотиков и связанной с ними заболеваемости была и остается профилактика. К наиболее эффективным методам профилактики относятся те, которые помогают молодому поколению выстраивать позитивные взаимоотношения с родными, учителями и сверстниками в школе и другими членами общества и способствуют созданию инклюзивного и безопасного жизненного пространства.

Проблема борьбы с незаконным оборотом наркотиков через Интернет является ключевым пунктом доклада Международного комитета по контролю над наркотиками о выполнении решений XX сессии Генеральной Ассамблеи ООН. В плане борьбы с незаконным изготовлением и оборотом стимуляторов амфетаминового ряда и их прекурсоров, а также со злоупотреблением ими Генеральная Ассамблея признала, что использование Интернета создает дополнительные преграды для решения проблемы злоупотребления наркотиками [15].

Для выявления незаконных доходов и финансовых потоков, являющихся движущим фактором незаконного оборота наркотиков, представляется необходимым ввести жесткое регулирование и контроль рынков криптовалюты и мониторинг электронных платежей для обнаружения подозрительных операций и уведомления о них компетентных органов. Такие подходы будут эффективны только при условии принятия единообразной нормативно-правовой базы и ее соблюдения во всех юрисдикциях, а также установления правительствами одинаковых правил игры для всех.

Для примера деятельности УНП возьмем международное сотрудничество УНП ООН и Афганистана. В 2020 году УНП провело церемонию закладки фундамента, в качестве символического начала строительства кинологического центра по борьбе с наркотиками в Кабуле. Этот проект является центральным элементом создания в стране специального потенциала по борьбе с наркотиками, что стало возможным благодаря финансовой и технической помощи, полученной от правительств Японии и Российской Федерации [16]. А в 2015 году, благодаря все этому же сотрудничеству, в Афганистане запустили первую в истории интерактивную онлайн-систему для всех данных, связанных с борьбой с наркотиками в стране. Данный онлайн-инструмент собирает проверенные данные по секторам и местам от девяти организаций. Через эту систему заинтересованные стороны могут получить доступ к самым последним данным по всем имеющимся показателям, связанным с наркотиками в Афганистане, включая искоренение, культивирование, цены на наркотики, изъятия и тюремное заключение [17].

УНП ООН уделяет особое внимание мероприятиям для детей, подростки семей. Детский проект УНП ООН [18] был разработан для содействия принятию во всем мире скоординированных мер в отношении детей и подростков, подверженных риску употребления наркотиков, а также молодежи, страдающей зависимостью от употребления наркотиков. Цели проекта включают в себя:

- Устранение медицинских и социальных последствий для детей;
- Предотвращение употребления наркотиков;
- Лечение наркотической зависимости;
- Способствовать их реинтеграции и вкладу в более широкое сообщество.

Детский проект УНП ООН был успешно запущен в Афганистане и продолжает оказывать поддержку детям, подросткам и семьям в Афганистане, если позволяет финансирование. Кроме того, проект недавно распространился на другие регионы мира, включая Бангладеш, Индию, Либерию, Пакистан и Западную Африку [19].

Итак, сделаем вывод. УНП ООН является важнейшим органом международного противостояния наркотической эпидемии. Данные, собираемые и распространяемые Управлением, его проекты и международное сотрудничество позволяют максимально обеспечить реализацию прав человека в условиях незаконного оборота наркотиков. Но на данный момент в связи со значительным ростом потребителей наркотиков, является важным:

- продолжение укрепления международных связей и сотрудничества по борьбе с незаконным оборотом наркотиков.

- разработка совместных международных проектов по реабилитации наркоманов и лечению наркотической зависимости.

Именно поэтому УНП ООН и играет важнейшую роль в виде связующего звена как между государствами, так и между государствами и ООН в сфере борьбы с наркотиками.

Пристатейный библиографический список:

1. Злотов А.Я. Наркотики: историческая ретроспектива. // Экономика образования. №1. 2013. С. 174-177
2. Энциклопедия кругосвет. [Электронный ресурс] URL: <https://www.krugosvet.ru/enc/medicina/NARKOTIK.html>
3. National Library of Medicine. [Электронный ресурс] URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC3137181/>
4. Устав ООН [Электронный ресурс] URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text>
5. Егоров С.А. Международное право: учебник / С.А. Егоров // М.: Статут. 2016. 848с.
6. Об УНП ООН. [Электронный ресурс] URL: <https://www.unodc.org/unodc/ru/about-unodc/index.html>
7. Данные и анализ [Электронный ресурс] URL: <https://www.unodc.org/unodc/ru/data-and-analysis/index.html>
8. Drug production & trafficking. [Электронный ресурс] URL: <https://www.unodc.org/unodc/en/data-and-analysis/drug-production-and-trafficking.html>
9. Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности. [Электронный ресурс] URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orgcrime.shtml
10. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции. [Электронный ресурс] URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/corruption.shtml
11. Сборник стандартов и норм Организации Объединенных Наций в области предупреждения преступности и уголовного правосудия. [Электронный ресурс] URL: <https://www.unodc.org/unodc/ru/justice-and-prison-reform/compendium.html>
12. UNODC world drug report 2022 booklet 1. [Электронный ресурс] URL: <https://www.unodc.org/unodc/en/data-and-analysis/wdr-2021-booklet-1.html>
13. UNODC world drug report 2010. [Электронный ресурс] URL: <https://www.unodc.org/unodc/en/scientists/world-drug-report---2010.html>
14. Стратегия УНП ООН на 2021-2025 годы. [Электронный ресурс] URL: <https://www.unodc.org/unodc/ru/strategy/full-strategy.html>
15. Вестник глобальной программы Smart. Понимание рынка синтетических наркотиков: фактор НПВ. [Электронный ресурс] URL: https://правовая-наркология.рф/index.php?option=com_content&view=article&id=1273:-2020-&catid=86:2020-11-18-12-42-03&Itemid=131
16. Border security report. The journal of border security and transnational crime. [Электронный ресурс] URL: <https://border-security-report.com/unodc-partners-support-counter-narcotics-efforts-in-afghanistan/>
17. First-ever comprehensive online system to counter narcotics launches in Afghanistan. [Электронный ресурс] URL: <https://news.un.org/en/story/2015/06/502432>
18. United nations office on drugs and Crime. Preventing Illicit Drug Use and Treating Drug Use Disorders for Children and Adolescents. [Электронный ресурс] URL: <https://www.unodc.org/unodc/en/drug-prevention-and-treatment/children/index.html>
19. CHILDREN - Our Future, Our Responsibility: Preventing Illicit Drug Use and Treating Drug Use Disorders for Children and Adolescents. [Электронный ресурс] URL: <https://www.unodc.org/unodc/en/drug-prevention-and-treatment/children/children-prevention-treatment-glok42.html>

Аблаева М.Р.

студентка 2 курса специалитета
Крымский филиал ФГБОУВО «РГУП»

Научный руководитель: Айвазова Э.Р., к.ф.н., доцент,
кафедры иностранных языков Крымского филиала ФГБОУВО «РГУП»

ЗАЩИТА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИКОВ В ИСЛАМСКОМ ЭМИРАТЕ АФГАНИСТАН

Аннотация: В статье рассматриваются основные аспекты защиты прав человека в условиях незаконного оборота наркотиков в Исламском Эмирате Афганистан, проводится анализ международных актов, определяющих основные принципы борьбы с распространением наркотических веществ в мире. Акцентируется внимание на сложившейся ситуации в Афганистане, исследуются причины и последствия выращивания опийного мака в государстве. Изучаются меры по борьбе с распространением наркотиков, принятые правительством страны. Также исследуются способы защиты прав граждан в Афганистане и рассматриваются меры, направленные на поддержку людей в борьбе с распространением наркотических веществ. Особое внимание уделяется взаимодействию УНП ООН и правительства Исламского Эмирата в сфере совместного решения проблем, вызванных высоким уровнем оборота наркотических веществ в стране.
Ключевые слова: защита прав человека, незаконный оборот наркотиков, опийный мак, Афганистан, УНП ООН, международные акты, акты правительства Афганистана

PROTECTION OF HUMAN RIGHTS IN THE CONTEXT OF DRUGTRAFFICKING IN THE ISLAMIC EMIRATE OF AFGHANISTAN

Abstract: The article deals with the main aspects of human rights protection in conditions of illicit drug trafficking in the Islamic Emirate of Afghanistan, the analysis of international acts defining the basic principles of combating the spread of narcotic substances in the world is carried out. The attention is paid to the current situation in Afghanistan and the causes and consequences of opium poppy cultivation in the state are examined. Measures taken by the government of the country to combat the spread of drugs are studied. Ways of protecting the rights of citizens in Afghanistan are also examined and measures aimed at supporting people in the fight against the spread of narcotic substances are considered. Particular attention is paid to the interaction between UNODC and the Government of the Islamic Emirate in jointly addressing the problems caused by the high level of drug trafficking in the country.

Keywords: human rights protection, drug trafficking, opium poppy, Afghanistan, UNODC, international acts, acts of the Government of Afghanistan.

The most relevant at the present stage is the protection of human rights in the context of illicit drug trafficking, because illicit drug trafficking poses a threat to the political and socio-economic development of countries around the world.

The purpose of this article is to study the drug situation in Afghanistan, to consider ways to protect the rights of citizens suffering from narcotic substances proliferation in the said state.

The specific objectives of the study are: 1. identification of the causes of drug trafficking in Afghanistan. 2. analysis of the current situation in the state due to the illegal distribution of drugs. 3. identification of measures taken by the government of Afghanistan to protect the rights of citizens in the context of drug trafficking.

According to the UNODC World Drug Report 2021, about 275 million people used drugs in 2019, which is 22% more than in 2010. The main increase in drug use was observed in developing countries. As a result, during this period, mortality induced by drug use increased by 41% [9].

The Islamic Emirate of Afghanistan also has to fight against the illegal sale and distribution of drugs. Until the mid-70s, opium poppy was grown and was used in this state for economic and industrial purposes. However, during the war of 1979-1989, the crop area for opium poppy increased and, therefore, opium exports increased to 1000-1500 tons [12, P. 70]. After the withdrawal of the USSR troops from Afghanistan, the amount of product doubled, for the economic situation worsened after the war, and people began to engage in illegal activities in order to earn money for a living [7, p. 37].

In the nineties, opium production has peaked - it was grown in 10 out of the 32 provinces of the country controlled by the Taliban. The volume of opium was 2200-4500 tons per year, which accounted for 67% of the world's illegal production [13, P. 330]. During this period the Northern and Balkan heroin trafficking routes to the EU and Russia took shape, which played an important role in the further distribution of drugs in these regions [14, P. 84].

Despite this, the government of Afghanistan tried to resolve the situation with the help of UNODC, which was created in order to assist the UN member states in the fight against drug trafficking. The Single Convention on Narcotic Drugs of 1961, The Convention on Psychotropic Substances of 1971 and the UN Convention against Illicit Traffic in Narcotic Drugs and Psychotropic Substances of 1988 were ratified [2]. These conventions created a regulatory framework for strengthening and further developing of the policy pursued by the government of Afghanistan, which was aimed at combating illicit drug cultivation. However, the taken measures did not bring due success. This was caused by the fact that the citizenry had a low income, there were not enough work places, and the opium poppy is not whimsical to environmental conditions and its cultivation is economically beneficial in comparison with other crops. [11, P. 104]

At the beginning of the 21st century, by the Government of the Islamic Emirate was taken many measures to combat drugs: a Decree banning the cultivation of opium poppies was issued, a National Anti-Drug Agency was created, money was dedicated to compensate for the destroyed poppy crops, programs that provided for the issuance of seeds of various agricultural crops to farmers, the harvest from which the state would later redeem and send for export were developed. However, a number of citizens expressed resistance, since the main part of the compensatory funds simply did not reach them due to the high level of corruption in the country, and due to the fact that the opium business was a rather profitable occupation, and the cessation of opium poppy cultivation affected the financial state of people [13, P. 332]. This led to an increase of volume of drug supplies.

In the 2010s, the opium poppy crop was low due to climate problems, therefore the prices of opium and heroin rose sharply, which directly led to an increase of the area under cultivation [8].

During this period, UNODC supported Afghanistan in the fight against illegal drugs. In particular, article 14 of the 1961 Convention was applied, which provided for consultations between UNODC representatives and the government of the Islamic Emirate in connection with the expansion of drug trafficking and the increased likelihood of threats to the provisions of the convention [9].

However, this measure did not help due to the internal problems of the state, instability in the social environment, and impossibility of high-quality cooperation. As a result, opium poppy plantations increased by 7% and illicit opium production increased by 60% [10].

In the future, based on the recommendations provided by the UNODC committee, the government of Afghanistan sought to create an effective and accountable management system in the field of illegal drug trafficking.

Despite all the measures taken, the situation only worsened. In 2016, the sown area increased again by 10% compared to previous years, and the production of opium poppy increased by 43%. The area where opium plantations were destroyed decreased from 3,760 hectares in 2015 to 355 hectares in 2016 [6].

Realizing the danger of the current situation, UNODC together with the Government of the Islamic Emirate developed a Country program for 2016-2019. It was supposed to solve the following problems:

1. This document was supposed to form a common strategy for Afghanistan and UNODC in the field of combating drugs and crime;
2. The document was supposed to be the basis for regulating national and international relations with partners who are willing to provide support in the field of drug control;
3. The document was created to report the activities of UNODC in the Afghanistan as a support of their policy to combat drug trafficking.
4. The document was supposed to protect the rights of people affected by the spread of drugs, as well as create conditions for eliminating the factors that contribute to the emergence of new violations.

This program included 4 subprograms aimed at supporting the main areas of drug control by UNODC and other international organisations. Afghanistan include law enforcement, healthcare, criminal justice, and drug trafficking research [3].

As a result of this program, in accordance with the Report of the Secretary-General on the work of the Organization for 2020, the situation in the treatment and care of people suffering from diseases due to drug use has improve. Approximately 12,000 children, exposed to drugs, were able to receive high-quality medical care. A special unit was set up to control the distribution of narcotic drugs and to provide assistance to people suffering from drug addiction by placing them in specially designed rehabilitation centers until they fully recovered. UNODC has provided support to afghan drug impact research center. Support was provided to law enforcement agencies in the form of drug testing kits, as well as special training on drug detection and analysis [5].

On July 1, 2021, the police of the Islamic Emirate organised a ceremony of burning drugs, where more than 67 tons of drugs were burned. It was attended by high-ranking government and non-governmental officials, including the Deputy Minister for Drug Control of the Ministry of the Interior, a recently appointed representative of UNODC.

The representative of UNODC noted that UNODC is currently developing a new Country programme for Afghanistan (2021-2025), which is a clear indication of the commitment to support the Government of Afghanistan in the fight against drug trafficking [4].

Thus, it can be concluded that Afghanistan is going through difficult times associated with drug trafficking. In 2021, it remains the world leader in the illicit cultivation of opium poppy (85% of world production is concentrated in the territories of this country) [1].

The government of the state took a number of measures over a long period of time, but this was not enough due to the difficult economic and social situation in the country. War 1979-1989 had such a strong influence on the development of the state that the problems that arose during this period remain unresolved to this day. To prevent the worsening of the situation in the country, further support from the international community is needed, as well as directly carrying out reforms within the state, creating conditions that allow citizens to abandon the cultivation of opium poppy.

One of the important points for achieving success in this area is the strengthening of international control in the field of drug trafficking, including the coordination of actions of countries through territories of which the main drug trade routes pass.

Reference bibliographic list:

1. UNODC: Opium Production in Afghanistan Increased by 8 Percent [Electronic resource] URL: <https://news.un.org/ru/story/2021/11/1413952>.
2. The UN Treaty Database [Electronic resource] URL: <https://clck.ru/32p5ZE>.
3. Country Programme for Afghanistan 2016 - 2019 [Electronic resource] URL: <https://www.unodc.org/afghanistan/en/country-programme.html>.
4. 67 MT of Drugs and Precursor Chemicals Destroyed by Counter Narcotics Police of Afghanistan [Electronic resource] URL: <https://clck.ru/32p5ec>.
5. 2020 Secretary-General's Annual Report on the Work of the Organization [Electronic resource] URL: <https://www.un.org/annualreport/2020/files/2020/09/Annual-report-SG-2020-EN-Complete-Web.pdf>.
6. Afghan Narcottrafficking Illicit Financial Flows: Joint U.S.-Russia Working Group on Afghan Narcottrafficking [Electronic resource] URL: <https://www.eastwest.ngo/sites/default/files/ideas-files/illicit-financial-flows.pdf>.
7. Chouvy P. -A. Opium: uncovering Politics of the poppy. - Cambridge (Mass): Harvard Univ.. Press. 2010. № 14. 256 p
8. Opiate Alows Through Northern Afghanistan and Central Asia: a Threat Assessment. May 2012 [Electronic resource] URL: <http://fileservr.idpc.net/library/unodc-opiate-flows-through-northern-afghanistan-and-central-asia.pdf>.
9. Report of the International Narcotics Control Board for 2021 [Electronic resource] URL: https://www.incb.org/documents/Publications/AnnualReports/AR2021/Annual_Report/E_INCB_2021_1_eng.pdf.
10. Reports published by the International Narcotics Control Board in 2011 [Electronic resource] URL: https://www.incb.org/documents/Publications/AnnualReports/AR2011/AR_2011_English.pdf.
11. Kirsanov A. I. Afghanistan as a drug state (in russ) // Power. 2010. №1. P. 104–107
12. Knyazev A. Criminal components of conflict situations in Kyrgyzstan, Tajikistan and Turkmenistan (in russ) // «Russia and the Muslim World». 2009. P. 68-79
13. Mitrofanenkova O. E. Drug trafficking and modern Afghanistan (in russ) // Proceedings of the Institute of Oriental Studies of the RAS. 2017. № 5. P. 324-336
14. Naumov A. O. Drug threat as a challenge for the global governance system at the beginning of the XXI century (in russ) // Vesti of Moscow University. Series 21. Governance (State and society). 2015. № 4. P. 80–102

Костовинская Е.Н.

студентка 2 курса бакалавриата
Крымский филиал ФГБОУВО «РГУП»Научный руководитель: Айвазова Э.Р., к.ф.н., доцент,
кафедры иностранных языков Крымского филиала ФГБОУВО «РГУП»**«ЗАЩИТА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИКОВ
В НОРВЕГИИ»**

Аннотация: В статье рассматриваются основные аспекты влияния незаконного оборота наркотиков на права человека в Норвегии, анализируются реформы, проводимые государством в этой сфере, проводится анализ положений международных актов, помогающих выработать правильную стратегию в борьбе с проблемой употребления наркотических веществ. Сопоставляются статистические данные и исторический опыт Норвегии в рассматриваемой сфере, для понимания того, какие меры в отношении ограничения наркотиков действительно работают. Акцентируется внимание на выработке мер государством, которые направлены не на устрашение, а на помощь людям, начавшим употреблять психотропные вещества. Предлагаются меры, которые помогут уменьшить количество людей, принимающих наркотики.

Ключевые слова: наркотики, права человека, Норвегия, реформы, международные акты, психотропные вещества.

**PROTECTION OF HUMAN RIGHTS IN THE CONTEXT OF DRUG TRAFFICKING IN
NORWAY**

Abstract: The article examines the main aspects of the impact of drug trafficking on human rights in Norway, analyzes the reforms carried out by the state in this area, analyzes the provisions of international acts that help to develop the right strategy to combat the problem of drug use. Statistical data and the historical experience of Norway in this area are compared in order to understand what measures regarding drug restrictions really work. Attention is focused on the development of measures by the state that are aimed not at intimidation, but at helping people who have started using psychotropic substances. Measures are proposed to help reduce the number of people taking drugs.

Keywords: drugs, human rights, Norway, reforms, international acts, psychotropic substances.

In the modern world, every State, including Norway, is actively fighting drug trafficking. It is worth noting that Norway is among the top five leading countries on humane and health-driven drug policies [1]. The most relevant at the present stage is the study of measures aimed at combating drugs, as well as the protection of human rights in the context of drug trafficking, in particular in Norway.

The purpose of this article is to identify the features of measures aimed at combating drugs in Norway, to determine the specifics of reforms that determine the position of this country among the best countries in the field of humane and health-driven drug policies.

The specific objectives of the study are: 1. Study of important events and decisions, as well as changes in legislation and regulations in the field of drugs from 1960 to the present day. 2. Determination of the features of measures taken to reduce the use of narcotic substances. 3. Analysis of the reasons why Norway is among the top five leading countries on humane and health-driven drug policies.

Since the establishment of the United Nations in 1945, Norway has been a major contributor to the UN. It has been an important contribution to a world order based on international law, peaceful conflict resolution and international cooperation. At the same time, Norwegian UN policy has also been about building a positive image of Norway as a nation of peace [2].

The street sale of drugs in Norway has increased dramatically since the late 1960s. In 1961, the State Clinic for Drug Addicts (SCN) was opened in Hove, Sendre land. The clinic was created to receive so-called "classic" drug addicts: medical workers or patients who had access to drugs and started using them [3]. In 1964, the Law on Medicines was adopted. The general penalty for violating the law was established in the form of a fine and/or imprisonment for up to 3 months. In 1965, the first confiscation of cannabis took place in Norway. When the use of illegal substances increased sharply in Norway and young people started using drugs, there was a strong belief that punishment could solve all problems. Thus, from 1965 to 1984, the punishment for drug-related crimes in our State increased from 6 months to 21 years in prison. Despite these measures taken, the number of people using drugs continued to grow. In 2002, the capital of Norway – Oslo received the title of "Drug Death Capital of Europe" [4], which reflects the problems authorities have in dealing with drugs problems, particularly in Eastern Oslo.

Drug-related relations in Norway are regulated by: the Criminal Code and the Law on Medicines. Drug use entails a violation of the Law on Medicines. Section 24 of the Medicines Act states that possession and use of drugs is illegal. According to the second paragraph of article 31 of the Law on Medicines, possession and use of drugs can be punished with a fine or imprisonment for up to 6 months, or both. Usually a preliminary ban (fine) is imposed, the amount of which depends on the type and quantity of the substance. The Law on Medicines applies to people who use drugs. When it comes to storage, purchase and sale, smuggling, etc., the Criminal Code is applied [5]. If you are convicted under the Criminal Code, the punishment will be more severe.

It is necessary to note that Norway is undergoing a drug reform. As part of the reform, the Government advocates that people caught using illegal drugs should be required to appear before a municipal advisory group, and not be punished with fines and imprisonment. So, in the spring of 2022, the Supreme Court of Norway ruled that the acquisition, use and possession by drug addicts of up to five grams of heroin, amphetamine or cocaine for their own use is not punishable [6]. Thus, drugs have been decriminalized in our state.

It should also be noted that Norway, in carrying out the fight against drugs, follows the Single Convention on Narcotic Drugs of 1961, as amended, the Convention on Psychotropic Substances of 1971 and the UN Convention against Illicit Traffic in Narcotic Drugs and Psychotropic Substances of 1988.

According to statistics, cannabis is the most widely used illegal drug in Norway. One in four has tried cannabis in their lifetime. The central stimulants: cocaine, ecstasy/MDMA and amphetamines are the most commonly used illegal drugs after cannabis. These substances are also most common among men and in the youngest age groups. In 2020, 324 drug—related deaths were recorded in Norway, 31 percent of them women. Eight out of ten deaths were related to opioid use. Heroin was the drug that stood out in the statistics the most, compared to the previous three years. In 2020, 75 deaths from heroin use were recorded, in 2019 there were 54 such deaths, which corresponds to an increase in deaths from this drug by 39 percent. "Other opioids," such as morphine, codeine and oxycodone, were the most frequent major intoxicants in 2020, killing 95 people. This is ten more people than in 2019 [7].

A study conducted in 2020 in Norway examined the relationship between cannabis use in the past 12 months and related factors (such as attitudes towards legalization, intention to use it and perception of risk) and the possible development of addiction among university and college students, and outlined considerations on the necessary response strategies. In light of the relatively widespread use of cannabis, attitudes towards legalization, the degree of willingness to use cannabis in the event of its legalization and a low subjective assessment of the risk associated with it, the authors of the study suggest that cannabis use poses a significant risk to the health of college and university students in the country. Therefore, response strategies on college campuses should be aimed not only at solving the problem of frequent cannabis use, but also at changing students' attitudes to cannabis and risk assessment [8].

Norway, being a member state of the UN and taking an active part in the UN Office on Drugs and Crime, is actively pursuing an internal policy aimed at combating drug trafficking. Drug-related problems have huge consequences for individuals and society.

Through the Norwegian drug policy, efforts are being made to reduce the availability of drugs by introducing measures against production, importation and turnover. This is done at the national level, for example through police and customs authorities, and through a broad international engagement [9].

The adoption of various regulatory legal acts, amendments to existing laws, as well as ongoing drug reform contribute to reducing drug trafficking, which allows:

- firstly, to reduce drug use, while focusing on effective and universal prevention, early intervention, affordable treatment and follow-up.
- secondly, decriminalize drugs, so that drug use in Norway will steadily decrease. By freeing drug addicts from the stigma of criminals, our state will significantly increase the percentage of those who will voluntarily choose treatment.
- thirdly, Norway helps other UN member states by directing its financial contributions to international drug cooperation through multilateral organizations; and participates in their governing bodies.

Because of all the above, it can be argued that in the modern world the spread of drugs has become one of the most serious problems threatening the existence and development of mankind. To cope with this problem, States must implement an integrated approach to its solution. In turn, Norway, in order to solve the problem of drug trafficking, protects, respects and embodies the right of the population to health by allocating the maximum possible resources to provide affordable and high-quality medical care, including access to necessary medicines, palliative care, comprehensive drug control programs, education in this area, treatment for drug addiction and harm reduction programs.

Reference bibliographic list:

1. Norway has Best Drug Policies and Brazil Has Worst, According to New Index. [Электронный ресурс] URL: <https://healthpolicy-watch.news/countries-need-to-prioritize-health-in-framing-drug-policies-current-policies-affect-poor-people-more-shows-new-report/>. Дата обращения: 10.11.2022 г.
2. FN er viktig for Norge. [Электронный ресурс] URL: <https://www.fn.no/om-fn/norge-og-fn>. Дата обращения: 23.11.2022 г.
3. Historisk oversikt over narkotika i Norge 1912-2021. [Электронный ресурс] URL: <https://www.fhi.no/nettpub/narkotikainorge/narkotika-i-historien/historisk-oversikt-over-narkotika-i-norge-1912-2018/>. Дата обращения: 27.11.2022 г.
4. Drinking and Drugs in Norway: What You Need to Know. [Электронный ресурс] URL: <https://www.worldnomads.com/travel-safety/northern-europe/norway/drinking-and-drug-safety-issues-in-norway>. Дата обращения: 28.11.2022 г.
5. Narkotika i Norge. [Электронный ресурс] URL: <https://www.fhi.no/nettpub/narkotikainorge/>. Дата обращения: 22.11.2022 г.
6. No decriminalisation of drugs in Norway yet: Being caught with a joint can still have major consequences. [Электронный ресурс] URL: <https://sciencenorway.no/addiction-cannabis-crime/no-decriminalisation-of-drugs-in-norway-yet-being-caught-with-a-joint-can-still-have-major-consequences/2054646>. Дата обращения: 27.11.2022 г.

7. Narkotikabruk i Norge. [Электронный ресурс] URL: <https://www.fhi.no/nettpub/narkotikainorge/bruk-av-narkotika/narkotikabruk-i-norge/#:~:text=Cannabis%20er%20det%20mest%20brukte,utbredt%20i%20de%20yngste%20aldersgruppene>. Дата обращения: 17.11.2022 г.
8. Доклад Международного комитета по контролю над наркотиками за 2021 год. [Электронный ресурс] URL: https://unis.unvienna.org/pdf/2022/INCB/INCB_2021_Report_R.pdf. Дата обращения: 25.11.2022 г.
9. Narkotikapolitikk. [Электронный ресурс] URL: <https://www.regjeringen.no/no/tema/helse-og-omsorg/psykisk-helse/innsikt/narkotikapolitikk/id2528185/>. Дата обращения: 20.11.2022 г.

Джемилева Г.Л.,

студентка 3 курса бакалавриата

Крымский филиал ФГБОУВО «РГУП»

Научный руководитель: Айвазова Э.Р., к.ф.н., доцент,

кафедры иностранных языков Крымского филиала ФГБОУВО «РГУП»

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НЕЗАКОННОМУ ОБОРОТУ НАРКОТИКОВ

Аннотация: В статье рассматриваются ключевые аспекты глобальной проблемы распространения и незаконного оборота наркотических веществ. Внимание сосредоточено на изучении осуществляемой на основе внешних и внутренних партнерских отношений нормативной, аналитической и оперативной деятельности Управления Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности, а именно исследована правовая база работы указанного органа, а также комплекс предпринимаемых международно-правовых мер, направленных на защиту прав человека в условиях незаконного оборота наркотиков. Приведены статистические данные по исследуемому вопросу, а также рассмотрены перспективы развития международного сотрудничества по решению проблемы наркотиков и в целом деятельности УНП ООН в этом направлении.

Ключевые слова: права человека, наркотические вещества, незаконный оборот наркотиков, преступность, ООН, УНП ООН, международное сотрудничество.

INTERNATIONAL LEGAL COUNTERMEASURES AGAINST DRUG TRAFFICKING

Abstract: The article examines key aspects of the global problem of the diffusion and trafficking of narcotic drugs. It focuses on the normative, analytical and operational activities of the United Nations Office on Drugs and Crime through external and internal partnerships, examining the legal framework of the Office, as well as the set of international legal measures aimed at protecting human rights in the context of drug trafficking. It provides statistical data on the issue under study and looks at the prospects for international cooperation to address the drug problem and UNODC activities in that area in general.

Keywords: human rights, addictive substances, drug trafficking, crime, UN, UNODC, international co-operation.

Nowadays humanity is going through very difficult times. The drug problem has taken on a global dimension, and the security of humanity as a whole and the rights and legitimate interests of everyone are under threat.

The most relevant at the present stage is the study of the ways, measures and means used at the international level to combat drug trafficking, in addition, at the present stage it is important the significance of the role of United Nations Office on Drugs and Crime (UNODC) as a global leader in the combating against drugs and crime.

The purpose of this article is to highlight the specificity and legal basis of UNODC's work, as well as the special aspects of the organisation of state cooperation in the framework of the drug problem.

The specific objectives of the study are: 1. Examine the legal instruments on which UNODC's work is based. 2. Identify the peculiar features of the body's operations. 3. Study the specifics of the organisation of international cooperation and future prospects in the field of combating drug trafficking.

Drug addiction is a chronically relapsing disorder characterised by compulsive use of addictive substances, despite adverse consequences for the individual and society. According to the UN Office on Drugs and Crime World Drug Report 2022, around 284 million people around the world used drugs in the past year while over 36 million suffered from drug use disorders.

In surveys of health professionals conducted during the pandemic in 77 countries, 42% stated that cannabis use increased. During the same period, there was an increase in non-medical use of pharmaceutical preparations [3]. According to the latest global estimates, about 5.5 per cent of people aged 15-64 have used drugs at least once in the past year, and 36.3 million people, or 13 per cent of all drug users, have a drug use disorder [4].

The category of teenagers and young people is particularly vulnerable to substance abuse. The greatest harm from drugs is associated with the use of opioids, especially because of the risk of contracting HIV or hepatitis C if precautions are not taken when injecting drugs. Some 42 million years

of 'healthy' life have been lost as a result of drug use (through premature death and disability). This is also largely due to drug use disorders, especially opioids [5].

Over the past decade, deaths from drug use disorders have almost doubled, far outstripping increases in the number of users. Statistics for 2019 link around half a million deaths to drug use. Serious liver disease, caused by hepatitis C, was responsible for more than half of the deaths. This trend also partly reflects an increase in overdose deaths related to opioids such as fentanyl. This is particularly the case in countries with high levels of poverty. On a more positive note, there has been a decline in HIV and AIDS-related deaths among people who use drugs over the past decade [6].

Health systems are facing an increasing challenge, with an estimated 36 million people suffering from drug use disorders in 2019, up from 27 million in 2010 [7]. The non-medical use of cannabis and sedatives increased during the pandemic. According to a survey of health-care providers conducted in 77 countries, an increase in non-medical use of sedatives was reported in 64 per cent of countries, and an increase in cannabis use in 42 per cent.

The United Nations Office on Drugs and Crime (UNODC) is responsible for the international drug problem. It was established in 1997 as a merger of the UN Drug Control Programme and the Centre for International Crime Prevention. UNODC operates throughout the world and is represented by a network of regional offices.

The organization provides support to member states in the combating drugs, crime prevention and counterterrorism. In the UN Millennium Declaration, member states committed to strengthening the fight against transnational crime on all fronts and to countering the world's drug problems, and agreed to participate jointly in combating international terrorism. UNODC collects, analyses and reports data on drug trafficking trends, including arrests, seizures, prices and purity of illicit drugs, provided by Member States through Annual Reports Questionnaires (ARQs). Through the same mechanism, UNODC also collects and reports data on the illicit manufacture of controlled substances, including data on clandestine laboratories. In addition, it also collects and reports data on significant individual drug seizures reported by Member States.

The work of the United Nations Office on Drugs and Crime is guided by a number of different international legal instruments, such as the three drug control conventions, the United Nations Convention on Transnational Organized Crime and its Protocols, the United Nations Convention against Corruption, the United Nations standards and norms of crime prevention and criminal justice, and the 19 universal legal documents on combating terrorism.

Drawing on its normative, analytical and operational work, UNODC will continue to work through partnerships both within and outside the United Nations system to assist Member States in providing effective and accountable security and justice services to citizens.

An important instrument in the war on drugs is the Single Convention on Narcotic Drugs, which was adopted in 1961 (amended 1972) at a UN conference. It requires Member States to take domestic measures to coordinate preventive and repressive measures against drug trafficking; assist each other in the campaign against illicit trafficking; cooperate closely with each other and with competent international organisations; ensure rapid international cooperation between the relevant authorities; ensure the speedy and appropriate transmission of legal documents for prosecution [8].

Also important are the provisions of the Convention on the Rights of the Child, Article 33 of which requires member states to take all appropriate measures to protect children from drug use and "prevent the use of children in the illicit production and trafficking of such substances". With this, as well as Articles 6 and 24, it can be concluded that Member States strive to ensure that every child has the right to access necessary health care services.

The International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights also guarantees the right of everyone to the highest attainable standard of physical and mental health.

Another key aspect to note is that UNODC has a strategy for 2021-2025 and to address the drug problem, the organization has set the following targets under the three international drug control conventions of 1961, 1971 and 1988: explore the links between the drug problem and various aspects of sustainable development, peace and security of human rights; support Member States in the implementation of international obligations in the field of drug policy; increase access to drug use disorder treatment, rehabilitation, recovery and social reintegration, and HIV/AIDS and hepatitis prevention, treatment and care; assert related human rights and gender considerations, especially among vulnerable groups; focus on understanding the relationship between the drug problem and transnational organized crime, including cybercrime, corruption, trafficking, financial flows and terrorism; expand the role and capacity of the UNODC laboratory to support Member States' programmatic and policy responses to illicit drug trafficking and related healthcare services; strengthen national law enforcement capacity to address drug problems in a sustainable manner [9].

When it comes to ways to reduce drug use, prevention is one of the most important and paramount. Young people should be helped to build positive relationships with their environment, and to foster an inclusive and safe living space. In doing so, the principles of protecting and promoting the rights

of people who use drugs, guaranteeing them dignified treatment, protection from stigmatization and equal access to health care and social assistance should be respected.

However, there are also obstacles in the fight against drug trafficking. For example, at its 20th session, the UN General Assembly acknowledged that the use of the Internet presents an additional obstacle to tackling drug abuse [10].

Based on the above, a comprehensive approach is needed to address the problem. In this regard, measures to detect illicit proceeds and financial flows that encourage drug trafficking, strict regulation and oversight of cryptocurrency markets, and monitoring of electronic payments to identify suspicious transactions and notify competent authorities are also appropriate. And the effectiveness of approaches depends on all jurisdictions adopting and enforcing the same regulatory framework, and governments setting the same rules for all.

Thus, we can see that UNODC has lofty goals because its work aims to ensure stability and security in the world. The solution to the drug problem requires concerted action by states themselves and a conscious attitude on the part of each individual. If these conditions are fulfilled, the battle against the poison that empowers bodies and destinies will surely be won.

Reference bibliographic list:

1. Zolotov A. Y. Drugs: A Historical Retrospective (in russ) // The Economics of Education. – 2013. – №1. – P. 174-177.
2. Encyclopedia "Krugosvet". (in russ) [Electronic resource] URL: <https://www.krugosvet.ru/enc/medicina/NARKOTIK.html>. Access date: 22.11.2022.
3. Official website of the United Nations. UNODC world drug report 2022 booklet 1. [Electronic resource] URL: https://www.unodc.org/unodc/en/data-and-analysis/wdr-2021_booklet-1.html. Access date: 22.11.2022.
4. Official website of the United Nations. UNODC world drug report 2022 booklet 2. [Electronic resource] URL: https://www.unodc.org/res/wdr2022/MS/WDR22_Booklet_2.pdf. Access date: 22.11.2022.
5. Official website of the United Nations. UNODC world drug report 2019. [Electronic resource] URL: https://wdr.unodc.org/wdr2019/prelaunch/WDR2019_B1_R.pdf. Access date: 22.11.2022.
6. Official website of the United Nations. UNODC world drug report 2021. [Electronic resource] URL: https://www.unodc.org/res/wdr2021/field/V2104297_russian.pdf. Access date: 22.11.2022.
7. Official website of the United Nations. UNODC world drug report 2010. [Electronic resource] URL: https://www.unodc.org/documents/wdr/WDR_2010/World_Drug_Report_2010_rus_web.pdf. Access date: 22.11.2022.
8. Official website of the United Nations. Single Convention on Narcotic Drugs. [Electronic resource] URL: https://www.unodc.org/pdf/convention_1961_ru.pdf. Access date: 22.11.2022.
9. UNDOC Strategy 2021-2025 // [electronic resource] <https://www.unodc.org/documents/Advocacy-Section/UNODC-Strategy-WEB.pdf>. Access date: 22.11.2022.
10. Tsirina M. A. Dissemination of pro-drug information on the Internet: countermeasures (in russ) // Journal of Russian Law. – 2012. – № 4. – P. 44-50.

Куртумерова Л.А.

студентка 3 курса бакалавриата
Крымский филиал ФГБОУВО «РГУП»

Научный руководитель: Эмирильсоева С.С., к.пед.н.,
доцент кафедры иностранных языков
Крымского филиала ФГБОУВО «РГУП»

ЗАЩИТА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ ОБОРОТА НАРКОТИКОВ. ОПЫТ ГАНЫ

Аннотация: В статье рассматриваются основные аспекты защиты прав человека в контексте незаконного оборота наркотиков, совместной работы правительства и народа Ганы в интересах устойчивого экономического и социального развития, мира и прав человека. Особое внимание уделяется борьбе с наркотиками, а также обеспечению розыска, изъятия наркотиков и арестов. Главной целью наркополитики должно быть улучшение здоровья людей за счет сокращения употребления наркотиков. Пример Ганы показывает, что гражданское общество и правительство могут вести диалог для пересмотра приоритетов наших стран и содействия устойчивому развитию. Следует поощрять правительства других западноафриканских стран к демонстрации политической воли пойти по стопам Ганы и сделать все, что в их силах, чтобы разорвать порочный круг бедности, уязвимости и криминализации.

Ключевые слова: защита прав человека, незаконный оборот наркотиков, национальное законодательство, Управление ООН по наркотикам и преступности, НАКОБ, обеспечение соблюдения законов о наркотиках, обеспечение соблюдения законов о наркотиках в стране, защита прав человека.

PROTECTION OF HUMAN RIGHTS IN THE CONDITIONS OF DRUG TRAFFIC. GHANA EXPERIENCE

Abstract: The article examines the main aspects of human rights protection in the context of drug trafficking, the Government and the people of Ghana are working together in the interests of sustainable economic and social development, peace and human rights. Special attention is paid to the fight against drugs, as well as to ensuring the search, seizure of drugs and arrests. The main goal of drug policy should be to improve people's health by reducing drug use. The example of Ghana shows that civil society and Government can engage in dialogue to review the priorities of our countries and promote sustainable development. The Governments of other West African countries

should be encouraged to demonstrate the political will to follow in Ghana's footsteps and do everything in their power to break the vicious cycle of poverty, vulnerability and criminalization

Keywords: Human rights protection, drug trafficking, national legislation, United Nations Office on Drugs and Crime, NACOB, drug law enforcement, drug law enforcement in the country, protection of human rights.

Drug trafficking began in the 1950s and early 1960s, which led to a rapid increase in their distribution in West Africa. Demand in the United States and Europe, namely for cocaine, cannabis and other drugs, was growing rapidly.

This led to the development of two different trade routes, both of which passed through West Africa. One of the routes was the export of domestically produced cannabis from West Africa to South Africa, Europe and Asia. Another trade route brought cocaine from Latin America and heroin from Afghanistan and Southeast Asia to Europe and the United States.

In Ghana itself, there is no extensive or popular knowledge about the drug industry and intercepted drugs due to the activities of the industry and involvement in the underground economy. The social context in which drug trafficking, storage, transportation and repackaging systems exist in Ghana, and the location of the State along the Gulf of Guinea in the Atlantic Ocean - just a few degrees north of the Equator - makes Ghana an attractive country for drug trafficking

International pressure and prioritization by regional Governments have contributed to the growth of drug control organizations in many West African countries, shifting the focus of political, economic and social actions within the country

The Republic of Ghana is one of the largest cannabis producers in West Africa. It is worth noting that Ghana was first exposed to cannabis through Ghanaian soldiers who came into contact with this substance in South Asia during World War II. Ghana is currently the second largest cannabis producer in West Africa and the third in the world.

Initially, drugs were smuggled in small quantities; but over time, the demand for drugs continued to grow, and large quantities of cocaine were entrusted to West African countries, in particular Nigeria, Ghana and Guinea-Bissau.

Since then, West Africa has become a key component of the global drug trade due to the increase in both the diversity and quantity of drugs transported through West Africa, as well as the expansion of drug trafficking from West Africa to other parts of the continent

The United Nations has been present in Ghana since the early 1960s and works together with the Government and people of Ghana for sustainable economic and social development, peace and human rights.

The Drug Control Committee is the main national anti-drug body and works to ensure the search, seizure of drugs and arrests. The Ghana Agency, located under the Ministry of the Interior, develops and enforces drug laws in the country. The committee's work is aimed at preventing the use, import and export of drugs [1].

Taking into account, the committee regularly conducts inspections at various points of entry into the country, especially at airports and seaports. We have decided on regular inspections that are carried out on ships and passengers at airports as a security check. During these inspections, if any suspicious narcotic drugs are found, the committee confiscates them and conducts tests to determine what kind of substance it is.

The Drug Control Committee in Ghana takes three main measures: the first is to enforce and monitor drug control laws in the country; the second is to educate and prevent drug use; and finally, the third is the treatment, rehabilitation and social reintegration of drug addicts.

According to the Single Convention on Narcotic Drugs, which was adopted in 1961 at the United Nations Conference, participating countries should take internal measures to coordinate preventive and repressive measures against drug trafficking [2].

Among its main stages we can distinguish:

In 2018, the United Nations in Ghana and the Government

Ghana launched the United Nations Partnership for Sustainable Development.

Second. In 2018, the Government of Ghana and the United Nations in Ghana jointly signed the UN Partnership for Sustainable Development for two thousand eighteen two Thousand Twenty-two years [3].

In 2020, the Ghanaian Parliament passed the Drug Control Commission Act. Under the new law, many people have been jailed for possession of one or two rolls of marijuana or any other drug, but the criminal market has not been eradicated. Therefore, the main goal of drug policy "should be to improve people's health by reducing drug use.

In 2019, the World Health Organization's Committee of Experts on Drug Addiction presented the results of a detailed review of the evidence related to cannabis.

One of the recommendations concerns the exclusion of cannabis from the 1961 UN Convention on Narcotic Drugs, which confirms that the drug has significant therapeutic benefits for the treatment of pain and other diseases.

The example of Ghana shows that civil society and Government can engage in dialogue to review the priorities of our countries and promote sustainable development [4].

Ghana established diplomatic relations with the United States in 1957, the year of independence. Since then, Ghana has been an example for African countries in promoting good governance and ensuring regional stability. The United States and Ghana are working together on various defense and law enforcement cooperation issues

Reiterating that the work of the United Nations Office on Drugs and Crime of UNODC is guided by a number of different international legal instruments, such as the three drug control conventions, the United Nations Convention against Transnational Organized Crime and its Protocols, the United Nations Convention against Corruption, United Nations standards and norms, and criminal justice, as well as 19 universal legal instruments on combating terrorism [5].

Reference bibliographic list:

1. The Single Convention on Narcotic Drugs of 1961 (as amended in 1972) [Электронный ресурс] URL:<https://www.unodc.org/unodc/en/treaties/single-convention.html>
2. United Nations adopted on 24 October 1945, ratified by Great Britain, China, the Soviet Union, the United States, France [Электронный ресурс] URL:<https://www.un.org/ru/>
3. The Convention on Psychotropic Substances of 1971 [Электронный ресурс] URL: <https://www.unodc.org/unodc/en/treaties/psychotropics.html>
4. The United Nations Convention against Illicit Traffic in Narcotic Drugs and Psychotropic Substances of 1988, [Электронный ресурс] URL: <https://www.unodc.org/unodc/en/treaties/illicit-trafficking.html>
5. The Commission on Narcotic Drugs [Электронный ресурс] URL: <https://www.unodc.org/unodc/commissions/CND/>

СЕКЦИЯ V.

«Первые шаги в науке». Статьи студентов – лауреатов конференции, обучающихся по программам среднего профессионального образования**Бровко К.Р.**студентка 2 курса ФНО СПО
Крымский филиал ФГБОУВО «РГУП»Научный руководитель: Чернядьева Н.А., д.ю.н, доцент,
профессор кафедры государственно-правовых дисциплин
Крымский филиал ФГБОУВО «РГУП»**ОХРАНА ОБЪЕКТОВ НЕМАТЕРИАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ: ПРАВОВОЙ ОПЫТ КОРОЛЕВСТВА САУДОВСКОЙ АРАВИИ**

Аннотация: В статье рассматривается правовой опыт Королевства Саудовская Аравия (далее - Королевство, Саудовская Аравия, КСА, СА) относительно вопроса сохранения объектов нематериального культурного наследия. Проведен анализ международного сотрудничества Королевства относительно вопроса сохранения объектов нематериального культурного наследия, а также внутригосударственных механизмов охраны и защиты таких объектов, с учетом религиозных особенностей Саудовской Аравии.

Ключевые слова: культура, нематериальное культурное наследие, ЮНЕСКО, Королевство Саудовская Аравия.

PROTECTION OF INTANGIBLE CULTURAL HERITAGE OBJECTS: LEGAL EXPERIENCE OF THE KINGDOM OF SAUDI ARABIA

Annotation: The article examines the legal experience of the Kingdom of Saudi Arabia (hereinafter referred to as the Kingdom, Saudi Arabia, KSA, SA) regarding the issue of preservation of intangible cultural heritage objects. The analysis of the Kingdom's international cooperation on the issue of preservation of intangible cultural heritage objects, as well as domestic mechanisms for the protection and protection of such objects, taking into account the religious characteristics of Saudi Arabia, is carried out.

Key words: culture, intangible cultural heritage, UNESCO, Kingdom of Saudi Arabia.

Нематериальное культурное наследие имеет немаловажное значение во всем мире, а его защита – это одна из самых актуальных проблем и вопросов нашего времени. В свою очередь актуальность обусловлена тем, что в настоящее время многие объекты нематериального культурного наследия, находятся под угрозой их забвения и гибели. Именно поэтому остро звучат вопросы сохранения объектов нематериального культурного наследия, как одной из составляющей всемирного культурного наследия и их правовой охраны [1, с. 244]. Защита объектов нематериального культурного наследия содержит немаловажные направления деятельности, такие как, нормативная, воспитательная и другие. Многоаспектность и значимость объектов нематериального культурного наследия подтверждает необходимость более полной защиты объектов нематериального культурного наследия путем общемирового обсуждения и сотрудничества. Кроме того, для достижения обозначенной цели и сохранения национальной идентичности, немаловажным является изучение внутригосударственного правового опыта, в частности Королевства Саудовская Аравия, относительно вопроса правовой охраны и защиты объектов нематериального культурного наследия.

Определение нематериального культурного наследия содержится в Конвенции об охране нематериального культурного наследия 2003 года (*не ратифицирована Российской Федерацией; далее - Конвенция*), в соответствии с которой к таким объектам относятся обычаи, формы представления и выражения, знания и навыки, — а также связанные с ними инструменты, предметы, артефакты и культурные пространства, — признанные сообществами, группами и, в некоторых случаях, отдельными лицами в качестве части их культурного наследия [2]. Сохранением объектов нематериального культурного наследия на универсальном уровне занимается Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (далее – ЮНЕСКО), в рамках деятельности которой реализуются программы и принимаются документы, охраняющие изучаемое наследие [3]. В состав организации входит 193 государства-члена, каждое из которых заинтересовано в ее деятельности по сохранению объектов нематериального культурного наследия, при этом имея индивидуальные меры по охране таких объектов. Кроме того, государства-участники в рамках деятельности ЮНЕСКО выступают с инициативой внесения в репрезентативный список нематериального культурного наследия человечества элементов своей страны, представляют свои доклады, отражающие инициативы по передовым проблемам правовой защиты объектов нематериального культурного наследия [4].

Одним из таких государств-участников является Саудовская Аравия. Королевство имеет древнюю историю, которая способствовала развитию арабской и мусульманской культуры. КСА развивает культуру и поддерживает традиции, а также защищает национальное нематериальное культурное наследие, которое является составляющей частью культуры. Объекты нематериального культурного наследия Саудовской Аравии очень тесно связаны с религией, историей и экономикой страны. Если рассматривать позицию и цель религии в региональном масштабе, то она заключается в сплочении таких же «консервативных арабских и мусульманских государств», а также защите объектов, которые нуждаются в сохранении и исходят из религиозных традиций и обычаев [5, с. 24].

КСА выстраивает внешнюю политику с позиции сотрудничества с дружественными странами. В 1946 году Саудовская Аравия стала членом ЮНЕСКО [6]. Королевство является активным участником организации, и регулярно вносит в списки свои национальные объекты нематериального культурного наследия. Саудовская Аравия также является участником Конвенции 2003 года. В 2020 г. Саудовская Аравия стала членом Исполнительного комитета ЮНЕСКО и впервые была избрана в комитет нематериального культурного наследия организации [7].

За все время от Саудовской Аравии в ЮНЕСКО был подан список объектов нематериального культурного наследия, которые нуждаются в защите со стороны международной организации. В итоге, были внесены следующие объекты [8]:

1. Форма ткачества «Аль-Саду» (внесена в список в 2011 году) - традиционная форма ткачества, практикуемая женщинами в деревенских общинах.

2. Меджлис (внесен в список в 2015 году) – это совет-место, где члены общины собираются для решения проблем, выражения соболезнований и проведения свадеб. Меджлис обычно отличается большим пространством, истинными хранителями этого наследия считаются пожилые люди, знающие об окружающем мире, людях, взаимоотношениях и истории страны или племени.

3. Арабский кофе (включен в список под названием «Арабский кофе - символ щедрости», в 2015 году).

4. Аларда Альнаджия – традиционный танец с песнопениями, в котором обычно используются мечи, с определенными движениями. Это исполнительское искусство, практикуемое для празднования начала или окончания важного события, такого как религиозные праздники, свадьбы, рождения, выпускные церемонии, важные национальные или местные события. Исполнение этого искусства способствует взаимному уважению и социальной сплоченности.

5. Альмезмар (внесен в список в 2016 году) – танец с использованием палок под барабанный бой. Данный вид танца - форма культурного самовыражения, которая способствует укреплению идентичности сообщества, объединяет людей из разных слоев общества.

6. Аль-Катт Аль-Асири (внесен в список в 2017 году) – женское традиционное украшение стен в интерьере в Асире. Данное украшение стен имеет социальную функцию, а именно способствует передаче искусства от одного поколения к другому.

7. Финиковая пальма (включена в список под названием «Финиковая пальма, знания и навыки, традиции и навыки», в 2019 году). Пальма - это благословенное дерево, упомянутое в Священном Коране и Сунне пророка.

8. Соколиная охота (внесена в список в 2021 году). Первоначально возникла как способ добывания пищи, а затем эта практика развивалась с течением времени, пока не стала ассоциироваться с охраной природы.

9. Арабская каллиграфия (внесена в список под наименованием «Искусство плавного письма, выражение гармонии и красоты» в 2021 году) [9].

Таким образом, согласованные действия ЮНЕСКО и Саудовской Аравии способствуют культурному и научному развитию страны, охране объектов нематериального культурного наследия, находящихся под угрозой.

Помимо международного сотрудничества, КСА активно осуществляет внутригосударственные меры по усовершенствованию законодательства и государственных институтов, распространению и укреплению своей культуры внутри государства. С этой целью в 2018 в государстве было создано Министерство культуры СА (далее – министерство). В министерстве образованы творческие ассоциации (Саудовская ассоциация художников, Ассоциация саудовских театральных деятелей, Ассоциация саудовских фотографов и т.д.) [10].

В крупных городах Королевства учреждены литературные клубы, открыты культурные центры, подчиненные министерству. Кроме того, имеется несколько ансамблей народного искусства, в основном танцевальных и только мужских по составу. В различных регионах Королевства проводятся фестивали народного творчества - выступления профессиональных и непрофессиональных артистов. В области литературы стала популярна поэзия, в то время как изобразительное искусство появилось сравнительно недавно (вторая половина XX века),

театральное искусство (появилось около 45 лет назад), средства массовой информации, интернет и кинематография - очень ограниченные сферы. Перечисленные направления развития нематериального наследия в КСА на законодательном уровне подвержены жесткой цензуре с целью сохранения традиций исламского мира [10].

В Саудовской Аравии также основано Общество сохранения наследия Саудовской Аравии (SHPS) - благотворительная организация, созданная для служения национальному наследию в Королевстве [11]. В 2019 году ЮНЕСКО зарегистрировала ассоциацию в качестве международной неправительственной организации в области наследия, став, второй саудовской неправительственной организацией, зарегистрированной ЮНЕСКО [7].

Следует также подчеркнуть, что иностранные культурные мероприятия законодательно также чрезвычайно ограничены. Кроме этого существует так называемый *комитет по поощрению добродетели и удержанию от порока или «полиция нравов»*. Данный комитет, осуществляет контроль за соблюдением религиозных правил и государственных законов. К примеру, существует запрет на свободное местоположение во время молитвы, в противном же случае сотрудники полиции имеют право принудительно вывести людей с общественного места. Еще одним примером можно отметить особенности одежды для женщин. Это заключается в том, что вне дома женщинам настоятельно рекомендовано носить одежду прикрывающую все части тела (паранжа) и при нарушении данного обычая – следует штраф.

Несмотря на жесткие условия жизни в культурной сфере общества, пока не замечается ярких демонстраций и противостоянию данному режиму. Безусловно, существуют попытки выйти из обозначенных рамок, также существует столкновения между традиционным и современным началами, т.е. между исламским, родоплеменными устоями и новой заграничной в частности западной идеологией. Стоит подчеркнуть, что, идея дома Саудов, нашедшая свое отражение в деятельности министерства, направлена на сплочение общества вокруг государства. Эта идея целенаправленно формируется саудовскими СМИ в общественном сознании [10].

Кроме того, в Саудовской Аравии существует внутригосударственный проект «*Saudi Vision 2030*» [12], сущность которого состоит, в том числе, в укреплении исламского и арабского мира путем сохранения национального культурного наследия. Программа направлена на создание прочной образовательной базы для всех граждан, с раннего возраста, с целью прививания правильных ценностей во время становления личностей. Особо в программе подчеркивает, что такой процесс должен происходить с изучением истории государства, его традиций, семейные ценностей.

Таким образом, Королевство Саудовской Аравии осуществляет международное сотрудничество в сфере охраны объектов нематериального культурного наследия, является участником Конвенции об охране нематериального культурного наследия 2003 года. Также многие объекты нематериального культурного наследия Королевства включены в список ЮНЕСКО объектов нематериального культурного наследия.

Саудовская Аравия осуществляет национальное регулирование в сфере охраны нематериального культурного наследия. Так, в Королевстве создан специальный орган - Министерство культуры СА, различные творческие ассоциации подчинённые ему. Кроме того, в КСА реализуются национальные проекты, направленные на популяризацию и прививание мысли заботы о нематериальном культурном наследии. Королевство, с учетом существования в государстве исламской теократии, уделяет особое внимание охране религиозных устоев и их передаче последующим поколениям. Эта особенность также отражается и на осуществление законодательного запрета проникновения в государство элементов иностранной культуры. Перечисленные меры отражают особенности правовой охраны национальных объектов нематериального культурного наследия Саудовской Аравии и векторы государственного регулирования.

Пристатейный библиографический список:

1. Кирюшина Ю.В., «Нематериальное культурное наследие – актуальное понятие современности». // Философия, социология и культурология. Известия Алтайского государственного университета. 2011. № 2-1. С. 244 -247.
2. Конвенция об охране нематериального культурного наследия. Принята 17.10.2003 года Генеральной конференцией ЮНЕСКО. [Электронный ресурс] URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cultural_heritage_conv.shtml
3. The United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization (UNESCO). // [Электронный ресурс] URL: <https://www.unesco.org/en/brief>
4. Коротко о ЮНЕСКО: Миссия и мандат. [Электронный ресурс] URL: <https://ru.unesco.org/about-us/introducing-unesco>
5. Ганиев Т.А., Карякин В.В. «Большой ближний восток: геополитическая регионалистика конфликтного центра мировой цивилизации» // Электронный научный журнал «Архонт». Актуальная геополитика, 2018, № 4 (7). С. 15-28.
6. UNESCO in Саудовская Аравия. [Электронный ресурс] URL: <https://www.unesco.org/ru/countries/sa>
7. ЮНЕСКО обновила состав Исполнительного совета (28 ноября 2019 год). [Электронный ресурс] URL: <https://www.unesco.org/ru/articles/yunesko-obnovila-sostav-ispolnitelnogo-soveta>
8. Список нематериального культурного наследия и Реестра надлежащей практики охраны Королевства Саудовской Аравии. [Электронный ресурс] URL: [https://ich.unesco.org/en/lists?text=&country\[\]=00012&multinational=3#tabs](https://ich.unesco.org/en/lists?text=&country[]=00012&multinational=3#tabs)
9. Общество сохранения наследия Саудовской Аравии (SHPS). [Электронный ресурс] URL: <https://shps.org.sa/ich/>

10. Ананьин М.И. «Состояние дел в области культуры в Королевстве Саудовская Аравия». // Регионы мира: динамика и модели взаимодействия. Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения 2016. №3(5). С. 102-107.
11. Общество наследия Саудовской Аравии запускает культурные проекты Saudi heritage society launches cultural projects. Arabnews. 04 октября 2013 года. [Электронный ресурс] URL: <https://www.arabnews.com/news/466648>
12. Видение Саудовской Аравии 2030. Saudi Vision 2030. The Progress & Achievements of Saudi Arabia. [Электронный ресурс] URL: <https://www.vision2030.gov.sa/>

Дудышев Д.А.

Студент 2 курса ФНО СПО

Крымский филиал ФГБОУВО «РГУП»

Научный руководитель: Чернядьева Н.А., д.ю.н, доцент,
профессор кафедры государственно-правовых дисциплин
Крымский филиал ФГБОУВО «РГУП»

ОХРАНА НЕМАТЕРИАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ: ПРАВОВОЙ ОПЫТ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Аннотация: В работе рассматриваются международно-правовой опыт Китайской Народной Республики (далее – Китай, КНР) в аспекте сохранения нематериального культурного наследия, проведен анализ основных национальных законодательных актов Китая в культурной сфере. Также автором обозначены основные проблемы КНР, возникающие в сфере охраны нематериального культурного наследия. По результатам исследования сформулированы выводы с целью усвоения положительного правового опыта.

Ключевые слова: Китай, культурные ценности, нематериальное культурное наследие, ЮНЕСКО.

PROTECTION OF INTANGIBLE CULTURAL HERITAGE: LEGAL EXPERIENCE OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA

Abstract: The paper examines the international legal experience of the People's Republic of China (hereinafter referred to as China, PRC) in the aspect of preserving intangible cultural heritage, analyzes the main national legislative acts of China in the cultural sphere. The author also identifies the main problems of the People's Republic of China arising in the field of protection of intangible cultural heritage. Based on the results of the study, conclusions are formulated in order to assimilate positive legal experience.

Keywords: China, cultural values, intangible cultural heritage, UNESCO.

Сохранение культурной идентичности, национальных традиций в эпоху глобализации является одной из первостепенных задач для каждого государства. Для сохранения нематериального культурного наследия сейчас, как на международном, так и на национальном уровнях, принимается множество мер [1]. Однако, существующие механизмы ввиду наличия некоторых факторов, например, таких как культурная экспансия, нуждаются в усовершенствовании. Именно поэтому актуальным представляется анализ опыта других государств в сфере охраны нематериального культурного наследия, с целью усвоения положительного опыта для усовершенствования национальной правовой охраны объектов нематериального культурного наследия. В данном исследовании рассмотрим правовой опыт Китая, как одного из государств, сотрудничающего с Российской Федерацией, а также как государства имеющего множество правовых и культурных особенностей.

Китай является активным участником международного сотрудничества. В настоящее время в списках нематериального культурного наследия Организации Объединённых Наций по вопросам образования, науки и культуры (далее – ЮНЕСКО) Китай занимает более пятидесяти позиций [2]. В списке нематериального культурного наследия от КНР входят искусство Тай – чи, традиционные китайские методы приготовления чая и связанные с ними обычаи, фестиваль лодок – драконов и многие другие.

КНР ратифицировала Конвенцию об охране нематериального культурного наследия (2003 год) [3]. Кроме того, Китай ведет активную деятельность по формированию регионального пространства по охране нематериального культурного наследия. Так, например, Китай сыграл важную роль в содействии развитию проекта *World Heritage and Sustainable Tourism Programme (WH+ST)* [4]. Этот проект подразумевает развитие устойчивого культурного туризма. В феврале 2015 года руководитель проекта П. Дебрин в Центре всемирного наследия, посетил Институт по подготовке кадров и научным исследованиям в области всемирного наследия для Азиатско-Тихоокеанского региона (*WHITR-AP*), провел переговоры и выразил намерение реализовать пилотный проект в Азиатско-Тихоокеанском регионе с участием Китая [5, с. 64].

Данный проект получил положительную оценку в ЮНЕСКО. Организация отмечает следующее: «Программа ЮНЕСКО по всемирному наследию и устойчивому туризму

представляет собой новый подход, основанный на диалоге и сотрудничестве заинтересованных сторон, при котором планирование туризма и управление наследием интегрированы на уровне назначения, природные и культурные ценности, нематериальное наследие оцениваются и охраняются, а соответствующий туризм развивается» [4].

Кроме того, ЮНЕСКО выделяет средства для населения стран, которое наиболее активно проявило себя в области сохранения нематериального культурного наследия. В рамках проекта «UNESCO Asia-Pacific Awards for Cultural Heritage Conservation» [6] ЮНЕСКО «Выявляет и продвигает образцовые практики в области сохранения наследия посредством присуждения премий ЮНЕСКО за сохранение культурного наследия при более активном участии «недопредставленных» регионов (Восточная Азия, Центральная Азия и страны Тихоокеанского региона) и ширококой представленности различных форм наследия. Это также предоставит возможности для укрепления потенциала и обмена исследованиями и профессиональной практикой, связанными с наследием, с использованием примеров и стандартов премий ЮНЕСКО за сохранение культурного наследия».

В Китае существуют национальные проекты охраны объектов нематериального культурного наследия, финансируемые ЮНЕСКО. Это такие проекты как: «Учебные и модельные сайты для достижения ЦУР в Азиатско-Тихоокеанском регионе», «Укрепление потенциала стран Северо-Восточной Азии по сохранению нематериального культурного наследия» [5, с. 65].

Являясь одним из ведущих государств во многих сферах, в том числе в сфере культуры, и обладая богатейшей историей [7], Китай ведет активную национальную правовую работу по охране объектов нематериального культурного наследия.

Рассмотрим положительный национальный опыт КНР в сфере охраны нематериального культурного наследия:

В стране действует закон «О нематериальном культурном наследии» от 2011 года [8], согласно которому к нематериальному культурному наследию Китая относятся:

- а) устные традиции и формы выражения, включая язык в качестве носителя нематериального культурного наследия;
- б) традиционные изящные искусства, каллиграфия, музыка, танец, театр, сказительство, акробатика;
- в) традиционные ремесла, медицина, способы летосчисления;
- г) традиционные обряды и празднества;
- д) традиционные виды спорта и развлечений;
- е) иное нематериальное культурное наследие.

В Китае также функционирует Фонд молодежи и развития, который финансирует важнейшие проекты по сохранению объектов нематериального культурного наследия [2].

Помимо этого, правовое поле Китая охраняет не только сами объекты нематериального культурного наследия, но и субъектов осуществляющих их охрану - *«носителей ремесла и иных форм нематериального культурного наследия»*. Так, для таких субъектов китайским законодательством, согласно «Уведомлению о рекомендации представительных наследников национального нематериального культурного наследия (Рекомендации о порядке выдвижения преемников представителей различных направлений национального нематериального культурного наследия)» от 2007 года [9] предусмотрена премия для «специальных охранителей» или «представительных наследников». На наш взгляд, благодаря такой системе «наследники» получают материальную поддержку от государства, что позволяет популяризации объектов нематериального культурного наследия.

Однако, правовая охрана объектов нематериального культурного наследия в Китае не лишена пробелов. Как указывает Л. Куйли в Китае существует проблема неточности законодательных актов, направленных на охрану объектов нематериального культурного наследия. По словам автора: «в настоящее время правовое положение Китая в сфере охраны нематериального культурного наследия постепенно улучшается, однако есть потребность в более совершенной и адаптивной правовой норме, тем более не оформилась полная правовая система» [10, с. 50-54]. В частности, вышеуказанный Закон 2011 года «О нематериальном культурном наследии», хоть и играет весьма важную роль в охране объектов нематериального культурного наследия, но по своему содержанию является весьма абстрактным, поэтому его реализация затруднена. Также осложняют правовое регулирование и выполнение многих задач, поставленных китайским правительством на мировой арене наличие множества разрозненных законов.

Таким образом, Китай является активным участником международного сотрудничества, а именно КНР ратифицировала Конвенцию об охране нематериального культурного наследия 2003 года, осуществляет сотрудничество с ЮНЕСКО в области охраны объектов нематериального культурного наследия, реализует множество проектов, в том числе развивает региональное сотрудничество в сфере нематериального культурного наследия. Кроме того, национальная правовая охрана нематериального культурного наследия в Китае достаточно развита, законодательство в данной сфере продолжает модернизироваться. Также правительство КНР

реализует множество внутригосударственных проектов, направленных на сохранения объектов нематериального культурного наследия, обозначение особого статуса субъектов осуществляющих их охрану, а также повышение осведомленности населения и популяризацию объектов нематериального культурного наследия. Однако, существующие проблемы правового регулирования, угроза исчезновения объектов нематериального культурного наследия обуславливают дальнейшее международное сотрудничество и национальную правовую работу по повышению правовой охраны объектов нематериального культурного наследия.

Пристатейный библиографический список:

1. Деятельность ЮНЕСКО в области культуры. [Электронный ресурс] URL: <http://unesco.ru/?s=культура>
2. Список нематериального культурного наследия ЮНЕСКО. [Электронный ресурс] URL: https://www.ihchina.cn/minglu_search/sel_way/0/sel_year/0/sel_country/0/keyword/0/sel_type/0#target
3. Конвенция об охране нематериального культурного наследия. Принята 17.10.2003 года Генеральной конференцией ЮНЕСКО. [Электронный ресурс] URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cultural_heritage_conv.shtml
4. Проект ЮНЕСКО «World Heritage and Sustainable Tourism Programme». [Электронный ресурс] URL: <https://whc.unesco.org/en/tourism/>
5. Ду Цзинюаня Деятельность ЮНЕСКО и правительства КНР по сохранению культурного наследия Китая в начале XXI века. Санкт-Петербургский государственный университет. [Электронный ресурс] URL: https://dspace.spbu.ru/bitstream/11701/31477/1/Dissertacia_Du_Czinuan.pdf
6. Портал прозрачности ЮНЕСКО [Электронный ресурс] URL: <https://opendata.unesco.org/en/>
7. Ци Ю. Охрана нематериального культурного наследия как приоритете государственной политики КНР // Вестник МГЛУ. 2016. Вып. 2 (741). С. 325-335.
8. Закон Китайской Народной Республики «О нематериальном культурном наследии» от 2011 г. [Электронный ресурс] URL: https://chinalaw.center/administrative_law/china_intangible_cultural_heritage_law_2011_russian/
9. China Youth Development Foundation. [Электронный ресурс] URL: <https://en.cydf.org.cn/>
10. Лю Куйли. Исследование теорий о сохранении нематериального культурного наследия. // Форум народной культуры. 2004. № 2. С. 50-54.

Исмаилова С.Р.,

Студентка 3 курса ФНО СПО
Крымский филиал ФГБОУВО «РГУП»

Халилова Л.Э.

Студент 3 курса ФНО
Крымский филиал ФГБОУВО «РГУП»

Научный руководитель: Коршунова И.Г.
старший преподаватель кафедры иностранных языков
Крымского филиала ФГБОУВО «РГУП»

ЗАЩИТА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ НАРКОТИЧЕСКОГО ОБОРОТА В ИТАЛИИ

Аннотация: Статья посвящена проблеме незаконного оборота наркотических и психотропных веществ. Поднимается вопрос о защите прав человека в условиях наркотического оборота. Рассматриваются основные нормативно правовые акты, регулирующие борьбу с наркобизнесом в Италии. Предлагаются пути решения проблемы наркобизнеса в Италии.

Ключевые слова: наркотики, защита прав человека, незаконный оборот наркотических средств, международные акты.

PROTECTION OF HUMAN RIGHTS IN THE CONDITIONS OF DRUG TRAFFIC IN ITALY

Resume: The article is devoted to the problem of illicit trafficking in narcotic and psychotropic substances. The question of the protection of human rights in the context of drug trafficking is raised. The main regulatory legal acts regulating the fight against drug trafficking in Italy are considered. Ways of solving the problem of drug trafficking in Italy are proposed.

Key words: drugs, drug business, protection of human rights, drug trafficking, international acts.

Проблема распространения наркотиков является одной из самых важных проблем современности. Наркоторговля и организованная преступность подпитывают циклы насилия и конфликтов и обеспечивают их сохранение. Вооруженные группы и террористы получают прибыль от незаконной торговли наркотиками, а экономические последствия пандемии COVID - 19 повысили для миллионов людей риск оказаться вовлеченными в наркопреступность.

Италия благодаря географическому положению, а также существованию на территории страны крупных преступных структур остается важной транзитной страной, через которую большая доля наркотиков попадает в Европу. В основном, на итальянский рынок наркотиков поставляется кокаин, произведенный в Колумбии, героин из Афганистана, синтетические наркотики из Нидерландов. На юге Италии выращивается конопля, также в стране ежегодно производятся аресты лабораторий по производству запрещенных веществ, как правило, кокаина.

Италия является вторым по величине европейским потребителем опиатов (уступая только Великобритании) и третьим – по потреблению кокаина (после Великобритании и Испании). Опасения итальянского правительства также вызывают синтетические наркотики, гашиш и марихуана, запрещенные законодательством.

Правительство Италии ведет борьбу с наркотиками внутри страны и на международном уровне. Правовую основу в сфере борьбы с незаконной деятельностью в области наркотиков, а также лечения и профилактики наркомании обеспечивает указ президента Республики №309 от 9 октября 1990 года и его последующие изменения.

В Италии основным нормативным актом, регулирующим борьбу с наркобизнесом, является Закон о наркотических и психотропных веществах, лечении и реабилитации токсикоманов N 685 от 22 декабря 1975 г. [1] Последующие изменения были внесены в него законами N 291 от 21 июня 1985 г. и N 162 от 26 июня 1990 г. Анализ Закона № 162 показывает, что в его положениях, в отличие от Закона № 685, прослеживается тенденция к ужесточению наказания за совершение преступлений, связанных с наркотиками.

В Италии законы, определяющие легальное потребление наркотиков не поддаются смягчению. Статья 73 Единого реестра классификации наркотических веществ [2] наказывает сроком лишения свободы от шести до двадцати лет и штрафом от 26.000 евро до 260.000 евро любого, кто производит, выращивает, доставляет, предлагает другим лицам, продаёт, транспортирует, отправляет транзитом наркотик всех типов происхождения и степени тяжести.

В Италии разработаны и действуют законодательные ограничения на распространение и применение наркотиков. Следует упомянуть, что в 1993 году радикальная партия во главе с Марко Паннеллой успешно провела кампанию за референдум, который отменил уголовное наказание за личное употребление легких наркотиков.

В 2006 году спорный закон Фини-Джованарди 49/06 устранил различие между тяжелыми и легкими наркотиками и, таким образом, сделал хранение марихуаны и гашиша наказуемым так же строго, как хранение героина или кокаина, пока в конечном итоге он не был отменен Конституционным судом в 2014 году. Кроме того, Закон 49/06 ввел критерий количественного определения количества активного вещества в конфискованных наркотиках, а также политику абсолютной нетерпимости в отношении поведения и обстоятельств, которые могут указывать на незаконный оборот наркотиков. Как следствие, преступление было бы совершено, если бы количество активного вещества превышало пределы, установленные Министерской таблицей, которая для каннабиса была установлена на уровне 500 мг.

С 14 декабря 1995 года Италия является государством-членом Организации Объединённых Наций (далее – ООН) [3]

В рамках деятельности ООН создана организация, деятельность которой направлена на борьбу с преступностью и распространением наркотиков. Это - UNODC (United Nation Office on Drugs and Crime)- (Управлением по борьбе с наркотиками и преступностью)

Необходимо также подчеркнуть, что в соответствии с данными доклада от 2021г. Международного комитета по контролю над наркотиками ООН, потребление марихуаны населением Италии в возрасте от 15-64 лет в 2018 году составило 12% мужчин и 7% женщин. Помимо этого, потребление марихуаны среди молодежи 15-16 лет составило 14,4%.

По оценкам Управления ООН по борьбе с наркотиками и преступностью, торговля коноплей и гашишем приносит итальянской мафии более 32 миллиардов евро ежегодно. Италия занимает лидирующую позицию по обороту наркотиков, а конкретно 3-е место по потреблению марихуаны и 4-ое место потреблению кокаина. Это с учётом того, что законодательство жёстко наказывает за распространение наркотиков в Италии

На международном уровне, на сегодняшний день, для борьбы с незаконным оборотом наркотиков, создано сотрудничество между полицией и таможней более высокого уровня, чем было в прошлом.

Правоохранительные органы международного уровня, которые ответственны за борьбу с незаконным наркооборотом выделяют в следующем списке:

- MCDDA (European Monitoring Center for Drug and Drugs Addictions);
- CARICC (Central Asian Regional Information and Coordination Center);
- INTERPOL (International Criminal Police Organization);
- MAOC-N (Maritime Analysis and Operations Center - Narcotics);
- OSCE (Organizzazione per la Sicurezza e Cooperazione in Europa);
- UNODC (United Nation Office on Drugs and Crime).

Роль координатора итальянской политики в сфере борьбы с наркотиками исполняет Департамент по борьбе с наркотиками (Dipartimento Politiche Antidroga), организованный в 2008 году при правительстве. В его обязанности входит обеспечение взаимосвязи между различными министерствами, а также между центральными и региональными органами власти.

Борьба с наркотиками является одним из приоритетных направлений деятельности национальной полиции. В рамках структуры государственной полиции действует Центральный

директорат по борьбе с наркотиками (DCSA, Direzione centrale per i servizi antidroga), который осуществляет свою работу как в Италии, так и на международном уровне. Обязанность противостоять незаконному обороту наркотических средств возложена на Финансовую гвардию (Guardia di Finanza).

В 2022 году правительство Италии приняло Национальный план действий по наркотикам на 2020-2025 годы (Piano di Azione Nazionale Antidroga), основанный на рекомендациях ООН и ЕС. Национальный план предусматривает мероприятия в области профилактики наркомании, ее лечения и реабилитации наркоманов, рассматривает национальные системы противодействия внедрению новых препаратов на рынке, борьбы с оборотом наркотических веществ через Интернет. Одной из целей плана является также сокращение распространения инфекционных заболеваний среди потребителей наркотиков.

Италия является участником ряда международных конвенций, касающихся наркотиков: Единой конвенции о наркотических средствах (1961) [4], Конвенции о психотропных веществах (1971) [5], Конвенции ООН по борьбе против незаконного оборота наркотиков (1988) [6].

В 2007 году Италия совместно с Великобританией, Францией, Ирландией, Нидерландами, Португалией и Испанией подписала договор об учреждении в Лиссабоне Морского оперативно-аналитического центра по борьбе с наркотиками (The Maritime Analysis and Operation Centre – Narcotics, МАОС-N). Задачей Центра стала координация работы морской полиции с целью предотвращения попадания наркотиков на территорию Евросоюза морским путем.

В 2008 году МВД Италии и Федеральная служба по контролю за оборотом наркотиков России подписали меморандум о сотрудничестве в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств.

В результате предпринятых усилий, по данным Международного комитета по контролю над наркотиками от 2021г., наметилась тенденция снижения применения наркотиков среди молодежи 15-16 лет на 11%, и 15-19 лет на 30% по подсчетам на 2021г. по сравнению с 2018 годом.

Помимо различных законодательных мер, которые дают возможность зависимому от психоактивных веществ пройти путь выздоровления, направленный на предотвращение как рецидива, так и совершения новых преступлений, является профилактика, которой в Италии уделяется большее значение в контексте работы с молодежью. Подчеркивая необходимость активизации действий и сотрудничества на национальном и международном уровнях по борьбе со злоупотреблением наркотиками и их незаконным оборотом, глава государства подчеркивает, что серьезное и тревожное явление наркомании, которое со временем принимает новые и более коварные формы проникновения, доступа и зависимости, которые затрагивают многих молодых людей в ситуациях материальных, психологических и экологических трудностей, требуют от учреждений усиления инструментов профилактики и контроля [7].

Касаясь темы дня, Маттарелла отмечает, что необходимо повышать осведомленность детей о вреде наркотиков путем поощрения и увеличения инвестиций в благополучие детей и молодежи, их семей и сообществ и попытки развить у них сильное осознание факта что отказаться от употребления наркотиков означает не только уважать себя и свою жизнь, но и жить на законных основаниях, препятствуя тем самым распространению преступности и беззакония [7].

В заключении необходимо подчеркнуть, что Италия потратила много сил на решение проблемы наркозависимости и наркоторговли, но проблема не решена и даже продолжает усугубляться и набирать обороты. Только совместными усилиями с другими странами Италия сможет урегулировать решение этой проблемы.

Италия предлагает следующие меры по борьбе с наркобизнесом:

Во-первых, ужесточить меры наказания за наркоторговлю.

Во-вторых, программы сокращения спроса на наркотики должны быть составной частью комплексной стратегии мер по сокращению спроса на все вещества, являющиеся предметом злоупотребления. Такие программы должны содействовать развитию сотрудничества между всеми заинтересованными сторонами, должны охватывать широкий диапазон соответствующих мер, должны содействовать укреплению здоровья и повышению социального благосостояния отдельных лиц, семей и общин и должны уменьшать неблагоприятные последствия злоупотребления наркотиками для отдельных лиц и общества в целом.

Пристатейный библиографический список:

1. Закон 22 декабря 1975 н. 685, ст. 26 культур и запрещенные производства [Электронный ресурс] URL: <http://www.ecn.org/hemp/Leggi-decreti/L685-75.htm>
2. Указ Президента Итальянской Республики от 9 октября 1990 года N 309 [Электронный ресурс] URL: <https://www.normattiva.it/urires/N2Ls?urn:nir:presidente.repubblica:decreto:1990;309>;
3. Официальный сайт Организации Объединённых Наций. Члены Организации Объединённых Наций. [Электронный ресурс] URL: <https://www.un.org/ru/about-us/member-states>.

4. Единая конвенция о наркотических средствах 1961 года с поправками, внесенными в нее в соответствии с Протоколом 1972 года о поправках к Единой конвенции о наркотических средствах 1961 года (Заклучена в г. Нью-Йорке 30.03.1961 [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_135628/
5. Конвенция о психотропных веществах (г. Вена 21.02.1971) [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121091/
6. Конвенция Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ [Электронный ресурс] URL: <https://docs.cntd.ru/document/1900535>
7. Заявление президента Маттареллы по случаю Международного дня борьбы с незаконным употреблением наркотиков и незаконным оборотом наркотиков [Электронный ресурс] URL: <https://www.quirinale.it/elementi/30591>

Звилинская В.М.

студентка 3 курса ФНО СПО

Крымский филиал ФГБОУВО «РГУП»

Научный руководитель: Коган Ю.Н., к.п.н., доцент,

доцент кафедры иностранных языков

Крымского филиала ФГБОУВО «РГУП»

ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НЕЗАКОННОМУ ОБОРОТУ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ В ТАИЛАНДЕ

Аннотация: В предлагаемой работе освещены основные законодательные акты Таиланда и их эффективность в сфере противодействия незаконному обороту наркотических средств. Рассмотрен законодательный проект «Война с наркотиками», социальные и политические последствия его реализации в стране. Изучены вопросы политической ситуации Таиланда в сфере противодействия незаконному обороту наркотических средств, вопрос легализации марихуаны в стране, его законодательная база. Предложены возможные векторы либерального развития страны в сфере противодействия незаконному обороту наркотических средств.

Ключевые слова: законодательство Таиланда, незаконный оборот наркотических веществ, «Война с наркотиками», реабилитация наркозависимых, Управление Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности, легализация марихуаны, Управление Комитета по контролю над наркотиками.

HISTORICAL AND LEGAL ASPECTS OF COUNTERING ILLICIT DRUG TRAFFICKING IN THAILAND

Abstract: The proposed paper highlights the main legislative acts of Thailand and their effectiveness in countering illicit drug trafficking. The legislative project "War on Drugs", social and political consequences of its implementation in the country are considered. The issues of the political situation in Thailand in the field of countering illicit drug trafficking, the issue of legalization of marijuana in the country, its legislative framework have been studied. Possible vectors of liberal development of the country in the field of countering illicit drug trafficking are proposed.

Keywords: Thai legislation, illicit drug trafficking, "War on drugs", rehabilitation of drug addicts, United Nations Office on Drugs and Crime, legalization of marijuana, Office of the Drug Control Committee.

Substance abuse is a serious problem affecting the social security and stability of society in many countries of the world. Thailand was no exception. This article will analyze the legal acts of Thailand in the field of countering narcotic drugs in a historical context. We will try to comprehensively consider such issues as the emergence of a state apparatus that controls the sphere of illicit drug trafficking; the use of repressive measures as a regulator of order in this area.; changes in the essence of Thailand's political position on narcotic drugs to a more liberal one over time and the change of the country's leading persons and bodies; the creation of a system of bodies that have assumed the authority to rehabilitate people suffering from drug addiction; the legalization of marijuana in Thailand.

The fight against narcotic substances in the kingdom has a long and complicated history. It all started in 1955, when opium – the most dangerous drug at that time – began to attract the attention of the Royal Thai Government and the *First resolution of the Cabinet Meeting was issued to ban smoking and the sale of opium*. However, this resolution did not have the proper impact and was not taken seriously due to the objections of the Ministry of Finance, which believed that such a measure would adversely affect the economic situation in the country.

Later, in December 1958, the Government of the Revolutionary Party under the leadership of Field Marshal Sarit Tanarat issued the *Proclamation of the Revolutionary Party No. 37* prohibiting smoking and the sale of opium throughout the country. This time the approach was much more serious – all the opium found among the citizens was burned under the personal supervision of the field Marshal, and the sale and smoking of opium finally became officially illegal.

Despite the use of such drastic measures, their effectiveness did not meet expectations. Very soon, people found a way out of the situation – to purchase and use morphine and heroin that appeared on the illegal market of Southeast Asian countries at that time. Heroin has become so popular that

clandestine laboratories for its production have even been established in Thailand. It was easy to use it without leaving traces and thus avoid punishment.

The Royal Thai government understood that drugs are one of the main problems of their country and it needs to be solved. That is why, at the Interpol Drug Control meeting held in January 1960 in Lahore, Pakistan, the country adopted a recommendation on the establishment of a drug control authority, acting as a coordinating body for the prevention and suppression of drug use within the country and internationally.

In April 1961, following this recommendation, the Royal Thai Government established the **Central Committee on Drugs** for the first time. The committee was headed by the Director General of the Police Department, and the council consisted of Deputy Permanent secretaries, directors and representatives of various interested institutions. The Council, in turn, established the Central Bureau for the Fight against Drugs of Thailand, located in the police department. It performed a coordinating function for the suppression and prevention of drug use and other commitments made to foreign countries and international organizations. Various subcommittees have also been set up in each region and region to coordinate the centralized system.

Despite the creation of the competent authority, the Government has not taken care to consolidate its powers legally. No law on the legal status of the Committee has been issued. Thus, every time the government was replaced, the functions of the Central Committee on Drugs ceased to operate, in order to continue working, it was necessary to reorganize with the new government, which took a lot of time and interfered with the stable work of the organization. As a result, the drug problem was not solved, but worsened.

This was the case until the publication of a new law in 1976. It was then that the **Drug Control Act B.E. 2519** was passed, [5] which created two new bodies:

1. Committee on Drug Control (NCB);
2. The Office of the Narcotics Control Board (ONCB).

The Committee had overall responsibility for the prevention and suppression of illicit drug use in Thailand, and the Office acted as the national coordinating body for its activities.

In 2002, the **Law on the Organization of Ministries, Subordinate Ministries and Departments** was issued, according to which the Department was transferred to the jurisdiction of the Ministry of Justice as an independent body. This was the end of the reorganization of this body. [4]

Despite the extensive legislative framework regulating the use and sale of drugs, and the presence of several authorized bodies, a situation has arisen, according to the King and the Government of Thailand, requiring radical measures. Thus, **King Rama IX of Thailand (Bhumibol Adulyadej)** in 2002 noted the growth of drug use in the country and called for a "war on drugs". After discussions on this decision, in 2003, the Government headed by Prime Minister **Thaksin Shinawatra** announced that the fight against drugs in the country would henceforth be conducted with special determination and all necessary measures would be taken for this. A little later, a plan developed for these purposes, the **"War on Drugs"**, was officially announced. It was headed by the Prime Minister. The main task of the project was to rid the country of drugs in three months.

During the execution of the project, special operations were carried out in the provinces of Thailand, during which members of drug cartels who were engaged in protecting poppy fields and secret trails of their organizations were killed. Government officials in the provinces and in central Thailand were charged with conducting their own investigations to find citizens and organizations involved in the illegal sale of drugs. During the first three months of the project, about two and a half thousand people were killed, which is twice as much as during the normal drug control regime. The policy pursued by the government has borne fruit – the level of drug consumption has decreased due to the increase in prices for their purchase. It can be assumed that the point here is not in the cruelty shown, but in the restriction of the activities of drug cartels, which caused a decrease in the volume of narcotic substances on the market, and, consequently, an increase in the price per unit of goods. [1]

Soon, critics who defended human rights turned their attention to the situation in Thailand. They claimed that most of the people were executed without trial. Trying to rehabilitate himself and protect himself from a wave of condemnations, Thaksin Shinawatra asked the UN Commission on Human Rights to send a special envoy to Thailand to assess the situation in the country. The envoy failed to identify anything illegal. The truth was revealed only in 2006, after the overthrow of the Prime Minister. A special investigation revealed shocking facts of numerous extrajudicial killings:

- About 2,500 people were killed during the sweeps;
- For 1,400 of them, there was no data on their participation in drug trafficking or on their provision of any assistance or assistance to drug dealers and drug couriers. [2]

Many journalists involved in this topic have also been subjected to extrajudicial repression. After this situation, the reputation of the former Prime Minister of Thailand and the country as a whole was seriously damaged. Violation of human rights in the modern world is a mistake that few people forgive.

To date, drug policy in Thailand is striving to improve the country's social indicators and health indicators of citizens. To this end, plans are being developed according to which the Ministry of Internal

Affairs of Thailand and the Bangkok administration will jointly create social rehabilitation centers. They will be created on the basis of criteria determined by the Committee for the Rehabilitation of Drug Addicts in Thailand. "Social rehabilitation" - measures to support people suffering from drug addiction or who have completed drug treatment. Objectives of the creation of such centers:

- Improving the quality of life of dependent and cured people in terms of housing, education, employment;
- Providing support to such people in the process of socialization.

Assistance will be provided in obtaining access to social services and temporary housing in order to enable people to live in a normal society without committing repeated offenses. [7]

Several Thai government agencies will assist the centers:

- Ministry of Social Development and Human Security;
- Ministry of Labor;
- Ministry of Health;
- Office of the Drug Control Committee.

International organizations are also in favor of introducing practices with the active work of rehabilitation centers in Thailand. For example, in April 2022, **UNODC** held an interagency meeting of high-level officials on the New Thai Drug Code in Bangkok to discuss the status of the Code and the steps to be taken to implement it, focusing on alternatives to imprisonment and lowering the sentencing thresholds. As a result of the meeting, it was agreed that UNODC would provide technical support to Thailand in developing evidence-based policies in line with international human rights principles, promoting respect for human rights through all drug-related programs and services. [9]

The next thing worth mentioning is the legalization of cannabis in Thailand. It all started in 2018, when a legislative project was developed to study the effect of medicinal marijuana on the human body and the Cabinet of Ministers of the country approved it. [3] Then, in the 2019 elections to the House of Representatives, Anutin Charnvirakul, one of the candidates, announced that the legalization of marijuana was the main direction of his party's political activity. In 2020, he became Deputy Prime Minister and Minister of Public Health of Thailand. In 2022, Anutin Charnvirakul developed a new draft **Law on the Decriminalization of marijuana in Thailand**. The Act came into force in June 2022. [6] Thus, Thailand became the first Southeast Asian country to officially legalize the use and sale of cannabis for medical purposes. There were several reasons for the adoption of such a law:

1) Political – as mentioned above, the Minister's position on marijuana was announced quite a long time ago, and it was done for a reason. The Deputy Prime Minister's party is located in the poor rural northeast of Thailand, and this policy appealed to farmers who saw an opportunity to increase their income by growing and selling cannabis. Soon, thanks to their votes, Anutin Charnvirakul's party won a seat in the House of Representatives;

2) Economic – the marijuana business can bring the country \$ 10 billion over the next three years, and even more if it becomes popular among tourists to come to Thailand for treatment using marijuana extracts. [8] The Minister of Public Health of Thailand has already opened the first specialized clinic in Bangkok;

3) Social – the Thai government no longer wants to pursue a cruel policy against people who use drugs. At the same time, before the adoption of the aforementioned law, three quarters of Thai prisoners were serving sentences for drug-related crimes, many of which are minor. It should be mentioned that Thailand's prisons attract a lot of attention from human rights critics. The conditions in which prisoners are held are incredibly cruel. Even guilty people should not live in inhumane conditions. Since the law came into force, more than 4,000 people accused of using cannabis have been released.

Currently, marijuana is allowed only as a medicinal product and is sold exclusively by prescription, it is prohibited to use it for recreational purposes.

Summarizing the material, we have studied in the field of legislative regulation of the use and sale of narcotic drugs in Thailand, we believe that the appropriate solution will be to continue the development of the country in the following areas:

1. Bringing the legislation in the field of narcotic drugs into a structured system and abolishing the legal force of outdated laws;
2. Construction of rehabilitation centers for people suffering from drug addiction;
3. The use of marijuana exclusively for medical purposes;
4. Protection of human rights through membership in international organizations;
5. Maintaining order in the country by applying liberal methods of legal regulation.

Considering all of the above, we can note that substance abuse is one of the most acute problems threatening the social security of Thailand. In the course of the work, an analysis of Thailand's legal acts in the field of narcotic drugs was carried out in a historical context, which showed that the country's legislative framework regulating this area is very extensive, but has not been formed for a long time, as a result of which it is not able to cover all the necessary volume of issues related to narcotic substances. Considering the issues we have studied privately, we can say that at the stage of the emergence of the

state apparatus controlling the sphere of illicit drug trafficking, the Thai government authorities made a mistake in assessing the scale of the problem, which subsequently led to an aggravation of the situation with the use and sale of opium. At the moment, the country's policy on narcotic substances is becoming more and more liberal, which is reflected, among other things, in the creation of a system of bodies that have assumed the authority to rehabilitate people suffering from drug addiction. This new policy provides Thai citizens who find themselves in prison for drug use with the opportunity to restore their former life and social status. The last and most controversial aspect of the topic we have examined is the legalization of marijuana in the kingdom. It should be clarified that we are talking about the abolition of the ban on the sale and use of marijuana exclusively for medicinal purposes. According to the authors, the improvement of methods of treatment of certain diseases, which does not harm the human body, only benefits society.

Thus, a retrospective analysis of the existing legal framework of Thailand in the field of countering illicit drug trafficking allows us to say with confidence that at the moment the country has chosen a different path of development. A path that can lead Thailand to social stability and security of society.

Пристатейный библиографический список:

1. A chronology of Thailand's "War on drugs": [Электронный ресурс]. URL: <http://www.humanrights.asia/resources/journals-magazines/article2/special-report-extrajudicial-killings-of-alleged-drug-dealers-in-thailand/a-chronology-of-thailands-war-on-drugs/>. Дата обращения: 25.11.2022 г.
2. A Wave of Drug Killings Is Linked to Thai Police: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nytimes.com/2003/04/08/world/a-wave-of-drug-killings-is-linked-to-thai-police.html>. Дата обращения: 25.11.2022 г.
3. Medical marijuana trials to start soon: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bangkokpost.com/thailand/general/1546686/medical-marijuana-trials-to-start-soon>. Дата обращения: 25.11.2022 г.
4. Office of the Narcotics Control Board: Ministry of justice: [Электронный ресурс]. URL: https://www.oncb.go.th/EN_ONCB/Pages/background.aspx. Дата обращения: 25.11.2022 г.
5. Office of the Narcotics Control Board. Ministry of Justice. Narcotic Laws of Thailand: [Электронный ресурс]. URL: https://forum.awd.ru/files/30/10/3215_3ba952d6997dea64e40c07bbc4b18cbc.pdf. Дата обращения: 25.11.2022 г.
6. Thailand cannabis: From a war on drugs to weed curries: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bbc.com/news/61836019>. Дата обращения: 25.11.2022 г.
7. Thailand reforms drug laws to reduce impacts of criminal justice system: [Электронный ресурс]. URL: <https://idpc.net/blog/2021/12/thailand-reforms-drug-laws-to-reduce-impacts-of-criminal-justice-system>. Дата обращения: 25.11.2022 г.
8. Thailand, Malaysia to legalize medical cannabis: [Электронный ресурс]. URL: https://www.thestrategist.media/Thailand-Malaysia-to-legalize-medical-cannabis_a3309.html. Дата обращения: 25.11.2022 г.
9. United Nation. Thai agencies and UNODC discuss the future of new Narcotics Code: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.unodc.org/roseap/2022/04/thailand-new-narcotics-code/story.html>. Дата обращения: 25.11.2022 г.

